

Я.И.Рубин

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

Я.И.Рубин

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

О ПРОБЛЕМАХ СЕМЬИ И ДЕТЕЙ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1986

Рецензенты:

З. М. ЮК, доктор экономических наук,
Р. В. ГРЕБЕННИКОВ, кандидат философских наук, доцент.

ВВЕДЕНИЕ

Семья и дети относятся к числу самых великих человеческих ценностей. Поэтому проблемы семьи и детей всегда злободневны, представляют большой научный и, просто говоря, житейский интерес.

Хорошо известен марксистский тезис о взаимодействии объективного и субъективного в общественной жизни. Положение каждого из нас в окружающем мире определяется, во-первых, тем, как оно сложилось само по себе (объективное), и, во-вторых, тем, как мы ведем себя в сложившейся обстановке, как действуем (субъективное).

Связи и отношения, характеризующие семью как социальный институт, как определенную устойчивую общность людей, являются продуктом взаимодействия тех же упомянутых обстоятельств. Руководствуясь этой истиной, мы в книге попытаемся показать, как в различных социальных условиях и в зависимости от личных установок и действий человека реализуется возможность пользоваться благами, которые людям приносят семья и дети.

Эта возможность представлена в книге как право на счастье. Такого права в юридическом смысле не существует. Но на деле оно есть. На деле оно содержится в понятии прав человека. С этой точки зрения счастье — это полное использование человеческих прав для удовлетворения потребностей, которыми выражена гармоничность физического и духовного бытия личности. Семья и дети — одна из главных форм удовлетворения этих потребностей.

Мы знаем, какая сегодня идет ожесточенная борьба на мировой арене вокруг проблемы прав человека. И это понятно: среди всех острейших проблем человечества она была и остается, по существу, главной.

Ведь когда мы говорим о необходимости отстоять мир на земле, уберечь нашу планету от ядерной смерти, мы подтверждаем первое и важнейшее право человека — на жизнь, безопасность. Возможность трудиться и иметь гарантированный источник существования и при этом, что

не менее важно, испытывать радость от пользы, приносимой трудом, — другая сторона прав человека. Еще одна их сторона — доступность образования и медицинской помощи, социальное обеспечение.

Эти фундаментальные права являются реальностью в обществе победившего социализма. Причем особенно наглядно они предстают в условиях высокого уровня развития социалистических производительных сил и производственных отношений. По мере совершенствования развитого социализма будет все полнее и глубже проявляться подлинно гуманная сущность прав, свобод, возможностей, которые предоставляет личности общественный строй, покончивший с эксплуатацией человека человеком. В то же время давно известно, что в эксплуататорском обществе права человека на деле были и остаются лишь «пустым обещанием». Иначе оно и не может быть: вся система этого общества, включая современный капитализм, который его идеологи силятся представить как «народный», зиждется на угнетении, обмане, присвоении плодов чужого труда. Буржуазные идеологи понимают, чем грозит их общественному строю сопоставление в сознании масс этого глубочайшего порока капитализма с возможностями для развития личности в социалистических условиях. Поэтому пропагандистские органы капиталистических стран прибегают ко всякого рода уловкам, чтобы замаскировать уродство своего общества.

В отношении семьи буржуазными идеологами предпринимаются попытки доказать, будто негативные явления в современной семейной жизни свойственны сегодняшнему человечеству в целом и что капитализм тут как бы ни при чем. Многие из них предрекают вырождение семьи как социального института.

Нам необходимо во всем этом разобраться. Мы проанализируем данные, которые помогут составить научное, то есть правильное, представление о современных проблемах семьи и детей в современном мире.

Особое внимание мы обратим на проблемы нашей, советской семьи. Это вытекает из роли, которую семья призвана играть в социалистическом обществе.

Наше представление об этой роли значительно обогатилось с принятием в 1983 году Верховным Советом СССР Закона о трудовых коллективах. До появления этого документа семья без каких-либо оговорок оценивалась как основная ячейка общества. Теперь эта оценка, в принципе вполне правильная, требует пояснений. Они пона-

добились в связи с тем, что, согласно букве и духу Закона о трудовых коллективах, основной ячейкой нашего общества является трудовой коллектив.

На первый взгляд одна оценка противоречит другой. В действительности же никакого противоречия здесь нет, ибо речь идет о ячейках различных масштабов, разных уровней в структуре общества и неодинакового общественного предназначения.

Трудовых коллективов в нашей стране свыше двух с половиной миллионов, семей — свыше семидесяти миллионов, почти в тридцать раз больше. Величины, как видим, явно не сопоставимые. Что касается места одной и другой ячейки в структуре общества, то семья так или иначе, тем или иным числом своих членов входит в состав трудовых коллективов. Семья и трудовой коллектив при этом соотносятся в известном смысле как часть и целое.

Наконец, об общественном предназначении каждой из ячеек. Тут окончательно уточняется специфика той и другой. Трудовой коллектив — основная социально-экономическая ячейка нашего общества. Семья — его основная социально-демографическая ячейка. В трудовом коллективе создаются материальные и духовные ценности, удовлетворяющие все полнее потребности человека, его развивающейся личности, и он же, производственный коллектив, является главной школой труда, трудовой деятельности как основы всей нашей жизни. В семье же осуществляется физическое и духовное воспроизводство поколений. И одновременно она является базой для удовлетворения потребности людей в эмоциональном общении, основанном на любви, доверии, взаимном уважении.

Словом, функции семьи и трудового коллектива, с одной стороны, совпадают, с другой — имеют свою специфику. При этом специфические функции семьи мы можем увидеть отчетливее на фоне функций трудового коллектива.

Коммунистическая партия придает огромное значение вкладу, который семья может и должна вносить в формирование нового человека, идейно убежденного, гармонически развитого, строящего жизнь по законам социальной справедливости и разума, добра и красоты. Принятое весной 1984 года Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР постановление «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразова-

тельной школы» четко ориентирует на то, чтобы всестороннее развитие человека начиналось с детских лет.

Основные направления этой деятельности — воспитание добросовестного отношения к учению и общественно полезному труду, воспитание любви к Родине. Ставится задача улучшения физического развития детей, совершенствования занятий музыкой, изобразительным искусством, углубления познания окружающей природы. Существенную помощь школе во всем этом должна оказать семья. Должна быть значительно повышена ответственность семьи за воспитание подрастающего поколения. Эта задача в решающей степени связана с обучением и воспитанием самих родителей, с дальнейшим совершенствованием деятельности, именуемой педагогическим всеобучем.

В семье, как уже было сказано, осуществляется воспроизводство поколений. Здесь человек рождается и взрослеет, согретый родительской заботой. Приходит время, и у него появляется своя собственная семья. Без нее трудно представить себе жизнь. Правда, вокруг нас немало взрослых людей несемейных, одиноких по разным причинам: для одного обрести семью «не пришло еще время» (не отыскался заветный «принц» или не до конца использована «свобода» холостяцкого существования), для другого супружество обернулось неудачей или, увы, семья с самого начала вообще не сложилась.

Не так уж много, однако, найдется людей, которые отвергают семью, так сказать, из принципа, считают ее «обузой». Если, конечно, речь идет не о каком-либо сколопалительном выводе, сделанном под влиянием случившейся семейной ссоры. Как, например, в чеховском рассказе о молодом человеке, который, желая уклониться от навязываемой ему женитьбы, надумал заручиться справкой, что он сумасшедший. Приятель-врач выдал бы ему этот спасительный документ, если бы не досадная случайность: просьба о справке поступила через какие-то минуты после того, как врач повздорил со своей женой. Выдать справку несчастному жениху он наотрез отказался. «Документ о сумасшествии» был бы выдан лишь в противном случае — если тот действительно решил бы жениться.

Ситуация, заметим, весьма типичная. Довольно часто мелкие семейные дразги настраивают людей «антисемейно». Главное, однако, в том, что такого рода настроения, как правило, преходящи, они не выражают сущности от-

ношения к семье. Семья, дети — привычная для большинства людей характеристика здорового, нормального существования человека.

Так по крайней мере было, так есть. Но не ставит ли под сомнение будущее существование семьи небывалое количество разводов? За примерами далеко ходить не надо. В 1950 году на тысячу заключенных браков у нас в стране приходилось 32 развода, в 1979 году (по Всесоюзной переписи населения) — 330, в десять с лишним раз больше. Или же заглянем в справочник «Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 г.». Мы видим (с. 8), что, например, в 1970 году зарегистрированных браков в расчете на 1000 жителей было в БССР 9,3; зарегистрированных разводов — 1,9. На пять браков — один развод. В восьмидесятые годы один развод приходится на три брака. Аналогична картина в других республиках Европейской части страны. И примерно то же происходит сейчас во многих развитых странах мира.

Если посмотреть на данные о разводах в нашей стране, как говорится, профессионально, то многое в печальной картине, предстанет в ином свете. Но цифры есть цифры — они способны впечатлять. И, естественно, возникает вопрос: уж не движется ли в самом деле институт семьи к своему закату?

Чтобы сказать, так оно или нет, нам прежде всего нужно достаточно четко представлять себе, чем с самого начала была вызвана для человека необходимость иметь семью, убедиться, продолжает ли эта причина действовать сегодня, оценить возможность ее сохранения в будущем. Это значит, что разговор целесообразно начать с экскурса в историю семейного института.

Уточнив суть семейных отношений в прошлом, мы попытаемся определить, при каких условиях исторически сложившаяся основа семьи сможет существовать и далее. Это потребует рассмотрения проблем семьи и детей с учетом особенностей общественного строя, породивших эти проблемы.

Социализм содержит в себе объективные предпосылки для наиболее успешного решения проблем семьи и детей. Но это не означает, что на пути их решения нет трудностей. О разводах уже было упомянуто. Еще большее внимание специалистов и общественности привлекает к себе факт заметно снизившегося в сравнении с шестидесятыми годами уровня рождаемости, в особенности в Прибалтийских республиках, в РСФСР, на Украине, в

Белоруссии. Вот почему проблемы семьи и детей требуют к себе неослабного внимания. В принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы партии отмечается, что усилению заботы о советской семье будет придаваться огромное государственное значение. Будет проводиться линия на укрепление семьи, оказание ей помощи в выполнении социальных функций, воспитании детей, на улучшение материальных, жилищных и бытовых условий семей с детьми и молодоженов. Будет проявляться забота о дальнейшем улучшении положения женщин-матерей с целью совершенствования условий для сочетания материнства с активным участием женщины в трудовой и общественной деятельности. В обосновании этого курса КПСС исходит из того, что семья играет важную роль в укреплении здоровья и воспитании подрастающих поколений, обеспечении экономического и социального прогресса общества, в улучшении демографических процессов. Здесь формируются основы характера человека, его отношение к труду, моральным, идейным и культурным ценностям. В семье прочной, духовно и нравственно здоровой, как подчеркивается в Программе КПСС, кровно заинтересовано наше общество.

Пусть факты и суждения, приведенные в этой книге, пойдут на пользу этому важнейшему делу. Пусть помогут они сделать крепче, надежнее семейные союзы и тем самым преумножить «количество счастья», которое должно приходиться на каждого взрослого и каждого ребенка.

НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ

Семья — первое из социальных образований людей, их первая общественная ячейка. Между тем вплоть до шестидесятых годов прошлого столетия об истории возникновения семьи науке было известно не более, чем мы сегодня знаем, например, о жизни на других планетах.

1. ЧЕГО НЕДОСТАВАЛО И ЧТО ВПОСЛЕДСТВИИ ПОЯВИЛОСЬ В ЗНАНИЯХ О СЕМЬЕ

Как уже говорилось, некоторые факты сегодня вынуждают задуматься над судьбами института семьи: выстоит ли она под могучим натиском новых веяний? С самого начала скажем: выстоит. Потому что незыблема основа семьи. В этом убеждает нас вся история возникновения и развития семейного института.

ДРЕВНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕМЬЕ И ЕГО ОПРОВЕРЖЕНИЕ НАУКОЙ

Историки уже давно располагают данными о начальных этапах существования Человека разумного — его орудиях, жилище и т. п. А как складывались отношения между людьми в те отдаленные времена, в частности отношения между мужчинами и женщинами, — это очень долго оставалось под покровом тайны.

Почему так получилось? В распоряжении ученых имеется немало предметов глубокой древности, добытых в результате раскопок. Мы не раз видели их в музеях: топоры, наконечники стрел, сосуды, предметы украшений. Все это — атрибуты вещественной, материальной культуры. А вот памятников иного порядка — духовного, отражающих культуру общения людей древнейшего мира, не оказалось. Памятники духовной культуры могли появиться, главным образом, после того, как появилась письменность.

Наши предки поступили, можно сказать, до обидного непредусмотрительно — не оставили нам никаких сведений о характере своих, как мы сказали бы сегодня, межличностных отношений. В результате оказалась неполной цепь знаний об истории человека, выкованная длительным и кропотливым трудом исследователей.

Впрочем, мало кто обратил внимание на имеющийся пробел. Людям казалось непогрешимым привычное, традиционное представление о семье. Представление, которое было почерпнуто из библии.

Однако наукой давно доказано, что библия воспроизводит человеческую историю в искаженном виде. Это проявляется, во-первых, в том, что события, описанные в ней, относятся к эпохе распада первобытно-общинного строя и возникновения классового общества. Как складывалась жизнь людей, что представляла собой семья во времена, предшествовавшие описанным в библии, — об этом там сведений нет, и создается впечатление, что в библии показана начальная форма института семьи, хотя в действительности это была одна из позднейших стадий его развития. Во-вторых, семья и семейный быт в библии представлены повествованиями, которые сочинялись в угоду владельцам богатств. В ходе распада первобытно-общинного строя и возникновения классового общества их становилось все больше, и уже в ту пору, пользуясь своей экономической властью, богачи-эксплуататоры об-

рабатывали общественное мнение в свою пользу. Какая уж там могла быть правдивость при освещении истории! Нет ее и в библейском описании семейного быта.

Тем не менее библейская семья, во многом схожая по структуре и укладу с институтом семьи в наше время, обыденным сознанием долгое время воспринималась как первозданная и, главное, как раз и навсегда определившаяся.

Первую брешь в этом великом заблуждении пробил швейцарский ученый Якоб Бахофен (1815—1887). Выдающийся историк и юрист, он осуществил ряд исследований, которыми доказал, что библейской патриархальной семье предшествовала семья, основанная на материнской власти. Благодаря этому открытию впервые стало известно о целой эпохе в развитии семейных отношений — матриархате.

Результаты исследований Бахофена были обогащены и расширены его современником — американским историком и этнографом Льюисом Генри Морганом (1818—1881). Он первым среди исследователей дал подробнейшее описание семейных связей в первобытном обществе.

Однако подлинно научная история семьи появилась лишь на основе диалектико-материалистического мышления в работе Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана.

Эта книга была написана и вышла в свет в 1884 году. Заметим: спустя почти сорок лет после опубликования первого крупного произведения К. Маркса и Ф. Энгельса — «Немецкой идеологии». Почему работа о семье и других древнейших социальных институтах так долго ждала своей очереди?

Возможное предположение, что перед основоположниками научного коммунизма на повестке дня стояли исследовательские проблемы более важные, чем история социальных институтов древности, снимается хотя бы фактом исключительного напряжения, с которым Ф. Энгельс трудился над книгой, стремясь завершить ее как можно скорее и тем самым как бы наверстать упущенное. Рукопись была подготовлена за два месяца! При жизни Энгельса книга была переведена на десять иностранных языков, в том числе на русский (в 1894 году) — так велик был интерес общественности к этому произведению.

Показательно и следующее: подробным изучением истории семьи в последние годы своей жизни занялся

Карл Маркс. Это видно из составленного им в 1880—1881 годах конспекта книги Моргана «Древнее общество». По словам Энгельса, книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» явилась в известной мере выполнением завещания Маркса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25).

Почему все же книга о начальных ступенях жизни человеческого общества, и в частности о происхождении семьи, оказалась в сокровищнице крупнейших произведений Маркса и Энгельса самой последней по времени написания? Для любого серьезного исследования требуется исходный материал, взятый из самой жизни. В отношении семьи наука таким материалом не располагала.

И вот появляется книга Моргана о быте, обычаях в древнем обществе. Чем привлекла она столь пристальное внимание основоположников научного коммунизма? Получить достоверные данные об институте семьи, каким он был на заре человечества, можно было, лишь окунувшись в жизнь людей, по определенным причинам задержавшихся на первобытной стадии развития. К их числу в прошлом веке принадлежали американские индейцы — ирокезы. Чтобы досконально изучить тип семьи, в то время существовавший у них, требовалось постоянное тесное общение с этими людьми. Нужно было, по существу, жить среди них, делить с ними радости и горести. Короче, требовался своеобразный научный подвиг.

Подвигом было то, что сделал для науки Морган. Долгие годы он провел в теснейшем общении с ирокезами. Он стал среди них своим человеком. Стоит ли говорить, как непросто было представителю нации, порабо́тившей и уничтожавшей индейские племена, заслужить доверие коренных жителей континента. Морган был удостоен даже большего, чем доверие: одно из ирокезских племен — племя сенека — нарекло его своим сыном.

Научное значение информации, собранной американским ученым, Энгельс оценил словами о том, что книга Моргана — одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху; Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человеческого общества определенную систему (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26, 28). В предисловии к четвертому изданию книги (1891 г.) Ф. Энгельс подчеркивает, что Моргану мы обязаны «революцией во взглядах» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1975, с. 18). Морган подготовил почву, на которой

стал возможен коренной пересмотр воззрений на происхождение семьи и других самых древних общественных образований.

Революция в данной области знаний была совершена в результате осмысления развития общества с позиций исторического материализма. Ни автору «Древнего общества», ни кому-либо другому такой подход до Маркса и Энгельса был неведом. Дополнив обширную информацию американского историка наблюдениями Бахофена, данными русского историка М. М. Ковалевского, многочисленными самостоятельно добытыми сведениями, дающими представление о характере семейных отношений у древних греков, римлян, германцев, Ф. Энгельс создал цельную картину происхождения семьи, раскрыл связь семьи с другими явлениями и институтами древней истории — возникновением частной собственности, государственной власти. При этом в центр анализа было поставлено материальное производство, которое было и остается главным двигателем всей человеческой истории. Ф. Энгельс показывает, как с изменением способов производства менялась и семья.

Благодаря гениальному труду Фридриха Энгельса, а также ранее опубликованным работам о семье и публикациям историков последующих лет — среди них назовем крупного русского историка Л. Я. Штернберга (1861—1927) — мы сегодня представляем себе происхождение семьи довольно четко.

С ЧЕГО СЕМЬЯ НАЧИНАЛАСЬ

Семья, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, есть отношение между мужем и женой, родителями и детьми (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 27). На известной стадии или при определенных обстоятельствах семья является отношением лишь между супругами. Соответствующим образом оформленное (зарегистрированное представителем гражданской или иной власти или же, как это было в древнейшие времена, санкционированное установившимся обычаем), это отношение на юридическом языке называется состоянием брака.

Сегодня цивилизованному человеку трудно представить себе, что могла существовать какая-то форма брака, помимо хорошо известной нам моногамной, единобрачной. Но начиналась семья с другого — с группового брака.

Мы пока не будем касаться морального аспекта такого рода брачных связей. Необходимо сначала рассмотреть сам механизм их функционирования.

То была форма брака, при которой «целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежали друг другу», как отмечает Л. Я. Штернберг. Изучая быт, нравы, обычаи коренных обитателей острова Сахалин — гиляков, ученый установил, что каждый мужчина на острове состоял в браке со всеми женами своих братьев и всеми сестрами своей жены. Отсюда следовало, что его жена вправе вступать в половую связь с братьями мужа и мужьями своих сестер (Штернберг Л. Я. Семья и род у ирокезов северо-восточной Азии. Ленинград, 1933, с. XVII).

Какой степени развитости материальной культуры соответствовали подобные брачные связи? Люди, о которых шла речь (гиляки), еще не знали земледелия, пропитание обеспечивали себе, главным образом, охотой и ловлей рыбы, то есть занимались преимущественно собирательством. Производства у них еще не было. Им известны были орудия и предметы из металла, и поэтому, например, горячую воду они получали, опуская раскаленный камень в деревянное корыто с водой. Эти факты, наряду с множеством подобных, явились дополнительным свидетельством того, что в общем одинаковым материальным условиям жизни должны были в древности соответствовать и одинаковые формы семьи. И не случайно жители Сахалина в заглавии работы Штернберга фигурируют как ирокезы, хотя последние обитали на Американском континенте, а сахалинцы (гиляки) — азиаты. В данном случае ирокезы — универсальное название для общностей людей, по воле истории задержавшихся на ранних ступенях развития человеческого общества.

Групповой брак обусловил необычные, с позиций сегодняшнего дня, взаимоотношения между поколениями. Как установил Л. Я. Штернберг, гилек звал отцом не только человека, которого считает действительным своим родителем, но и всех братьев отца. Равным образом матерью для него была не только женщина, родившая его, но и любая из ее сестер. Дети же всех этих родственников для него являлись братьями и сестрами.

Заметим: единственное, что было неясно во всех этих родственных связях, — это адресность отцовства. Чьей женщины сын или дочь — это лежало на поверхности, но

кто отец — это при групповом браке определить практически было невозможно. Такое положение устраивало общество, пока господствовал матриархат. Позже, как увидим, был найден способ устранения неопределенности.

Хотя брак и был групповым, половые связи у гиляков внутри рода были запрещены. Полагают, что кровосмешение оказалось под запретом в весьма отдаленную пору развития человеческого общества: слишком зримы были его тяжкие последствия для потомства, здоровья и жизнестойкости детей.

Что касается половых связей вне рода, то отношение к ним было весьма либеральным. Половое общение с женщиной, сообщается о сахалинских островитянах, в глазах гилека представляется совершенно безразличным естественным актом, как всякий другой естественный акт, отвечающий известной потребности человека (Штернберг Л. Я. Упом. соч., с. 75).

А ревность? Каково было в отношениях между мужчинами и женщинами это столь знакомое современному человеку чувство? Ревности не существовало. Ныне мы говорим, что без ревности вроде бы нет и любви. Любовь при этом нам представляется существовавшей уже в момент появления самого человека как вида. Между тем как любовь, так и ревность возникли лишь на определенной ступени развития общества, его культуры. И то и другое в дальнейшем эволюционировало, видоизменялось. Чувство любви стало богаче, обрело дополнительные краски, а чувство ревности перестало быть выражением лишь слепой, бездумной ненависти к сопернику, все отчетливее в нем стало преобладать рациональное начало, заставляющее человека сдерживать свои порывы и самокритично смотреть на свои недостатки.

Теперь пришло время поразмыслить над моральной стороной состояния, когда каждый мужчина является потенциальным мужем множества женщин, а каждая женщина, так сказать, законно принадлежит целой группе мужчин. С позиций сегодняшних представлений о порядочности подобная неразбериха в интимной жизни людей может оцениваться совершенно однозначно. Но то, что безнравственно в наше время, могло выглядеть вполне пристойным в далеком прошлом, когда условия человеческого существования резко отличались от нынешних.

В данной связи обратим внимание на следующий любопытный факт. При всей непристойности беспорядочных половых отношений, как мы оцениваем это сегодня, те же

сахалинские гиляки были, выражаясь современным языком, высокоморальны, проявляли себя как действующие не за страх, а за совесть в других житейских делах. Так, свои драгоценности они хранили в амбарах, которые никогда не запирались. Гиляк, сообщает автор записок о сахалинцах, настолько чувствителен к позору, что, уличенный в совершении чего-либо постыдного, он покидает стойбище и кончает с собой (Штернберг Л. Я. Упом. соч., с. XIX). Мог ли человек быть одновременно безнравственным и высоконравственным? Подобное, очевидно, исключается: или одно, или другое.

Более детальное ознакомление с характером интимных связей между мужчинами и женщинами в те времена показывает, что эти связи были не такие уж и хаотичные. При ближайшем рассмотрении, отмечает Ф. Энгельс, групповой брак выглядит отнюдь не так ужасно, как его рисует себе привыкшая к публичным домам фантазия филистеров (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 49). Добавим к этому, что только невежды могут рассуждать о групповом браке как «веселых временах полового раздолья», оставляя в стороне суровые условия жизни древних людей, их полную драматизма повседневную борьбу за существование. Жизнь наших далеких предков оставляла чрезвычайно мало места для наслаждений в сегодняшнем их понимании. Все помыслы первобытного человека были направлены на то, чтобы выжить в условиях сложнейших взаимоотношений с окружающей средой.

Выжить, подчеркнем, означало не только сохранить себя лично, но и продолжить себя в потомстве. Именно этой потребностью и было продиктовано возникновение семьи. Такая общность, как семья, оказалась наиболее подходящей для обеспечения жизни человека в обоих ее проявлениях — самосохранения и продолжения рода.

Попутно отметим, что природа вообще не знает, за редким исключением, сугубо обособленного существования живых существ — она знает «закон стадности». Уже как, казалось бы, независимо могла бы существовать, скажем, горилла. Самец этой человекообразной обезьяны с его двухметровым ростом и железной мускулатурой может одолеть в поединке самого «царя зверей» — льва. И вот даже такое сверхмогучее создание не живет в одиночку, имеет «семью», это, как правило, еще четверо, кроме него.

Жизнь человека также оказалась возможной лишь в коллективе. В отличие от других природных сообществ

человеческий коллектив сравнительно быстро эволюционировал, менялся качественно. Происходило это благодаря способности человека анализировать и обобщать накопленный опыт. Способность же эта, как мы знаем, не была у него прирожденной — она появилась в процессе труда. Совершенствуя орудия труда, человек совершенствовался и сам как разумное существо. Он стал критически оценивать свои действия, учился на ошибках.

Ради примера здесь уместно вернуться к запрету кровосмешения. Опыт множества поколений раскрыл людям глаза на то, что от половых связей между ближайшими родственниками появляются на свет дети хилые, склонные к рождению к различным заболеваниям. Сегодня биология точно знает причину этой беды: крайне суженное пространство для положительного взаимодействия генов, носителей наследственности. Древнейшему человеку пришлось пройти через колючий рубеж кровосмешения, прежде чем он увидел непоправимый вред от такого рода связей. И он сделал вывод — раз и навсегда. Запрет, наложенный на кровосмешение, явился актом, неведомым никаким другим общностям живых существ. Разум поднялся над инстинктом: самая специфически людская черта.

Пусть запрет на кровосмешение вначале и не был «оформлен» — это появилось лишь впоследствии в виде религиозных предписаний, — но действовал он без сбоев. У ирокезского племени сенека это, например, выглядело так.

Сенека (как и другие племена) подразделялось на фратерии. Каждая фратерия имела четыре клана. Муж и жена должны были принадлежать непременно к разным фратериям. Так, брачный союз не мог быть заключен между мужчинами и женщинами кланов Медведя, Волка, Бобра и Черепахи, поскольку это были кланы одной и той же фратерии. Женихи и невесты могли быть для них лишь в кланах Оленя, Кулика, Цапли и Ястреба, то есть у «чужих» (Ковалевский М. Очерк происхождения семьи и собственности/Пер. с фр., М., 1939, с. 28).

Следующей (после запрета на кровосмешение) вехой в истории брака и семьи была замена группового брака парным. Уже на ранних этапах развития первобытно-общинного строя сожителство парами, состав которых мог свободно меняться, стало постепенно вытеснять групповые половые связи. Этому способствовали успехи в возделывании земли: они повысили экономическую заинтере-

ресованность мужчины и женщины в труде сообща, во взаимном использовании специфических природных возможностей в труде каждого из них.

Парный брак, сменивший групповой, явился крупным шагом на пути к дальнейшему укреплению социального начала в половых отношениях. Этот прогрессивный сдвиг, как отмечается в книге Ф. Энгельса, был заслугой преимущественно женщины (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 56). Она смогла это сделать благодаря своему экономическому влиянию. Последнее определялось более высокой гарантией получения пропитания от работы на земле, которой занималась женщина, чем от охотничьего промысла мужчины — занятия, полного случайностей.

Парный брак стал господствующим. Однако это еще не было семьей в нашем сегодняшнем понимании (общность основных средств существования, общность бюджета — независимо от трудового вклада в бюджет тем или иным членом семьи). При парном браке, как это, например, было установлено М. М. Ковалевским, муж продолжал жить в семье своей матери. Там был его настоящий дом, там он обрабатывал землю и выполнял другие работы. С женой же встречался изредка и помогал ей по хозяйству лишь временами.

Когда люди научились приручать и разводить животных и скотоводство стало главным источником накопления богатств, резко укрепилось экономическое влияние мужчины — охотника, укротителя диких животных, хранителя стад. Это в конце концов привело к тому, что власть в роду перешла к его мужской части. Матриархату, таким образом, пришел конец. Это было, по словам Ф. Энгельса, *всемирно-историческим поражением женского пола* (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 60). Не только в области хозяйственно-производственной, но и в делах чисто бытовых мужчина занял главенствующее положение, а женщина, жена, лишилась своих привилегий и почестей, превратилась в простую прислужницу мужа и мать его детей. Наступил час патриархальной семьи, или семейной общины во главе с мужчиной, управляющим большим семейством.

Через такую форму семейного союза, как неопровержимо доказано наукой, прошли все народы в ту или иную пору своей истории. Это замечание уместно в связи с тем, что одно время некоторые буржуазные историки стали бездоказательно утверждать, будто семейная община существовала лишь у славян как выражение их склонности

к коммунизму, а вот-де у германцев больших семей не было, поскольку они будто бы изначально склонялись к индивидуализму («свободе личности» в современном буржуазном истолковании).

Формальным поводом для этой фальсификации послужило то, что в своем классическом, наиболее ярко выраженном виде патриархальная семья сохранялась на славянских землях дольше, чем в других местах. Типичной в этом отношении была югославская задруга, на которой подробно в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» останавливается Фридрих Энгельс. Эта семейная община объединяла несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами. Жили они под одной крышей, сообща обрабатывали землю. Пропитание и одежду получали, как мы сегодня сказали бы, из общественных фондов. Созданные запасы также являлись общим достоянием. Управлял семейной общиной домохозяин — домчанин. Он вел семейную кассу, руководил повседневными делами общины, представлял ее во внешних связях. Однако высшая власть принадлежала не ему, а семейному совету, в состав которого входили все взрослые мужчины и женщины общины.

Такая демократическая семья была возможна на той стадии развития общественных отношений, когда в них еще не играли решающую роль интересы частных собственников. Уровень развития производства был таков, что труд являлся одинаково неизбежной необходимостью для каждого — иначе прожить было бы невозможно. Продукт труда был еще слишком мал, чтобы можно было из него урвать что-либо для себя, не разрушив тем самым условия для собственного существования.

Патриархальная семья, характеризуемая диктаторской властью отца, была в особенности показательна для феодального общества. Но, поскольку у колыбели ее стояла частная собственность, такая форма семьи должна была закономерно сохраниться и действительно сохранилась при капитализме. Под воздействием научно-технической революции, непрерывного прогресса в области науки и техники женщины стали все шире вовлекаться в профессиональную деятельность. Дети в результате обучения грамоте и основам наук начали раньше выходить на самостоятельную дорогу жизни. Все шире стали распространяться идеи в защиту достоинства человеческой личности. Под влиянием всего этого патриархальная семья начала разрушаться. Однако это произошло через

века по отношению ко времени, о котором пойдет наш дальнейший разговор.

2. ЕДИНОБРАЧИЕ: ОТ ПОЛОВИНЧАТОГО — К ПОЛНОМУ

С образованием патриархальной семьи начала утверждаться форма брака, именуемая моногамией, или единобрачием. Это было очередным прогрессивным шагом в культуре отношений между людьми. Но, в сущности, это еще не была та форма семейного союза, которую мы и сегодня называем моногамией, имея в виду брак, основанный на взаимной любви.

Моногамия в своем наиболее характерном выражении возникла не как союз любящих, а как имущественная сделка, сулящая умножение семейного достатка. Такая семья — типичное порождение условий жизни при частнособственническом строе. Когда уровень развития производительных сил позволил получать материальных благ больше, чем в ту пору было необходимо для содержания работника, и тем самым одни получили возможность существовать за счет других, весьма настоятельно заявила о себе необходимость пересмотра существующего порядка наследования, введения новых правовых норм, по которым надлежит распоряжаться наследством.

Дело в том, что мужчины — владельцы богатств — не желали мириться с практикой наследования по материнской линии. Причина представлялась им весьма веской: в условиях относительной свободы половых связей адресность отцовства была всегда под вопросом. Для мужчин возникла нужда в такой форме брака, при которой исключалась бы связь женщины с кем-либо, помимо ее мужа. Это должно было обеспечить отцу стопроцентную уверенность, что его богатства впоследствии достанутся кровному наследнику.

Новой формой брака в жесткие рамки была поставлена лишь женщина, а мужчина фактически и теперь мог пользоваться в интимных делах прежней свободой. Так, например, древнегреческие воины-победители привозили на родину девушек-рабынь, содержали их в качестве наложниц в своем доме, нисколько не считаясь с реакцией на это со стороны законной жены. Она в глазах мужа была не более как мать рожденных в браке детей, старшая по кухонным и другим домашним делам. И ей же по-

лагалось выполнять роль надсмотрщицы над рабынями, включая наложниц мужа.

При свободе в половых связях, сохранившейся для мужчин, было в то же время изобретено множество способов насильственного соблюдения супружеской верности женщинами. Например, пояса целомудрия, ключи от которых прихватывали с собой мужа, ушедшие на войну. Евнухи — целый социальный институт для предупреждения возможной измены со стороны жен — обитатели гарема. Многоженцы-мусульмане поставили эту службу на широкую ногу. Но евнухи были известны и до мусульман. У древних греков было даже налажено их «производство»: на острове Хиос фабриковали евнухов на продажу. Добавим к перечисленному затворничество — насильственное отлучение женщины от всего, что не связано лично с домашним повелителем. Особый мир, ограниченный для женщины четырьмя стенами ее обители. Попытка вырваться из этой тюрьмы нередко стоила затворнице жизни.

А сколько разных кар было припасено для женщины за «предлюбодеяние». Известно, например, что в ряде стран Востока заподозренную в супружеской неверности жену заставляли полунагой взбираться на лошадь, осла или на обезьяну (как это бывало в Индии), затем муж в таком виде гнал ее перед толпой, откуда в «преступницу» бросали камни.

Историческая хроника содержит запись о варварской расправе над женщиной в средневековом городе Шемахе. Здесь, не выдержав затворничества, в июне 1648 года из дома богатого купца-иранца сбежала его самая молодая и любимая — седьмая по счету — жена. Купец распорядился изловить беглянку и с живой содрать кожу. Слуги выполнили этот изуверский приказ. Кожа казненной была по указанию убийцы вывешена у входа в гарем — для урока другим женам. Судебные власти попытались было наказать палача, но он ловко парировал обвинения ссылками на религиозные установки мусульман, в принципе не возбраняющие подобные действия во имя «чистоты семейного очага».

По оценке Фридриха Энгельса, моногамия была первой формой семьи, в основе которой лежали преимущественно не естественные, а экономические условия (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 78). Брак по расчету в отношениях между супругами не мог обеспечить искренности, подлинного взаимопонимания.

Эгоистический материальный интерес в браке оказался, однако, не в состоянии вытеснить естественные порывы людей. И понятно, что попытка распространить моногамию на одних лишь женщин с самого начала была обречена на неудачу. Мужчины, пишет Ф. Энгельс, одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 70). Рядом с любовницей мужа возникла популярная фигура мужа-рогоносца. Мировая литература раскрывает перед нами обширную панораму семейных ситуаций со знаменитым «треугольником». Он стал как бы эмблемой брака по расчету.

Зачатки подлинного, а не мнимого единобрачия могли возникнуть и действительно возникли лишь в среде неимущих классов. Но и в этом случае отношения между супругами в общем не могли быть свободны от экономических воздействий и от традиций эксплуататорского общества. Под экономическими воздействиями здесь имеются в виду материальные тяготы жизни, которые подтачивали и разрушали хорошие семьи. При этом психологическая обстановка в семье накалялась еще больше под влиянием нравов, порожденных традиционной мужской моногамией.

Условия для формирования не половинчатой, прозрачной, а полной, реальной моногамии возникли лишь с утверждением социалистических общественных отношений. Социализм означает отсутствие частной собственности на средства производства и, следовательно, отсутствие основы для брака-сделки. Никто в таком обществе не может «жениться» на сталелитейном концерне или «выйти замуж» за золотые прииски. Из сказанного не следует, что в наших условиях совершенно исключается брак по расчету. Имеется при этом в виду именно материальный расчет, а не трезвое взвешивание качеств будущего супруга, что вполне оправданно и необходимо. Случается, что и у нас за внешне трогательными отношениями между женихом и невестой скрываются намерения обеспечить себе беззаботную жизнь, пусть и без любви, без искренней привязанности. Исчезновение порочных ориентаций, которые веками укреплялись в сознании людей установками, моралью старого общества, — процесс длительный. Главное, однако, в ликвидации самой основы для таких ориентаций, отсутствии частной собственности.

В нашем обществе решающим моментом при выборе

брачного партнера стали личные достоинства человека: его внешняя привлекательность (оцениваемая, как правило, весьма субъективно), черты характера, уровень образования, интеллект и т. п. Что касается «имущественного состояния» партнера, то оно при заключении брака проявляет себя в принципе как второстепенная характеристика: социалистическое общество позволяет любому своему гражданину достичь имущественного благосостояния — надо лишь умело и старательно трудиться для общего блага.

Единобрачие, можно заключить, родилось при социализме заново и стало тем, чем оно должно быть: добровольным семейным союзом полностью равноправных людей.

3. КРИЗИС СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Во всем мире растет число разводов, пополняются ряды взрослых людей, никогда не состоявших в браке. В этой связи социологи на Западе все чаще употребляют выражение «новейший стиль жизни», которым обозначают отношения между мужчинами и женщинами, складывающиеся вне официально оформленного брака. «Новейший стиль жизни», противопоставляемый традиционному брачному союзу, вызывает сомнения относительно сохранения брака и семьи в будущем.

Заметим в данной связи, что брак и семья — понятия родственные, но не равнозначные. Брак — это для супругов определенный договор, которым официально скрепляются семейные связи. Содержание этого договора может меняться — соответственно сдвигам в общественном развитии. Люди вольны и не брать на себя обязательств, предусмотренных таким правовым актом, а проще говоря, не вступать в брак. В старину холостяков, бывало, принуждали жениться. Ныне в цивилизованном обществе неженатые не подвергаются никаким санкциям, и, например, у нас лишь «холостяцкий налог», как справедливая плата обществу за неучастие в труде по воспитанию детей, напоминает этим людям о их социальном долге. Словом, современный брак в принципе терпим к любой оппозиции по отношению к нему.

С семьей дело обстоит иначе. Какие бы ни претерпевал изменения ее официальный статус, она в своей осно-

ве сохраняется неизменной. В этом убеждают нас не только факты из жизни семьи в прошлом, но и современные тенденции развития семейного института.

ЧЕМ ВЫЗВАН «НОВЕЙШИЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ»?

Поскольку, как отмечалось, отдельные социологи на Западе настроены пессимистически по отношению к будущему семьи, рассмотрим суждения некоторых буржуазных исследователей, занимающихся этой проблемой.

Прежде всего перед нами раскрывается картина нынешней распространенности неоформленных браков в экономически развитых капиталистических странах. В США еще в 1981 году насчитывалось около двух миллионов незарегистрированных супружеских пар. В Великобритании в 1980 году состоялось в неофициальном замужестве свыше 300 тысяч женщин — около трех процентов от общего в этой стране числа женщин в возрасте до 50 лет. Во Франции процент женщин, состоящих в незарегистрированном супружестве, был в 1980 году равен пяти. В Дании и Швеции в том же году в таком положении была каждая восьмая женщина — это уже свыше 12 процентов. В ФРГ за время с 1962 по 1979 год число заключенных браков уменьшилось с 530 тысяч до 200 тысяч, то есть более чем в два раза. В 1963 году на поставленный демографическим институтом в Аленбахе перед представительной группой населения вопрос: «Считаете ли Вы заключение брачного союза совершенно необходимым или же он является пережитком?» — 87 процентов мужчин и 90 процентов женщин в возрасте 20—30 лет ответили, что считают оформление брака необходимым. Спустя 15 лет, в 1978 году, лишь 40 процентов мужчин и 42 процента женщин того же возраста были убеждены, как показал очередной анкетный опрос, в необходимости брака.

Какие указываются причины изменений во взглядах на институт брака? Согласно заключению западногерманских социологов Зибиллы Майер и Евы Шульце, внебрачные союзы являются средством отстаивания женщиной равноправия в супружестве. Она добивается, в частности, равного участия мужчины в ведении домашнего хозяйства, на которое он расходует в среднем лишь около 7 процентов времени, затрачиваемого на домашние дела женщиной. Как подчеркивают авторы, к внебрачным семейным союзам стремятся главным образом женщины,

профессионально занятые, то есть экономически не зависящие от мужчины. Авторы приходят к выводу, что супружеские отношения при таких союзах (кстати, ныне нередко называемых в ФРГ «партнерством», чем подчеркивается равноправие полов в супружестве) строятся на более надежной основе, отношения между фактическими супругами являются подчас «более товарищескими», чем у зарегистрированных пар (Майер З., Шульце Е. Внебрачные союзы — альтернатива браку? — «Кельнер цайтшрифт фюр зоциологи унд зоциальпсихологи»*, 1983, № 4, с. 747). Так отвечают западногерманские исследователи на заданный ими самим себе вопрос — не иссякает ли институт семьи?

Аналогичным образом отвечает на подобный вопрос американский социолог Идза Вирсма. Патриархальный брак, отмечает она, стремился увековечить зависимое положение женщины в семье. Теперь этот брак заменяется отношениями равенства полов и «новым видом индивидуальной независимости» (Вирсма И. Сожительство — альтернатива браку? Международное исследование. Бостон, 1983, с. 124). Мичел Фримен, научный сотрудник университетского колледжа в Лондоне, и Кристина Лайон, социолог из манчестерского университета (Великобритания), полагают, что процесс умножения числа неоформленных супружеских пар направлен на «становление равенства между полами в общественной и личной сферах» (Фримен М., Лайон К. Сожительство без брака. Альдерсхот, 1983, с. 212).

Все приведенные суждения сходятся на том, что падение на Западе престижа брака вовсе не направлено против семьи как таковой. Неофициальное супружество проявило себя как протест против буржуазной — подчеркнем это, — против сложившейся в буржуазном обществе правовой регламентации супружеских отношений, при которой фактическое равенство полов в семье оказалось невозможным.

«Новейший стиль жизни» имеет на Западе и другой источник — тлетворное влияние реакционной буржуазной культуры на умы людей, в особенности молодежи. Об этом в книге будет отдельный разговор. А пока ограничимся констатацией, что и в условиях кризисного состоя-

* Ссылки на иностранные периодические издания в этой книге даются в русской транскрипции, названия иностранных книг — в русском переводе автора.

ния всех сфер жизни буржуазного общества институт семьи, как одна из высших человеческих ценностей, проявляет стойкость по отношению ко всевозможным разрушительным влияниям извне.

ЖЕН БОЛЬШЕ, ЧЕМ МУЖЕЙ

В отличие от капиталистических государств в странах социализма установлено полное равноправие супругов в браке. Так что очень важная причина для отказа от регистрации брака, о чем выше говорилось, по отношению к странам Запада, отпала. Неофициальные семейные союзы имеются, однако, и у нас. Как оценить их с позиций отношения к семье?

Поразмыслим над таким фактом. Согласно Всесоюзной переписи населения 1970 года, замужних женщин в нашей стране оказалось на 1,3 миллиона больше, чем женатых мужчин. Предыдущие переписи населения также дали избыток замужних над женатыми: в 1939 году — на 0,53 миллиона, 1959 году — 0,75 миллиона. Устойчивый, как видим, избыток. Однако последний наглядно отличается от предыдущих масштабностью.

Простой здравый смысл не допускает возможности такого избытка. Ведь у нас единобрачие. Лишь в странах, где разрешен полигамный (многоженный) брак, жены по численности могут превосходить мужей. А в условиях моногамии такое само собой исключается: сколько мужей, столько и жен. Так должно бы быть. А по статистике замужних вышло намного больше. Почему?

Дело тут в различных оценках престижности состояния в браке у женщин и у мужчин. Во время переписи, как известно, не требовалось документально подтвердить сведения, сообщаемые представителю статоргана. Это позволяло отвечать на его вопросы так, как это представлялось истинным отвечавшему.

И вот представитель статоргана спрашивает женщину, замужем ли она. Не всякая станет отвечать согласно отметкам в паспорте. Скажем, отношения с мужем окончательно разорваны, оформлен развод. Уже появился в ее жизни другой человек, с которым, как ей представляется, она нашла, наконец, свое счастье. Новый брак пока не оформлен. Но женщина отвечает: «Замужем». И ее ответ отражает истину, хотя формально это и не так. Да какой женщине, кроме разве совсем молоденькой девушки, хочется раскрывать перед миром свое незамужество?

Пока еще нельзя сбрасывать со счетов распределение ролей на стадии подготовки к возможному заключению брачного союза, не учитывать то, что складывалось на протяжении веков. Инициатива в этом деликатном деле традиционно закрепилась за мужчиной. «Незамужняя» — это для многих женщин звучит почти как «никому не нужная».

Теперь представим себе, что счетчик, который получил уже известный нам ответ у разведенной женщины, обратился с вопросом о семейном состоянии как раз к тому мужчине, с которым она «нашла, наконец, свое счастье». Формально он не женат, с женщиной, с которой жизнь оказалась в тягость, развелся. Поскольку у него все же есть любимая женщина, его фактическая жена, сказать бы ему представителю статистической службы: «Женат». Но нет, традиция как бы обязывает его сохранять инициативу выбора в браке, и он объявляет себя холостым. Вот и получилась мнимая несуразность в статистике брачности с ошибкой более чем на миллион.

Что дает нам этот факт для оценки прочности семейного института? Он свидетельствует, что, несмотря на разводы, ценность семейной жизни в глазах людей отнюдь не потеряна, к ней по-прежнему тянутся как женщины, так и мужчины.

Вместе с тем нельзя не видеть, что в жизни семьи как социального института происходят дальнейшие изменения. На примере нашей страны, где за короткий исторический срок осуществлены гигантские преобразования во всей системе общественных отношений, изменения в институте семьи видны особенно наглядно.

КОНЕЦ СТАРОЙ СЕМЬИ

Общеизвестно, какие функции выполняла патриархальная семья. Ее заботой было вырастить для себя хлеб, обеспечить корм скоту, изготовить для членов семьи простейшую одежду и какую-нибудь обувь. Все это делалось собственными силами, в рамках натурального хозяйства. Данные и подобные другие заботы выражали собой экономическую функцию семьи.

Старая семья была заинтересована в том, чтобы у нее имелось много детей — потенциальных работников, помощников по хозяйству. При этом обучение земледелию и нередко ремеслу осуществлялось здесь же, в семье. Преимущественно здесь прививались подрастающему по-

колению нормы поведения. В этом нашли свое выражение воспроизводственная (рождение детей как непосредственное воспроизводство жизни) и педагогическая функции старой семьи.

Выполняла старая семья и культурную функцию — организовывала, как умела, досуг домочадцев. И еще одна функция была у старой семьи — регулярное участие в богослужении.

Вот как широк был круг забот старой семьи. При этом наиболее обширными и трудоемкими, поглощающими, по существу, всю физическую и духовную энергию семьи, были ее хозяйственные заботы, связанные с малопродуктивным и изнурительным трудом.

Что осталось от всего этого в семье современной? В условиях развитого общества все те хозяйственные предприятия и учреждения, которые в миниатюре неизбежно должны были существовать в семейных границах, стали в основном организациями внесемейными. Теперь можно говорить лишь об их остаточной деятельности, что относится, главным образом, к сельским поселениям. Широкое развитие получили другие формы обслуживания, которые ранее были функцией самой семьи: обучение профессии (прежде ремесло передавалось по наследству), организация досуга. А об отправлении религиозного культа и говорить не приходится — взгляды и обычаи, с ним связанные, все больше уходят в прошлое.

Современные семейные хозяйства глубоко вплетены в общий товарообмен, в систему широко развитых экономических связей, которые начисто разрушили старые, патриархальные экономические отношения. А это оказало сильнейшее воздействие на функции семьи. Их круг резко сузился.

Какие функции семьи сохранились и как они проявляют себя в настоящее время? Вопрос этот представляется весьма важным для оценки перспектив института семьи.

СЕМЬЯ, БРАК, ЛЮБОВЬ

В свободном обществе люди женятся и выходят замуж, руководствуясь определенными взаимными интересами, в основе которых, как правило, лежит любовь. При этом любовь не исчерпывается тягой влюбленных друг к другу. С половой любовью неразрывно связана, нам хо-

телось бы сказать, святая потребность человека в детях. И она же, любовь, окрыляет человека надеждой на возможность полного удовлетворения потребности человека в эмоциональном общении, обмене душевными импульсами, переживаниями, радостями и печалью.

С любовью тесно связана и сексуальная потребность. В обыденном сознании эти понятия нередко отождествляются. Но если это действительно всегда любовь, то почему в таком случае существуют добрачные половые связи, которые браком не завершаются? Что — была любовь, да испарилась? Значит, на деле и не было ее. Можно еще спросить — откуда всякие случайные встречи, которые никак не назовешь «любовью с первого взгляда»? Наконец, сошлемся на факт из жизни старого общества. В богатых семьях родители нередко норовили «пристроить» половозрелого сынка-лоботряса к девушке из числа находившихся в доме в услужении: пусть удовлетворяет естественную потребность, а любовь, женитьба — все это потом, когда обретет самостоятельность и когда подвернется «подходящая партия».

Сексуальная потребность может удовлетворяться и без любви. Но любовь между мужчиной и женщиной — это все хорошо знают — уже сама по себе предполагает физическую близость. Лишь при особом стечении обстоятельств любовь может стать «почтовым романом», только платоническим союзом. Следует подчеркнуть: именно в любви (если она не воображаемая, выдуманная, а подлинная, реальная) половое влечение достигает своей высшей точки, до конца реализует свой физический и духовный потенциал. Очень точно и ярко показал это Эрнест Хемингуэй, описывая любовь двух своих героев в романе о гражданской войне в Испании. Вот один из эпизодов этой любви.

Юная испанка Мария и американец Роберт лежат на земле, прикрывшись одной шинелью. В двух шагах от франкистов. В двух шагах от смерти. Оба люто ненавидят фашизм. Это первое, что их сблизило. Первое, что сроднило души. А дальше — молодость и природа взяли свое. Роберт услышал от девушки: «Давай теперь сделаем скорее, что нужно...» И время, повествует писатель, остановилось, и только они двое существовали в неподвижном времени. «Ты уже любила кого-нибудь? — Никогда. Но со мной делали нехорошее. — Кто? — Разные люди». Девушка впервые в жизни познала любовь, какой она должна быть и бывает по своей сущности. Не-

поддельность и величие чувств, выраженных здесь, думается, не вызовут улыбки даже у видавших виды покорителей женских сердец и не повергнут в ужас опасных маменек, стерегущих целомудрие своих чад. Здесь что-то заветное, святое, чему впору поклониться.

Автор популярной среди молодежи книги о проблемах любви Юрий Рюриков, писатель и социолог, очень правильно, на наш взгляд, заметил, что история любви Марии и Роберта — одна из самых ярких в мировом искусстве (Рюриков Ю. Б. Три влечения. Любовь, ее вчера, сегодня и завтра. М., 1967, с. 7).

Известно, что в свое время христианство, пытаясь вытравить в человеке все земное (дабы он был «ближе к небесам» и потому покорнее), объявило сексуальную потребность грехом.

Но церковь так и не смогла убить в верующих могучий инстинкт. Она пошла на попятную, высочайше сняв с интимных отношений между мужчиной и женщиной клеймо греховности. При этом, однако, половые отношения должны были обязательно отвечать двум условиям: 1) существовать только в браке, 2) служить деторождению. Промажнувшись однажды, святые отцы поняли, что неразумно навязывать прихожанам нормы поведения, явно противоречащие жизни, элементарным человеческим потребностям. Новые условия в определенной степени шли именно от жизни: еще тысячелетиями до этого сексуальная потребность была сознательно нацелена на продолжение рода, причем именно в браке, в семье, где лучше всего мог быть обеспечен уход за потомством.

То, чего не смогли сделать священнослужители, попытались выполнить другие прислужники эксплуататорских классов — их верноподданные в звании ученых. Один из них, Отто Вейнингер, автор появившейся в начале XX века книги «Пол и характер», употребил свою эрудицию и свое бойкое перо на то, чтобы «окончательно развенчать» представление о любви как единстве физического и духовного. Он утверждал, что любовь несовместима с мыслью о «телесном единении с любимым существом». «И лжет тот, кто утверждает, что еще любит женщину, которой он желает обладать, — или он никогда не знал, что такое любовь». По Вейнингеру, любовь может быть лишь платонической, а все другое, что называют любовью, есть «просто свинство». Для полового акта, включает этот теоретик, существует «вавилонская блудница» (цит. по: Васильев К. Любовь/Пер. с болг. М., 1982,

с. 34). Все та же, как видим, «греховность» телесного во взаимоотношениях полов.

Лишь марксистская идеология, как цельная совокупность взглядов на мир, общество, человека, смогла научно подойти к проблеме любви и разрешить ее с подлинно гуманистических позиций. Истина заключается в том, что с развитием человеческой культуры сексуальная потребность все теснее увязывается в одно целое с половой любовью — это одна из черт гармонического развития личности.

Если сексуальная потребность по-настоящему раскрывает себя в любви, то любовь, в свою очередь, может наиболее полно проявить себя в браке, поскольку в современном мире преимущественно лишь при такой форме отношений между мужчиной и женщиной любовь обретает статус наиболее широкого поощрения как со стороны государства, так и общественного мнения.

Едва ли кто поставит под сомнение непоколебимую стабильность любви как целого комплекса чувств. Возникнув в человеке как одно из высших достижений его культуры, любовь будет с человеком вечно. Поскольку семья, как уже говорилось, есть наиболее подходящий социальный институт для реализации потребности в любви, то семье, хотя бы уж поэтому, потеря устойчивости не угрожает.

Чтобы оценить место, которое в нашей жизни занимает привязанность к другому человеку — избраннику или избраннице для совместного жизненного пути, достаточно взглянуть на судьбу тех, кого по той или иной причине постигло одиночество.

На Западе проводились исследования с целью определить состояние здоровья семейных людей, с одной стороны, и одиноких, холостых или вдовых, — с другой. Какие же были получены результаты? Выявилось, что среди 100 тысяч жителей от болезней сердца за два года умерло 176 женатых людей. А одиноких? Почти 6000! Среди погибших в автомобильных катастрофах одиноких оказалось в пять раз больше, чем среди семейных. От рака умерло 66 семейных, а одиноких — 293. Ушло добровольно из жизни 17 семейных. Одиноких же среди самоубийц оказалось 105.

Надо оговориться, что эти данные отражают тяжесть одиночества особого рода — в условиях буржуазной действительности. Капиталистический, как и любой другой эксплуататорский строй, самой своей природой против-

стоит человеческому общению, дружбе, товариществу. Жизнь убедительно доказала возможность существования иных отношений — братства, взаимопомощи. Их родина — социализм. И если одиночество встречается и у нас, то, причина его — внешняя по отношению к общественному строю.

Тем не менее приведенные сравнительные данные по капиталистическим странам о жизнестойкости семейных и одиноких людей весьма показательны, поскольку в этом случае, к месту, формула «при прочих равных условиях». Это означает, что и в нашей действительности образ жизни будет более здоровым у того, кто постоянно «чувствует локоть» близкого, любимого человека. И, между прочим, бывает, что любящий, преданный друг в семье самоотверженными усилиями отучает мужа от выпивок в компании «на троих», буквально вытягивает его из бездны. Будь он холостым, одиноким, возможно, и не подняться бы ему.

Можно коснуться еще одной стороны одиночества, нередко черной тучей нависающей над человеком. В особенности это относится к старым холостякам, которые, как правило, переоценивают запас своей молодости. Они предпочитают «жить для себя», бесконечно удлиняя путь в семейную гавань. А когда наконец принимают решение бросить якорь, обнаруживается, что семейная жизнь уже невозможна. Что же произошло?

Посмотрим на результаты обследования образа жизни двух групп мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Первую группу — 4201 человек — составили мужчины женатые, вторую, включавшую 1803 человека, — мужчины холостые. Во второй группе оказалось намного больше жалоб на неудачи с женщинами, на половое бессилие (импотенцию). К 45 годам психические расстройства, в основном на этой почве, были зарегистрированы у 93,3 процента обследованных холостяков, тогда как у женатых мужчин этот показатель составил лишь 13,7 процента (Здоровье, 1982, № 8, с. 14).

Здесь вновь раскрывается значение, которое для человека имеет нормальная половая жизнь. Из всех естественных потребностей людей, писал Август Бебель, автор классического марксистского труда о проблемах семьи, половая потребность, после потребности есть и пить, самая сильная. Она «глубоко заложена в каждом нормально развитом человеке, и в зрелом возрасте удовлетворение ее является существенным условием его физического

и духовного развития» (Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 39).

Говоря о значении, которое наука придает половой потребности человека, уместно напомнить, что в буржуазной науке преднамеренно завышается роль полового влечения с целью заслонить с его помощью социальные конфликты. Список буржуазных теоретиков, поступающих подобным образом, возглавляет небезызвестный Томас Роберт Мальтус, появившийся на политической арене без малого два века назад. Основной тезис его теории — всемогущество биологического начала во взаимоотношениях между полами. Отсюда — безудержный рост рождаемости, что при ограниченных ресурсах создает лишних людей, уже изначально обреченных на гибель. Причем, если это делает не сама природа посредством голода и болезней, на помощь ей приходят войны. Так что весь этот цикл, по Мальтусу, естествен. И выходит, согласно этому суждению, что бессмысленно было бы пытаться что-либо изменить в установившемся порядке вещей. Поэтому единственный выход — самообуздание, сдерживание природной страсти ради того, чтобы рождалось как можно меньше детей. Хотя подобное же высказывали некоторые политические писатели до Мальтуса (например, Джозеф Таунсенд), приоритет в разработке указанного «учения» закрепился за Мальтусом, поскольку этот английский священник и политэконом опубликовал свой «Опыт о законе народонаселения» (1798 год) в пору заметного обострения классовой борьбы в Великобритании, первой среди западноевропейских стран создавшей у себя крупную по тем временам капиталистическую промышленность со всеми социальными конфликтами, которые порождает капитал.

Мальтузианство оказалось в руках буржуазии удобным инструментом для отвлечения масс от революционной борьбы. Вот почему и сегодня отдельные теоретики на Западе откровенно абсолютизируют биологическое в человеке, оценивают с этой позиции любовь и половое влечение. Проиллюстрируем сказанное хотя бы таким заявлением, содержащимся в предисловии к книге профессора Иллинойского университета (США) Гарри Шварца и его трех коллег «Любовь и обязательства», вышедшей в Лондоне в 1980 году. Любовь и секс здесь характеризуются как краеугольные камни человеческих обществ. Не согласиться с этим выводом, подчеркивается в книге, — значит допустить ошибку того же порядка, пе-

ред которой мог бы оказаться великий Ньютон, если бы он пытался разработать теорию движения небесных тел без учета сил гравитации (Шварц Г. и др. Упом. соч., с. 6). Как видим, любовь и секс возводятся в ранг сил, определяющих человеческое поведение. Между тем историческим опытом человечества неопровержимо доказано, что деятельность человека и его поведение направляются силами социальными, выраженными определенными связями и отношениями с общественными институтами, с обществом в целом, с его базисом и надстройкой. Переоценка роли любви и секса в человеческом поведении — одно из проявлений тенденциозности, необъективности буржуазного обществоведения; его стремления любым способом увести людей в сторону от классовых проблем, противоречий капиталистического строя.

И в то же время для нас было бы отступлением от истины, от научного знания, если мы должным образом не оценили бы место любви и полового влечения, того же секса, если угодно, в жизни каждого нормального человека. И, кстати говоря, вот почему у людей всегда был велик интерес к научной литературе по проблемам пола. В последнее время в связи с ростом грамотности, общего уровня культуры этот интерес стал еще большим.

А значит, должна дальше развиваться и приносить практическую пользу людям сравнительно новая наука — сексология. Как и во всякой области знаний, и в особенности молодой, здесь предстоит раскрыть еще очень многое. В частности, как нам представляется, сексологией далеко не все еще сказано о проявлениях взаимного влияния на физическую конституцию супругов их длительной совместной жизнью. В народе широко распространено мнение, что муж и жена становятся с годами похожи друг на друга. И действительно, наблюдения нередко склоняют нас верить этому утверждению. Какое тут происходит взаимодействие биологических сил, пояснить смогут, понятно, лишь компетентные специалисты. Что, однако, не вызывает никаких сомнений, прочно удостоверено наукой и обыденной житейской практикой — это исключительной силы влияние, которое как на женщину, так и на мужчину оказывает супружеская жизнь. Добавим: влияние самое благотворное. Его источник — семья, вбирающая в себя понятия любви и брака.

Все сказанное характеризует одну из функций семьи, функций, которых не коснулся и не мог коснуться ветер социальных перемен.

НУЖНЫ ЛИ СЕГОДНЯ ЧЕЛОВЕКУ ДЕТИ?

Конечно, в столь трагическом виде, как это представлено в заголовке, вопроса не существует. Мы намеренно сформулировали вопрос таким образом, чтобы привлечь особое внимание к демографической и в конечном счете социально-экономической проблеме чрезвычайной важности.

Ясно, что человеку дети и сегодня нужны, необходимы, как и прежде. Иное дело — на чем зиждется ныне потребность человека в детях. Тут есть над чем подумать, и ученые думают, спорят.

По некоторым спорным вопросам уже достигнуто согласие. К их числу относится вопрос о том, сколько нужно в среднем иметь детей в семье. Сколько их нужно иметь, чтобы, на первый случай, обеспечить общественное производство рабочей силой. Нет нужды доказывать, что однопотенная семья тут не подходит совершенно. При одном ребенке население через какое-то время, а именно когда иссякнут резервы численного роста, созданные прошлыми, более многочисленными поколениями, прекращает свой рост и затем становится числом все меньше. А это означает, что и число рабочих рук будет сокращаться.

С одной стороны, не так уж велика беда, что трудовые ресурсы количественно поубавились. Тем энергичнее можно перекладывать труд на плечи машин, автоматов: это и облегчение для работников (очень важное обстоятельство в социалистических условиях и мера в лучшем случае лишь вынужденная в условиях эксплуататорского строя) и большая экономия средств для общества. С другой стороны, однако, в отраслях, непосредственно обслуживающих нужды населения, далеко не везде можно и нужно ориентироваться лишь на технику. Например, в просвещении и здравоохранении — отраслях, чьи услуги населению являются наиболее массовыми. Здесь, как и в сфере услуг в целом, требуется живое человеческое общение с «объектом обслуживания», то есть с человеком, для которого данная услуга предназначена. Вот почему в соответствии со школьной реформой становятся меньшими по численности ученические группы — учитель, наставник должен «доходить» до каждого обучаемого. Продолжается разукрупнение участков (в жилых районах), обслуживаемых врачами по вызову на дом, — дабы можно было больше уделять внимания каждому больному. Изменения такого же порядка происходят во многих дру-

гих областях деятельности, где потребление результатов труда (в отличие, скажем, от продукции промышленности) предназначено не для общества в целом, а именно для данных людей, индивидов. И всюду в этих областях деятельности нужны и нужны работники, новые, в дополнение к прежней численности.

Для этого необходимо сохранить по крайней мере имеющуюся в стране численность трудовых ресурсов. Один ребенок на семью полностью исключает такую возможность.

Можно было бы предположить, что проблема трудовых ресурсов оказалась бы снятой при рождении в семьях в среднем по два ребенка: двоих детей для замещения двоих родителей вроде бы достаточно. Но в действительности и этого мало. Во-первых, потому, что, как известно, не все дети, становясь взрослыми, выходят замуж и женятся. Во-вторых, не все, увы, доживают до возраста, когда они сами могут иметь детей. При двухдетной семье (как средним показателе по стране) уже через тридцать лет, как определили специалисты-статистики, в среднем каждой нынешней тысяче жителей будет соответствовать 621 житель, спустя еще тридцать лет — 368, затем еще через такой же отрезок времени — 240. Спустя три века от тысячи человек населения страны может остаться всего 8.

Избежать в перспективе абсолютного сокращения численности населения можно лишь при условии, если в семьях будет по два-три ребенка. На деле это может выглядеть так: в городских семьях — по два ребенка, в сельских (где детей растить сравнительно проще, чем в городских) — по три.

Итак, обществу дети нужны в количестве, при котором по крайней мере сохранится сложившаяся численность населения и, следовательно, сложившаяся численность трудовых ресурсов.

Но возникает вопрос: а заинтересована ли сама семья в рождении двух-трех детей вместо одного, как это часто стало практиковаться в последние десятилетия? Говоря точнее, заинтересована ли в таком количестве детей сама семья при заинтересованности в этом общества?

Заметим, что по отношению к эксплуататорскому строю расчленение этого вопроса оправдано со всех сторон. При таком строе личность и государство противостоят друг другу, находятся в непримиримом противоречии. В социалистических условиях оценка числа детей в

семье обществом и личностью — иная. Что выгодно государству, в основе своей выгодно и личности; что не выгодно одной стороне, в сущности, не выгодно и другой. И все же в какой-то мере интересы при этом не всегда полностью совпадают. Это хорошо видно в связи с проблемой трудовых ресурсов. В результате сокращения их естественного прироста с государственных позиций было бы желательно как можно быстрее добиться повышения уровня рождаемости в стране. Как уже говорилось, добиться этого в интересах по крайней мере обеспечения необходимой численности работников для отраслей обслуживания населения, где возможности механизации и автоматизации труда относительно невелики. И, добавим, необходимо это не только потому, что в этой сфере деятельности требуется живое общение между обслуживающими и обслуживаемыми. Обслуживание населения есть как раз та область нашей жизни, где в силу ряда объективных и субъективных причин образовалось отставание. КПСС и Советское правительство прилагают немало усилий, чтобы поднять сферу обслуживания до высот, на которые вправе рассчитывать человек в развитом социалистическом обществе. В итоге можно сказать, что экономия трудовых ресурсов, получаемая благодаря механизации и автоматизации труда в материальном производстве, сводится на нет необходимым увеличением численности работников в отраслях обслуживания населения. Поскольку же резервы труда из наличного населения практически исчерпаны, надо, чтобы стал выше уровень рождаемости. Наше государство заинтересовано, чтобы это произошло как можно скорее, и оно делает для этого все возможное. Что же касается семьи, то у нее свои соображения на этот счет. Она руководствуется в этом деле специфическими, можно сказать, индивидуальными взглядами и возможностями, и это делает форсирование рождаемости нереальным.

Имеется еще одна позиция в современном нашем демографическом развитии, которая неодинаково воспринимается обществом и семьей. Это уровень смертности в стране. Он у нас растет — как и во всех экономически развитых странах, где заметно снизился уровень рождаемости.

По отношению к нашей стране рост уровня смертности на первый взгляд кажется невероятным. Ведь здоровье населения намного улучшилось, заметно увеличилась средняя продолжительность жизни. В дореволюци-

онной России человек жил в среднем 32 года, ныне у нас человек живет в среднем 70 лет (мужчины — 65, женщины — 74 года). В связи с улучшением общих условий жизни населения нашей страны можно рассчитывать на некоторое дальнейшее увеличение средней продолжительности жизни. Но даже будь все у нас в стране долгожителями, так или иначе наступает день, когда достигшие «предела» уходят из жизни. А соответствующей замены уходящим нет: уровень рождаемости низок. И вот следствие: в расчете на 1000 жителей, число смертных случаев возрастает. По стране в целом оно за период с 1975 по 1980 год увеличилось с 9,3 до 10,3, по Белоруссии — с 8,5 до 9,9. В 1981 и 1982 годах уровень смертности в БССР снизился до 9,6. Но в этом немалую роль сыграли изменения в возрастной структуре населения, а они явились причиной преходящей, поскольку отразили одно из последствий потерь населения и деформации его возрастной структуры в годы второй мировой войны. В 1983 году в БССР число умерших вновь достигло 9,9 на 1000 жителей (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 г. Мн., 1984, с. 8).

Общество не может не проявлять беспокойства в связи с нынешней статистикой смертности, поскольку при дальнейшем повышении ее уровня, даже при сохранении нынешнего уровня рождаемости, численность населения через какое-то время начнет сокращаться. Семья же в этом сложном процессе видит прежде всего то, что связано с возросшей продолжительностью жизни. Общество противопоставляет тенденции смертности все ту же необходимость скорейшего увеличения коэффициентов рождаемости в республиках, где уровень ее стал слишком низким. Семья же поступает по-своему.

В конечном счете отношение семьи к проблеме числа детей, которые в ней должны быть, выводит нас на рассмотрение многообразных аспектов потребности в детях.

В течение многих лет и в особенности в семидесятые годы эта проблема была объектом жарких споров. Poleмика продолжается по сей день.

Суть полемики свелась к двум пунктам. Во-первых, было поставлено под сомнение употребление самого понятия «потребность в детях». Дети трактовались не как самостоятельная, «целевая» потребность, а лишь как объект для удовлетворения других, более общих потребностей человека, таких, например, как нужда в заботе о ком-либо. Во-вторых, в потребности в детях отвергалось

наличие чего-либо естественного, биологического — она трактовалась лишь как сугубо социальная. Впрочем, это второе истолкование есть не что иное, как определенная форма выражения первого, ибо оба они гласят, что в принципе в системе ценностей человека дети могут и не остаться, они могут быть заменены другими объектами для удовлетворения определенных социальных потребностей, объектами более подходящими, отвечающими духу времени.

Словом, вроде бы пошатнулась одна из главных опор института семьи. Но так ли обстоит дело в действительности? Хотелось бы самым решительным образом высказаться против сужения понятия потребности в детях, против его обеднения, что выразилось в изъятии из данной потребности ее биологического компонента.

Бесспорно, потребность в детях за время существования человечества подверглась коренному, качественному преобразованию. Вначале она была близка к простому инстинкту сохранения вида, то есть больше склонялась к биологической потребности. По мере того как семья становилась все более необходимой общности не только для рождения детей, но и для их воспитания, подготовки к самостоятельной жизни, потребность в детях все больше приобретала социальный характер, которым стала выражаться ее сущность.

Известно, что наряду с понятием сущности в философии имеется для характеристики любого объекта понятие более широкое — содержание, включающее наряду с сущностью также другие характерные признаки данного объекта, пусть и менее важные. По отношению к объекту, который здесь нами рассматривается, можно сказать следующее: если сущность потребности в детях — социальная, то содержание этой потребности — социально-биологическое.

Подчиняясь, главным образом, закономерностям социальным, человек, как справедливо отмечает Милан Босанац, видный современный югославский юрист и социолог, в то же время не отменил инстинкта материнства, родительства. Биологические законы продолжают действовать, а человек лишь пытается приспособиться к ним, извлекая при этом как можно больше пользы для себя (Босанац М. Внебрачная семья/Пер. с серб.-хорват. М., 1981, с. 24).

Отвергая наличие чего-либо биологического в потребности в детях, отдельные специалисты утверждают, что

женщина может прожить свою жизнь и без детей. Некоторые добавляют: прожить без какого-либо ущерба для себя. Это уже явная неправда. По свидетельству ученых-медиков, нерожавшей женщине грозит гормональная неустойчивость, а это недуг и физический, и психический. Установлено, что в процессе беременности организм женщины как бы доразвивается: тренируются его функции, достигают максимума его физические возможности. Женщина, родившая ребенка, как правило, избавляется от функциональных расстройств, неврозов и т. п. Короче говоря, женщина не может избежать отрицательных последствий игнорирования того, что для нее запрограммировано самой природой.

Тем не менее верно заключение о возможности прожить жизнь без детей. Однако для подтверждения мысли, что потребность в детях не имеет в себе ничего биологического, данное заключение не дает ничего. Бывает, обойдет человека любовь. От этого он также не умирает. Но едва ли кто решится на этом основании утверждать (если только перед нами не философ типа упоминавшегося О. Вейнингера), что любовь с биологией человека не связана — о ненаучных и по сути своей реакционных попытках отделить в любви дух от плоти уже говорилось выше. А ведь по логике, основанной на мнимой возможности без какого-либо вреда для себя прошагать по жизни без детей, можно было бы также из половой любви вычленив биологическое, как якобы неправомерно в нее включенное.

Мы знаем, что потребность — это не просто устойчивая нужда в чем-либо, это нужда, которая предполагает определенную деятельность по ее удовлетворению. И при этом она определенным образом отражается в сознании человека — что, заметим, и позволяет объективные по своему характеру потребности человека, то есть не зависящие от нашей воли и сознания, подразделять условно на разумные и неразумные. С момента, когда осознан ущерб, который женщина причиняет своему здоровью отказом от рождения детей, нужда в реализации потенциальных положительных биологических влияний на организм, связанных с беременностью, родами, кормлением, обретает полноправный статус принадлежности к человеческим потребностям и может правомерно рассматриваться как органическая, неотъемлемая составная часть потребности в детях.

В последнее время в подтверждение этого вывода по-

лучены следующие небезынтересные данные: при опросе большой группы жительниц Москвы, имеющих двух детей, преобладающая их часть (55 процентов) мотивировала рождение второго ребенка пониманием пользы, которую это принесет их здоровью. Нужно ли доказывать, что мы имеем здесь дело с отражением в сознании женщин все того же биологического компонента потребности в детях?

Этот компонент, добавим, напоминает о себе и тем, что человек, относясь с самым теплым чувством ко всем малышам, особенно привязан все-таки к своему собственному ребенку, так сказать, кровнородному. Поэтому вряд ли можно согласиться с предложением, однажды высказанным в нашей специальной литературе, — о том, чтобы в целях компенсации ущерба от малодетности и бездетности были в будущем предприняты меры по углублению разделения труда в обществе. А именно: кто рождает детей, пусть делает это на совесть и обеспечивает ребятишками тех, у кого их нет и не предвидится, а тот, кто впоследствии возьмет детей на воспитание, пусть пока занимается другими полезными делами. Это предложение, как видим, трактует потребность в детях как что-то внешнее по отношению к индивиду, как нечто такое, что человек может легко принять или отбросить. Между тем эта потребность неразрывно связана с человеком как личностью и биологическим существом.

С биологической стороны потребности в детях определенным образом связана степень использования контрацептивных (противозачаточных) средств. Согласно имеющимся данным, ныне у нас в стране к ним прибегает на протяжении 20—25 лет примерно 50 миллионов женщин, что составляет более 75 процентов женщин, способных рожать. На первый взгляд, это прямо-таки массовое сопротивление потребности в детях, коллективное игнорирование ее.

Но вот, например, что показал опрос жительниц Москвы, проведенный в 1978 году. Выявились, что наиболее удобным методом контрацепции женщины считают «метод ритма» (сношение без предохранительных средств в дни, когда зачатие маловероятно). Высоко оцениваются женщинами механические средства — поскольку они образуют одно целое с «методом ритма», дополняют его. Таблетки, химические средства, «коитус интерруптус» (преднамеренное прерывание сношения с целью избежать овуляции, оплодотворения яйцеклетки) и воздержание получили наименьшее одобрение. Организаторы обследо-

вания оценили это как проявление «низкой контрацептивной культуры населения» (Социальный и демографический аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок. Ереван, 1983, с. 144). Тем не менее в то время, как изобретено столько разных новейших средств предупреждения зачатия, включая средства долговременного действия — гормональные (которые вводятся в организм женщины путем инъекций), люди, словно в мире ничто не изменилось, пользуются методами, известными человечеству с незапамятных времен.

Не только у нас в стране, но и всюду в мире люди охладели к усовершенствованным контрацептивам. Заметим: охладели прежде всего там, где их наиболее навязчиво рекламировали и где, следовательно, скорее можно было увидеть, в какой степени они являются благом. Показателен в этом отношении вывод, к которому пришла Джунита Вильямс, профессор психологии, руководитель программы «Исследование женщины» в университете Южной Флориды (США). Касаясь самого совершенного из нынешних массовых противозачаточных средств — контрацептивной пилюли, Вильямс отмечает, что это средство «не без физического риска». Пользование им связано с серьезными побочными последствиями, в частности, оно отрицательно влияет на состав крови и может вызвать закупорку кровеносных сосудов. Из миллиона женщин, пользующихся противозачаточной пилюлей, примерно 100, констатирует американский специалист, попадают в больницу и приблизительно 5 ежегодно умирают от нарушения кровообращения (Вильямс Д. Психология женщины: её поведение в биосоциальном контексте. Нью-Йорк, 1977, с. 249). Сто из миллиона женщин, тяжело заболевших от противозачаточной таблетки, — это вроде бы и не много, сотая доля процента, а пять умерших вообще кажутся случайностью. Но ведь это заболевания и смерти, которых можно было избежать. Даже одна-единственная человеческая жизнь является слишком дорогой ценой за возможность добиться контрацептивного эффекта.

Настораживают и такие зарубежные данные. Молодые женщины, систематически и бесконтрольно принимающие гормональные контрацептивы, умирают от инсульта почти в десять раз чаще тех, кто такими средствами не пользуется.

Как уже говорилось, некоторые исследователи, отмечая непопулярность среди населения современных конт-

рацептивов, объясняют ее слабой осведомленностью об этих средствах. Именно по этой причине, как считают, например, американские социологи Айвен Най и Феликс Берардо, редко пользуются усовершенствованными противозачаточными средствами молодые американки — учащиеся колледжа, где ученые провели анкетный опрос (Най А., Берардо Ф. Семья. Ее структура и функционирование. Нью-Йорк, 1973, с. 207). Трудно поверить, что молодые женщины в США из числа наиболее образованных и потому наиболее способных воспринимать информацию могут быть невежественными в делах, представляющих интерес для всего взрослого населения.

Но тогда что же получается? Все достижения научно-технического прогресса в области контрацепции побоку? Да, отмечается то, что вредит здоровью женщины. «Ритм» в этой ситуации оказался самым подходящим методом, и совсем не важно, что он — от прабабушек и что надежность его далеко не абсолютна — куда надежнее механические средства контрацепции. «Ритм», можно заключить, котируется выше механических средств потому, что он наиболее полно выражает природный смысл половой связи. Смысл же этот, как известно, сводится к следующему: деторождение — как главная природная цель; естественное наслаждение — как стимул к возможному достижению природной цели. «Планирование семьи», этот прогрессивный и обязательный атрибут современного поведения человека, его культуры, предполагает, после обзаведения желаемым числом детей, сохранение в половых отношениях лишь второго из названных двух компонентов смысла половой связи. Но обмануть природу не так просто. А вышла «промашка», нередко наблюдается следующее: женщина вначале сокрушается, что «попалась», а потом, когда малыш уже стал реальностью, безмерно счастлива и никак в толк не возьмет, как это она намеревалась его «извести». Вот, выходит, и таким сложным путем проявляется биологическое в потребности в детях.

По нашему убеждению, именно биологический компонент потребности в детях сообщает главной ее, социальной, характеристике, говоря образно, постоянство прописки, не позволяет подменять детей «равноценными объектами» для избежания одиночества, для получения возможности заботиться о ком-либо и т. д. Биологический компонент потребности в детях играет по отношению к этой потребности как бы роль обруча, со всех сторон стя-

гивающего, скрепляющего ее, не позволяя этой потребности «расползаться» предполагаемым переключением на другие объекты. И, как представляется, именно он, биологический компонент потребности в детях, придает этой социальной по своей сущности потребности неповторимое своеобразие, рельефно выделяет ее в ряду других потребностей человека.

Многочисленные факты свидетельствуют, что наличие ребенка в семье является неперменным условием ее благополучия и ощущения того, что называют счастьем. Отметим по крайней мере следующее.

Все знают о существовании так называемых домов ребенка. Туда, наряду с младенцами-сиротами, попадают новорожденные, от которых по тем или иным причинам отказались неумные и безвольные молодые мамы. Обратим внимание на два последствия данного явления. Это, во-первых, безутешное горе, которое, как правило, испытывает женщина через какое-то время после переоценки своего поведения, поступка. Горе усугубляется пониманием того, что так безжалостно брошенный матерью ребенок, раньше или позже обнаружив мам у других детей, начнет ждать свою, глядя на мир полными печали и надежды глазами обойденного родительской лаской ребенка.

Во-вторых, показательная реакция на отказ от новорожденного, реакция на такой поступок со стороны некоторых других женщин, тоже с нелегкой вначале судьбой. Вот, к примеру, подлинная история молодой матери. Одна, без поддержки мужа, ждала она ребенка. Она могла бы и отказаться от его появления на свет, поскольку роды, по заключению врачей, были связаны с риском для ее собственной жизни. Она могла бы, в случае благоприятного исхода, «сдать» младенца, как это делают иные мамы. Но ожидаемое счастье материнства оказалось сильнее боязни риска и возможных материальных невзгод. И вот оно, счастье, с ней. Она пытается понять, но, видимо, так никогда и не поймет, как это может женщина добровольно лишить себя радости кормить, выхаживать, лелеять свое дитя — ведь именно это и есть счастье женщины.

Примечательно, что дети оцениваются как высшее счастье не только женщинами, но и мужчинами. Вот, например, какими мыслями на этот счет поделился с читателями газеты «Правда» (1982, 11 марта) житель Свердловска В. Капустин. Любовь к ребенку, писал он, выше

любой другой любви. Он считает кощунством попытки оправдать отречение по своей воле от ребенка несформировавшимся чувством материнства. У него два сына. И он считает себя самым счастливым на свете. Хотя и добавил, что трудностей житейских хватает, иногда чересчур.

Известно, что на «бесхозных» детей имеются претенденты. Ими являются супруги, у которых собственных детей не оказалось.

«Какую-то часть мужчин и женщин природа, увы, не наделяет способностью иметь детей. К этому добавляются последствия вреда, который люди безотчетно наносят сами себе: абортми — в случаях, когда для такого вмешательства в естественный процесс никаких веских причин, по существу, нет; курением и пристрастием к алкогольному яду. Установлено, что по той и другой причине ныне бесплоден примерно каждый десятый брак. При этом на первичное (природное) бесплодие приходится около 8 процентов подобных браков, на вторичное (привнесенное) — около 2 процентов. В общей сложности до 40 процентов мужчин и 44 процентов женщин в возрасте до тридцати лет страдают заболеваниями, так или иначе сдерживающими детородную функцию (Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М., 1984, с. 59).

Что делать бездетным супругам? Если надежда на излечение от бесплодия окончательно потеряна, остается надежда на дом ребенка, откуда можно взять на воспитание приглянувшегося малыша. Образуются даже очереди из ищущих возможность усыновить или удочерить ребенка. Нет детей — нет настоящего счастья. Таков один из факторов, подтверждающих значимость детей в семье.

Ныне во многих крупных городах нашей страны имеются консультации по вопросам семьи и брака. Туда обращаются люди, когда семейные отношения в чем-то разладились и нужно одновременно и «выговориться» и получить полезный совет. Приходят сюда и за помощью в связи с затянувшимся (не по своей воле) ожиданием появления в семье потомства. В числе старейших и хорошо зарекомендовавших себя таких учреждений — консультация по вопросам семьи и брака при отделе здравоохранения исполкома Совета народных депутатов Свердловского района Москвы. К услугам посетителей здесь имеется шесть кабинетов: сексуальной патологии, контрацепции, медико-генетического консультирования, бесплодного брака, невынашивания беременности, гинекологической эндокринологии. Какой из этих кабинетов посещают

больше всего? Когда автору этой книги доводилось задавать такой вопрос во время лекции, чтобы узнать мнение слушателей, из аудитории нередко указывали на кабинет сексуальной патологии. Желающих попасть туда действительно во все дни приема много. И понятно почему: в деликатной области жизни всегда было и имеется множество проблем, по которым, поборов ложный стыд, люди приходят за советом к специалисту.

И все же гораздо больше бывает посетителей по поводу бесплодного брака. Приходят сюда как женщины, так и мужчины. Женщины, согласно учетным данным регистратуры, составляют четвертую часть среди всех пациентов учреждений, мужчины — пятую. Они готовы на любые жертвы и лишения, лишь бы появился в семье этот заветный, столь желанный малыш. Без него жизнь в семье — не жизнь.

И еще такой факт. В свое время в нашей центральной печати было опубликовано сообщение о практикуемой в США на черном рынке купле-продаже детей, об огромных деньгах, которые платят бездетные супруги за поправившегося им ребенка. С момента появления этой информации в нашей печати прошло более десяти лет. Может быть, под давлением общественного мнения там за минувшие годы уже покончили с позорным торгом? Вовсе нет. Теперь в США, а также и во Франции имеются уже специальные фирмы по «производству детей» для бездетных. Фирмы заключают контракты с женщинами, которые согласны подвергнуть себя искусственному оплодотворению для рождения ребенка. Матери-носительницы, как их нарекли, получают за эту «услугу» определенное вознаграждение, затем расстаются со своим младенцем навсегда. Ребенок передается клиенту, причем фирме достается львиная доля выручки от этой операции. Подобные акции изобличают буржуазный строй как общество, где нет ничего святого, где все может быть продано и куплено. Вместе с тем нельзя не увидеть в этом факте и другую сторону: спекуляцию на человеческой беде. Нет в семье детей, и нет, выходит, главного.

Теперь целесообразно вновь обратиться к вопросу о мере заинтересованности самой семьи не в одном ребенке, а в большем числе детей. Мы возвращаемся к этому вопросу, чтобы включиться в дискуссию, которая ведется вокруг него специалистами. В центре этой дискуссии — тезис, согласно которому заметное сокращение уровней рождаемости во всех экономически развитых странах,

вызванное этим широкое распространение «мини-семьи» (семьи с одним ребенком или же вовсе без детей) свидетельствует будто бы о существенном ослаблении потребности в детях, об очевидной тенденции к ее угасанию. Отметим в этой связи: коль скоро мы согласимся, что потребность в детях обладает благодаря ее естественному компоненту надежной стабильностью, утверждение об ослаблении этой потребности выглядит надуманным. Не говорим же мы, что у человека ослабла потребность в пище. Он просто по-другому стал питаться, потреблять более качественные продукты, уменьшив при этом общий вес рациона за счет сокращения в нем доли хлеба и картофеля. С детьми, если позволительна параллель между благами столь разных уровней, произошло нечто подобное. В новых условиях потребность в детях предполагает новую количественную меру ее удовлетворения. Вот и все. А сама потребность в основе своей как была, так и осталась.

Ничего, по существу, нового для оценки интенсивности, с которой ныне проявляет себя потребность в детях, не дают нам ссылки на то, что женщины при опросе об ожидаемом числе детей в их семьях заявляют о решительном нежелании обзаводиться вторым и тем более третьим ребенком (первый, как правило, всегда к месту). Заявления такого рода делаются жительницами сверхкрупных городов, где работающей женщиной наиболее остро ощущается дефицит времени для воспитания детей, ухода за ними. Это, конечно же, накладывает свой отпечаток на психологию матери. Но он отражает, подчеркнем, не меру самой потребности, а лишь условия для ее удовлетворения.

Проведенные в свое время в нашей стране и других экономически развитых странах мира опросы относительно так называемого идеального числа детей в семье, то есть их числа при наиболее благоприятной обстановке для содержания и воспитания потомства, повсеместно дали ответы, выраженные количеством два-три. Эта «норма», поскольку она получена из ответов людей и, следовательно, отражает не более как определенные мнения, суждения, вроде бы не совсем показательна (субъективна). Но это лишь на первый взгляд. Схожесть ответов, полученных от сотен тысяч жителей, говорит о наличии для идеального числа детей в семье в виде двух-трех какого-то единого объективного критерия.

Опрос по поводу идеального числа детей в семье, дав-

ший показатель два-три ребенка, проводился в конце 60-х годов. Не изменилось ли что в представлении людей об идеале за минувшие полтора десятка лет?

Обратимся к данным социально-демографического обследования, проведенного ЦСУ СССР десять лет спустя после упомянутого — в 1978 году. В результате этого обследования было установлено, что среднее число детей, рожденных замужними женщинами 18—44 лет, составило по стране 1,88 (Вестник статистики, 1983, № 12, с. 15).

Названо, заметим, число детей реальное — то, что уже есть. А каким представляется нашим женщинам число другое — то, что вместе с уже родившимися они в целом ожидают в своих семьях? Обследование позволило получить ответ и на такой вопрос. Очень важный, поскольку с ним связана оценка перспектив рождаемости в стране. Среднее ожидаемое число детей в стране в целом, как вышло, равно 2,44.

Но данный расчет сделан по отношению ко всем женщинам, способным (согласно оценке, утвердившейся в науке на основе средних величин) иметь детей. Между тем для уяснения перспектив рождаемости представляют особый интерес женщины наиболее молодые, то есть те, у которых рождение детей еще впереди. Обследование показало, что среднее число детей, ожидаемое женщинами, которые вышли замуж в 1975—1978 годах, то есть у тех, что в дни проведения обследования были примерно двадцати — двадцатипятилетними, равно 2,15. Это меньше показателя, выявленного по отношению ко всем женщинам детородного (выражаясь языком демографии) возраста, — тот показатель, как отмечалось, был равен 2,44. Но все равно налицо величина, превышающая цифру 2.

По союзным республикам среднее ожидаемое число детей женщинами, которые вступили в брак в 1975—1978 годах, различается соответственно этнографическим особенностям коренного населения этих республик или отдельных районов в республиках. Для РСФСР это число в общем равно 1,79. Но, например, для Центрального экономического района Российской Федерации — 1,6, а для Северо-Кавказского района — 1,97. В Узбекской ССР среднее ожидаемое число детей женщинами той же возрастной группы — 3,86, в Таджикистане — 4,63. В Белоруссии индекс оказался равен 1,93 (Упом. журн., с. 17).

Среднее ожидаемое число детей меняется в зависимости от типа поселений. Указанным обследованием ЦСУ

установлено, что в городах женщины 18—44 лет ожидают в своих семьях в среднем 2,00 детей, в сельской местности — 2,63. И это понятно: в условиях села, с его укладом жизни, специфика которого сохранится и при полном переустройстве села на современный лад, легче растить детей, чем в современном городе, в особенности крупном.

Итак, среднее ожидаемое число детей в семьях по стране в целом обследованием ЦСУ, повторим, было выявлено равным 2,44 для всех женщин детородного возраста. Об идеальном числе детей вопроса при обследовании не было. Если же такой вопрос фигурировал бы в опросном листе, он наверняка дал бы число большее, чем ожидаемое, поскольку отразил бы представление о планируемом размере потомства в его идеально-оптимальном виде.

С полной уверенностью можно утверждать, по крайней мере, то, что представление об идеальном числе детей в семье существенных изменений за минувшие годы не претерпело. И это служит дополнительным подтверждением жизненной силы, неиссякаемости потенциала потребности в детях.

Какова все же объективная основа представления о двух-трех детях как наиболее подходящем по численности потомстве для семьи? Прежде всего два-три ребенка — это лучше, чем один, по соображениям биологического характера, о чем уже говорилось (здоровье женщины). Два-три ребенка лучше из соображений социальных (эмоциональное общение). К этому добавляются соображения педагогические (возможность предотвратить изъяны в воспитании ребенка, которые довольно часто встречаются, когда он растет без братьев и сестер).

Но в таком случае не оказалось ли бы еще лучше, если в семье имелось бы, скажем, четыре, пять, а то и больше детей? Конечно, пусть их имеют на счастье те, кто может. Но объективно в качестве эталона, ориентира такое число детей не представляется реальным.

Учитывая сложившееся представление об оптимальном числе детей в семье и принимая во внимание, что реальное их число в массе случаев сегодня ниже «оптима», можно двух-, трехдетную семью полагать в настоящее время достаточной. Два-три ребенка в семье образуют величину потомства, которое обеспечивает количественное замещение уходящим поколениям, укрепляет возможность численного сокращения населения, к которому рано или поздно должна привести одно-

детность. И, что не менее существенно, два-три ребенка наилучшим образом отвечают интересам самой семьи. Потому что при нынешней средней продолжительности жизни (равной у нас в стране 70 годам) такое число детей в принципе позволяет реализовать стремление супругов всегда иметь рядом с собой малыша, столь нужного для полного семейного счастья.

Вот, например, как это может выглядеть в идеальном варианте. Сейчас девушки начинают выходить замуж в основном с 18 лет, но наиболее часто это совершается с достижением возраста примерно 24 года. Согласно мнению многих замужних женщин, обзаводиться первым ребенком лучше всего спустя два-три года после вступления в брак, а более подходящим интервалом между рождением детей может быть срок от трех до шести лет. В таком случае возможен следующий порядок появления желанного малыша в семье.

Первый счастливо пожаловал, когда матери было около двадцати семи. Второй появился, скажем, когда первенец бодро зашагал на свой первый урок в школу (обучение — с шести лет; и шесть лет, как отмечалось, — верхняя граница оптимального интервала между рожденьями). При этом допустим, что первенец — девочка. Матери к этому времени — около тридцати трех. Когда в школу пошел второй ребенок, гордо объявив, что и он «уже не маленький», матери было тридцать девять. И вот «бог послал» ей третьего. Когда и этот зашагал в первый класс и возникла угроза «исчезновения» заветного малыша, матери «стукнуло» сорок пять. Первенцу же, девочке, исполнилось восемнадцать. И хотя замуж вроде бы еще рановато, поторопила любовь, и никак нельзя было отказать хорошему парню, который сделал предложение. И вот мать, которой, возможно, нет еще и сорока пяти, стала бабушкой. И вновь в доме малыш. Да еще какой! Еще более желанный, более любимый. Недаром ведь говорят: первое дитя — не дитя, первое дитя — внук.

Есть еще одно обстоятельство, относящееся к объективной основе потребности семьи иметь больше, чем одного ребенка. Это, как попутно уже отмечалось, отрицательные последствия однодетности в их педагогическом, воспитательном аспекте. Как установили демографы и психологи, в семьях, где всего один ребенок, дети лишены чрезвычайно важных эмоциональных связей, которые возникают у братьев и сестер. Отсутствие таких связей может повредить формированию характера ребенка. Не

менее значимо и то, что родители, желая дать все своему единственному потомку, очень часто выходят за рамки разумной меры и этим растят себялюбца и, что еще пагубнее, человека, убежденного, что все блага, которые он не добыл и, главное, не собирается добывать своим трудом, ему «положены» как бы изначально, от рождения.

Мечтая о счастье своих детей, родители немало дум посвящают будущей семье сына или дочери. Как сложится их семейная жизнь? Навсегда сохранят в супружестве любовь и согласие, возмещаемые обменом обручальными кольцами, или же пополнят ряды разведенных, столь многочисленных в наше время? Родители, у которых двое, трое, испытывают меньше тревог на этот счет. Потому что, как установлено многочисленными наблюдениями, юноши и девушки, имеющие братьев и сестер, уже в определенном смысле прошли школу семейной жизни и приобрели необходимые навыки. Они намного лучше, чем выходцы из однодетных семей, подготовлены к успешному преодолению трудностей, закономерно появляющихся в семейной жизни.

Реальна ли перспектива двух-, трехдетной семьи в нынешней обстановке, когда многие семьи однодетны? А вернее, реальна ли исходя из того соображения, что малая семья явилась результатом заметного повышения благосостояния жителей нашей страны? Неоднократные обследования выявили наличие обратной связи между уровнем дохода и числом детей в семье: доход выше — детей меньше. Одно из последних обследований — «Москва-78» — показало то же самое. Выявилось, что третьего ребенка хотят иметь 10,3 процента имевших ко времени опроса средний доход на члена семьи менее 50 рублей, 5,5 процента — с доходом от 75 до 100 рублей, 2,9 процента — с доходом более 125 рублей в месяц на человека. Иными словами, чем выше доход, тем слабее желание обзаводиться детьми. Ученые, проводившие данное социально-демографическое обследование, считают такую обратную зависимость строго закономерной и отвергают даже само предположение о возможности существования связи противоположного характера, а именно прямой зависимости между доходом и величиной потомства (Социальный и демографический аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок. Ереван, 1983, с. 140).

Между тем и такая, прямая, зависимость обнаружи-

балась в результате обследований. Так, проведенное в 1972 году ЦСУ СССР выборочное единовременное обследование доходов и жилищных условий рабочих, служащих, колхозников в союзных республиках с низким уровнем рождаемости выявило следующую тенденцию изменения числа детей в семье по мере роста ее дохода. Среднее число рождений на одну женщину во всех семьях при совокупном доходе на семью до 150 рублей в месяц составило 2,01, при доходе 211—450 рублей — 1,93; при доходе 451—600 рублей — 2,05; 600—900 рублей — 2,19; 901 рубль и выше — 2,49 (Рождаемость. М., 1976, с. 76, 89).

Обратим также внимание на результаты обследования, менее отдаленного по времени, проведенного в 1979 году в Донецкой области Украины. Оно показало, что среднее число детей в семье стабильно возрастает по мере роста совокупного месячного дохода, увеличивается с 0,73 до 1,6 (Региональные особенности воспроизводства населения и вопросы демографической политики. Ереван, 1983, с. 34).

Утверждение, что связь между доходом и числом детей в семье бывает лишь обратной, ошибочно. Зависимость между доходом семьи и величиной потомства в конечном итоге не может быть названа ни обратной, ни прямой. Это сложная зависимость, при которой развитие постепенно меняет направление до противоположного. Причина здесь заключается в степени удовлетворения сложного комплекса потребностей людей. Связь между материальным достатком и числом детей в семье является обратной в том случае, когда удовлетворение потребности в детях количественно как бы забежало вперед; когда не удовлетворены в одинаковой мере другие потребности, занимающие важное место в системе ценностей семьи. Прямая же связь складывается при относительно полном удовлетворении комплекса потребностей современного человека. При этом и степень удовлетворения потребности в детях, выраженная меньшим числом детей, начинает возрастать. В конечном итоге проблема переносится в плоскость соотношения количества детей в семье и уровня жизни населения.

Заметим, что под таким углом зрения указанная проблема начала рассматриваться специалистами очень давно. При этом долгое время уровень жизни трактовался узко, лишь как материальное благосостояние. Сегодня оценка уровня жизни не ограничивается материаль-

ным достатком, а включает в себя также духовные и социальные блага. Но так или иначе дети и уровень жизни по-прежнему рассматриваются как самостоятельные и как бы равноценные по своей общественной значимости элементы бытия. А правомерно ли это? Ведь на деле перед нами связь между частью и целым. Дети — неотъемлемый компонент, органическая составная часть уровня жизни, одна из его основных характеристик. Поэтому количественно-качественная оценка детей, думается, займет свое место в системе показателей нашего экономического и социального развития.

Из сказанного следует, что, чем больше — при прочих равных условиях — имеется в семье детей, тем она богаче, тем выше в ней уровень жизни. При этом понятно, какие высокие требования ныне предъявляются к условиям, позволяющим иметь желаемое и тем более идеальное по численности потомство.

Среди этих условий важнейшую роль призвано сыграть максимально сглаженное противоречие между профессиональной и материнской функциями женщины. Речь идет не только о домашней нагрузке, но и о многом другом. Весьма существенно, например, отношение к женщине-матери на работе. Само собой разумеется, что женщина, имеющая детей, в особенности младшего возраста, должна чувствовать постоянную заботу, повышенное внимание к себе со стороны администрации. Это предписано социалистическим государством, Конституцией СССР, вытекает из нашего гуманистического мировоззрения.

Но порой получается по-другому. Бывает еще, когда ретивый администратор пытается, якобы в интересах дела, так или иначе ущемить в правах женщину, имеющую малых детей. Он старается под благовидным предлогом не принять ее на работу, а приняв, дает понять, чтобы не очень засиживалась дома, если детки захворают. От молодых женщин по этому поводу поступает немало писем в редакции газет. Общей в этих письмах является мысль о том, что всем хочется иметь детей, без них невозможна жизнь, но упреки, которые нередко приходится выслушивать из-за болезни детей и вынужденного отсутствия из-за этого на работе, вынуждают задуматься, стоит ли становиться матерью. На крайний случай, как говорится в одном письме, заведут единственного ребенка и столкнут его бабке.

Придет время, и отпадут подобные, связанные с вза-

имоотношениями людей, а главное, исчезнут другие, более серьезные — экономические (в разнообразном их проявлении) препятствия на пути к оптимальному числу детей в семье. Жизнь наша совершенствуется, становится богаче материально и духовно. Такое развитие является для социализма непреложным законом. Ибо бесконечен простор, который в социалистических условиях открыт для научно-технического прогресса. А он — при отсутствии частной собственности на средства производства — непрерывно множит богатство общества. Это богатство — опять-таки при отсутствии частнособственнических отношений — может быть обращено и действительно обращается лишь на благо народа. Короче, будем жить еще лучше, несколько больше станет и детей в наших семьях. Можно сказать, что уже теперь налицо определенный психологический сдвиг в сторону замены однодетной ориентации двухдетной. Кажется, вчера еще у нас посматривали косо на женщину, у которой двое. Эталон был один ребенок. Сегодня, наоборот, с укором смотрят на ту, что так и не решилась обзавестись вторым. Нет-нет, а мысленно обвинят такую женщину в эгоизме, сочтут, что она недооценивает свои возможности для рождения и воспитания большего числа детей. И ведь такой упрек во многих случаях справедлив. Словом, входит в моду, становится престижной двухдетная семья вместо недавней однодетной.

Обратим внимание на следующее. Наш разговор — не о перспективах рождаемости вообще, а о том, какими они представляются в социалистических условиях, при высоком уровне развития социалистических общественных отношений. Капитализм всей своей природой противостоит нормальному выполнению семьей ее функций, и прежде всего функции воспроизводственной. Буржуазная психология потребительства, вынуждающая приравниваться к искусственно формируемым стандартам «качества жизни» при растущей безработице, непрерывном взвинчивании цен на товары и услуги, в обстановке страха, неуверенности в завтрашнем дне, не позволяет многим семьям обзаводиться детьми, более того — мешает созданию семьи вообще.

Например, в США ныне около трети домохозяйств состоит из одного человека. По мнению американских социологов, в 1990 году одинокие люди составят 45 процентов от общего числа взрослых в стране. Ширится так называемое дезертирство из семей. По американским

данным, две трети отцов, покинувших свои семьи, не оказывают детям никакой поддержки. Эти и многие другие факты нередко рассматриваются как признаки наступившего кризиса семьи. Но это в действительности кризис не института семьи самого по себе, а лишь особых общественных условий, в которых семья оказалась в буржуазном обществе. Непрерывное воспроизводство поколений, понимаемое одновременно как возобновление жизни в биологическом смысле и как социализация тех, кто приходит в жизнь, их воспитание как будущих членов общества — эта функция семьи остается в основе своей незыблемой.

РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ

Остается сказать еще об одной функции семьи — функции эмоционального общения. При современном крайне напряженном ритме жизни семья становится все более необходимой человеку как место благоприятной смены обстановки, перехода в состояние раскованности, наслаждения отдыхом. Это эффективно восстанавливает трудоспособность и создает предпосылки для полноценной духовной жизни.

Когда о человеке говорят, что он хороший семьянин, то одной из черт такой лестной характеристики является стремление этого человека как можно больше времени после рабочего дня уделять своим близким — жене, детям. Кому неведомы неподдельные восторги ребятешек, несущихся навстречу в объятия вернувшейся с работы мамы, или их возгласы: «Папа пришел!» По искреннему признанию многих, ради этого «стоит жить».

Примечателен такой факт. При изучении характера соподчиненности ценностных ориентаций занятого в общественном производстве городского населения Латвийской ССР на первом месте оказалась жизненная ценность, значившаяся в анкете как «Семейное счастье, дети». Этому отдали предпочтение 36,7 процента мужчин и 45,3 процента женщин из общего числа опрошенных. «Материальный достаток» как один из возможных ответов, предлагавшихся опрашиваемым, оказался на лестнице ценностей ступенькой ниже, его предпочли 33,1 процента мужчин и 30,9 процента женщин. Далее в иерархии жизненных ценностей значилось еще одиннадцать пунктов, все они в ответах оказались на более низких позициях, чем счастье, доставляемое человеку семьей

(см.: Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984, с. 136).

Небезынтересны результаты аналогичного обследования, проведенного социологами во Франции. Большой группе людей был задан вопрос, что в последнюю неделю явилось для них самым важным в жизни. Более половины опрошенных ответило: «Пребывание в семье». Остальные поставили на первый план встречи с друзьями, просмотр телепередач, лекций, концерты, пребывание на природе. Это, однако, еще не означает, что около половины опрошенных не считают семью высшей для себя духовной ценностью. На чем основывается такой вывод?

Отвечавшие на вопрос находились, надо полагать, под впечатлением от воздействия какого-то необычного комплекса эмоций, но воздействия кратковременного, преходящего. И, возможно, тем, кто не упомянул в своем ответе семью, даже и в голову не приходило ставить ее на одну доску с другими возможностями эмоционального общения. Позиция по данному вопросу окончательно прояснилась, когда французам о том же спросили несколько по-другому, а именно: согласны ли они с утверждением, что определенные моменты общения с членами семьи они ценят больше всего в жизни. И вот уже 77,5 процента опрошенных ответили, что согласны с этим утверждением или почти согласны. Лишь 5,6 процента категорически отвергли это утверждение (Мудрость и состояние дезорганизации: Франция 1980. Париж, 1980, с. 247, 248). Как видим, даже в условиях буржуазной действительности, которая многообразными путями подтачивает семейный институт, семья как «убежище для души» прочно живет в сознании людей.

В обществе будущего, полностью освободившемся от пагубных влияний, которые способен оказывать и оказывает на семью эксплуататорский строй, с дальнейшим развитием культуры человеческого общения эмоциональная функция семьи может лишь усилиться.

НЕ ПОГАСНЕТ СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

Если теперь окинуть единым взглядом всю необычайно долгую историю развития семьи, мы отчетливо увидим линию на постепенное совершенствование и укрепление этого института. Иначе и быть не могло: такая линия отвечала интересам человека как биологического вида и

она же, что еще более важно, выражала и продолжает выражать его насущные социальные потребности.

С какой интенсивностью сегодня действуют побудительные мотивы к образованию семьи, к реализации тех потенциальных благ, с которыми связывается заключение семейного союза, к реализации, иными словами, современных функций семьи, взятых в единстве, в их неразрывной взаимосвязи, — все это вновь и вновь подтверждается результатами социально-демографических обследований.

При одном таком обследовании, не так давно проведенном эстонскими учеными, выяснялся идеал супружеской жизни. Какими, иначе говоря, супруги представляют себе друг друга в идеальном виде. Отвечали на вопросы анкеты молодые люди — студенты государственных университетов Тарту и Тбилиси. Наиболее ценными в браке у студентов обоих университетов оказались этико-эмоциональные отношения. Это вполне согласуется с нашим заключением о данной функции семьи в современных условиях, о ее роли в жизни семьи сегодня. В то же время организация семейного досуга оказалась в ответах студентов из Тарту на десятом, в ответах студентов из Тбилиси — на одиннадцатом месте. К сожалению, в анкете не были предложены возможные варианты понимания досуга, не была раскрыта его обширная гамма, включающая время, проводимое в семье. В результате отвечавшие подразумевали лишь то, что принято называть досугом, — совместные выходы в кино, в театр, на выставки и т. п. Своей невысокой оценкой этих видов отдыха студенты как бы подчеркнули, что все это ничто по сравнению с возможностью «просто отдохнуть» в семье, в кругу самых близких людей.

Высоко был оценен компонент супружеских отношений, обозначенный в анкете словом «дети». Они — на втором (Тарту) и третьем (Тбилиси) местах в ответах среди общего числа одиннадцати мест, по которым ответы были распределены.

В описанном обследовании, как видим, довольно отчетливо проявились, в качестве очень важных, потребности человека в эмоциональном общении и в детях, проявились, подчеркнем, с ориентацией на удовлетворение этих потребностей в пределах семьи, а не каким-либо иным образом.

О любви специально вопрос в анкету не был включен, фигурировал вопрос более узкий, сформулированный как

«половые отношения супругов». У студентов из Тбилиси они были поставлены на весьма высокое — второе место. Этим они выразили значение, которое придают удовлетворению сексуальной потребности в браке, в рамках семьи. Большинство из них (54 процента) высказало отрицательное отношение к внебрачным половым связям, супружеской неверности. Эта позиция утверждает нас в мысли о сохранении семьи как общности людей, где любви может быть гарантирована наиболее надежно долгая жизнь.

Вместе с тем может вначале сбить с толку то, что студенты из Тарту на тот же вопрос — о половых отношениях супругов — ответили совсем по-иному. У них эти отношения оказались на последнем — одиннадцатом месте. Однако из этого еще не следует, что в Тарту не ценят супружескую любовь. Можно предположить, что поставленные там на первое место «этико-эмоциональные отношения» между мужем и женой вбирают в себя, в их понимании, этот комплекс чувств, включая и сексуальные отношения как его неотъемлемую составную часть.

Итак, можно сказать, что в результате сужения круга дел, которыми семья занималась ранее, и в особенности вследствие резкого сокращения объема внутрисемейных хозяйственных забот высвободившаяся энергия семейного союза с небывалой силой обращается на реализацию функций, которые она и должна выполнять прежде всего. Семья, основанная на взаимной привязанности, душевной спаянности всех ее членов, не уходит в прошлое, а, наоборот, лишь теперь имеет возможность формироваться в таком ее качестве. Эта возможность реализуется в подлинно свободном и высоко развитом обществе.

Историк Л. Я. Штернберг в своем труде о сахалинцах писал об огне, который постоянно поддерживали в своих жилищах коренные островитяне. Семья очень дорожила этим огнем — без него невозможно было существование. Очаг, который не гас ни днем ни ночью, — это в наше время олицетворение неугасимости семьи, ее неиссякаемой жизнеспособности.

УДАЧИ И ПРОМАХИ ГИМЕНЕЯ

Оптимистическая оценка перспектив института семьи не должна мешать нам видеть наряду с ее здоровой основой обстоятельства объективного и субъективного порядка, осложняющие семейную жизнь, вызывающие в ней различные конфликты. Впрочем, это еще вопрос, правомерна ли такая оценка по отношению ко всем явлениям в жизни семьи, которые обыденным сознанием воспринимаются как отрицательные. Иначе говоря, важно поразмыслить над тем, что в действительности относится к минусам и что к плюсам в развитии института семьи.

«Узы Гименея» — так иногда по имени древнегреческого божества называют брак, желая подчеркнуть его основательность и святость. Но в жизни, бывает, рвутся семейные узы.

Попытаемся сопоставить счастливые и несчастливые браки, обозначить причины, по которым часть семейных союзов распадается, взвесить возможности профилактики семейных разладов.

1. БРАКИ И РАЗВОДЫ: СООТНОШЕНИЕ МНИМОЕ И РЕАЛЬНОЕ

Не всякому приходится листать статистические сборники, поэтому о таких событиях в жизни общества, как браки и разводы, мы нередко судим по тому, что видим или узнаем понаслышке. Надо ли говорить, сколько при этом бывает обманчивых впечатлений. И всё же кое-что мы схватываем верно.

Вот на наших глазах к одной из красивейших площадей Минска — площади Победы — подкатывает сразу несколько свадебных кортежей. То, что они свадебные, узнаешь по развевающимся цветным лентам, символическим обручальным кольцам, глазастым куклам на капотах автомашин. Наблюдаем за брачными парами. Каждая, ведя за собой вереницу родных и друзей, неторопливо и торжественно движется к Вечному огню — таков обычай. Здесь, у памятника героям, отдавшим жизнь за счастье своих сограждан, молодые супруги, как перед собственной совестью, мысленно клянутся беречь свой семейный союз...

Итак, сразу две-три брачные пары. Мы заключаем, что с брачностью у нас вроде бы благополучно, что уровень ее довольно высок. Сравнив свои впечатления с данными статистики, убеждаемся в правильности суждения. За время между переписями населения 1970 и 1979 годов число брачных пар у нас в стране увеличилось. Оно, понятно, и должно было увеличиться, поскольку население численно возросло: 1970 год — 241,7; 1979 год — 264,5 миллиона человек. Но если численность взрослых жителей страны за указанное время увеличилась примерно на 9 процентов, то число брачных пар стало больше на 13 процентов. На 1000 жителей в СССР приходилось зарегистрированных браков: в 1965 году — 8,7; 1970 — 9,7; 1975 — 10,7; 1980 — 10,3. Как видим, уровень брачности возрос к началу семидесятых годов в сравнении с серединой шестидесятых, затем стал выше во второй половине семидесятых в сравнении с серединой этого десятилетия. К началу восьмидесятых годов показатель брачности продолжал оставаться относительно высоким: 1981 год — 10,4, 1982-й — 10,3, 1983-й — 10,4 брака на 1000 жителей (Народное хозяйство СССР в 1983 г. М., 1984, с. 30).

Непрерывно растет уровень брачности в Белоруссии. В 1927 году на 1000 жителей республики приходилось 8,5 зарегистрированных брака, что было на 13 процентов

выше дореволюционного уровня (Натуральный рост населения БССР за 1927 год. Минск, 1930). А вот данные по времени более близкие: 1970 год — 9,3; 1975-й — 9,9; 1980-й — 10,1; 1981-й — 10,3; 1982-й — 10,3; 1983-й — 10,3 зарегистрированных брака на 1000 жителей республики (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 г. Минск, 1984, с. 8).

Уровень брачности является зеркалом, отражающим сложившееся в данной стране общее положение. Ученые на Западе не раз в своих работах отмечали резкое сокращение числа заключенных браков в годы неурожая, безработицы. Хронические социальные бедствия, поражающие трудящиеся массы при эксплуататорском строе, если даже и не делают брак вообще невозможным, то по меньшей мере максимально затрудняют его заключение. Повышающийся уровень брачности в нашей стране является свидетельством улучшения условий жизни населения, укрепления уверенности людей в завтрашнем дне. И что не менее важно отметить, высокий показатель брачности является дополнительным подтверждением устойчивости института семьи.

Вернемся, однако, к наблюдаемым брачным парам. Бросается в глаза их юный возраст. Правда, внешность, особенно в наши дни, обманчива: многие выглядят значительно моложе своих лет. Что в общем подмечено правильно, это происшедшее «омоложение» брака. На 1000 женщин в возрасте 18—19 лет в 1959 году в стране приходилось замужних 171, в 1970 году — 186. В республиках Прибалтики в поколении женщин 1936—1938 годов рождения в среднем 13,3 процента женщин вступило в брак в возрасте до 20 лет, в поколении женщин 1951—1953 годов рождения — 18,5 процента.

У многих еще свежа в памяти популярная песенка о десяти девчонках, на которых по статистике приходилось девять ребят. Согласно переписи 1970 года, на 100 неженатых мужчин в возрасте от 21 до 45 лет приходилось примерно 170 незамужних женщин в возрасте от 18 до 42 лет (сопоставление несколько неодинаковых возрастов мужского и женского населения основано на сложившейся устойчивой традиции — сохранять при заключении брака разность в возрасте, равную примерно трем годам). Данные эти, заметим, не совсем точно отражают фактическое положение, поскольку остались неучтенными незарегистрированные браки и разводы. Но по крайней мере в отношении самых молодых возрастов

картина верна, поскольку для молодежи несовпадение формального и фактического в супружестве — состояние, возможное главным образом впоследствии, а не сейчас, когда юношам и девушкам хочется, чтобы семейная жизнь начиналась законно и красиво.

Как выглядит соотношение неженатых и незамужних сегодня? На каждые 100 мужчин рождения 1960 года ныне приходится 87 женщин рождения 1963 года, а на 100 мужчин, родившихся в 1963 году, — 85 молодых особ женского пола, появившихся на свет тремя годами позже. Время дефицита женихов миновало, пришла пора дефицита невест.

Итак, мужской «избыток» налицо. Заметим, что численный перевес мужчин в соотношении полов — нормальное для общества явление. Этот перевес «запрограммирован» природой: 100 родившимся девочкам всегда соответствует 105—107 новорожденных мальчиков. Лишь войны, поглощавшие жизни главным образом мужского населения, катастрофически нарушали природное соотношение. К великому счастью, вот уже 40 с лишним лет живем мы без войн. Оттого нормализовалось и соотношение полов. Отпало одно из серьезных препятствий к заключению своевременных брачных союзов. Это, вместе с более совершенными условиями жизни, способствовало омоложению брака. В дополнение к уже приведенным подтвердим сказанное такими данными: в 1981 году половина женихов была моложе 24 лет, а половина невест — моложе 22,5 года.

Омоложению брака способствовало также явление, именуемое акселерацией. Подростки, в особенности девочки, в наши дни физически созревают быстрее, чем их сверстники в прошлом. Некоторые специалисты полагают, что в происхождении акселерации еще не все раскрыто. Одно, думается, бесспорно: за акселерацией — изменившиеся условия жизни, выраженные материальным достатком и объемом воспринимаемой информации. Короче, физически и психологически подростки ныне оказываются сравнительно рано готовыми к браку. Они не готовы к нему в социальном отношении. Как правило, не обладают еще материальной самостоятельностью для семейной жизни, во многих случаях полагаются в этом на родителей. Но тем не менее торопят события, вникая в зов сердца.

Добро или зло ранние браки? Если под ранними иметь в виду брачные союзы, заключенные в возрасте,

скажем, 18—20 лет, то такие браки имеют немало преимуществ. В этом случае при прочих равных условиях дольше длится супружеская жизнь — в зрелом возрасте, как не раз говорилось, наиболее благоприятное состояние для физического и духовного здоровья человека. Немаловажно и то, что женщина успевает в более ранние сроки родить «запланированное» число детей и, следовательно, больше остается у нее времени для повышения квалификации, усовершенствования домашнего быта и для того, чтобы «заняться собою». Что касается мужчины, то для него ранний брак — конечно, если он счастливый — является доброй школой трудолюбия, добросовестности, честности. Этих качеств трудно ждать от неженатых мужчин в возрасте лет под сорок. Половая мораль многих из этих кавалеров метко охарактеризована Энгельсом: «...долгое пребывание в положении жениха в девяти случаях из десяти является настоящей подготовительной школой супружеской неверности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 78).

В ранних браках, таким образом, немало хорошего. Иное дело браки, заключаемые в возрасте почти подростком. Это, как правило, браки скороспелые, без должной проверки чувств, а то и просто легкомысленные. Такие браки, назовем их сверххранние, очень хрупки.

Добавим к этому оценку сверххранних браков представителями медицины и учеными-психологами. Сверхранние браки истощают молодой организм, тем самым препятствуя завершению формирования физической конституции индивида, мешают созданию устойчивой биологической системы. Не менее пагубны такие браки для психики юных супругов. В этом возрасте чувства быстро воспламеняются, но могут и гаснуть столь же быстро. Отсюда — возможность переключения на новые объекты чувств со всеми переживаниями и конфликтами, которые при этом могут возникнуть.

В общем, желательно, чтобы браки заключались в «оптимальном» возрасте. Сама жизнь за эту оптимальность. Согласно данным обследования, проведенного в 1978 году, доля вступивших в брак женщин 1952—1954 годов рождения составила для заключивших брак к 22 годам 58,1 процента, к 24 годам — 76 процентов.

Выше упоминалось о большом количестве разводов. Одна из причин их заметного роста — поспешность при заключении брака. Но дело не только в этой и в некоторых других причинах неудачно сформированных супру-

жеских союзов. Не все сводится — мы позволим себе игру слов — к браку в браке. Есть серьезная причина изменений в статистике разводов совсем иного порядка — юридическая. Имеется в виду существенное упрощение бракоразводной процедуры.

Вспомним, какой была у нас процедура развода в недалеком прошлом. Разводящиеся должны были обязательно пройти через врата судебного ведомства. И не просто так, незаметно: о предстоящем разводе полагалось извещать общественность через местную газету. И, бывало, иной сочтет за благо тянуть дальше ляжку опостылевшего супружества, лишь бы не делать достоянием света свои безрадостные семейные дела.

Теперь все проще. С 1969 года в тех случаях, когда у супругов нет несовершеннолетних детей и супруги не предъявляют друг другу имущественных претензий, разводит их по совместному заявлению не суд, а загс. Правда, если дело рассматривается в суде, он не торопится с окончательным решением, потому что не исключено примирение супругов, если причины для развода были не столь уж серьезны. И разве не показателен, скажем, такой факт? По данным социологических обследований, проведенных в Литовской ССР, 19,5 процента разведенных мужчин и 8,5 процента разведенных женщин желали бы вернуться в прежнюю семью. В Латвии в связи с «примирением сторон» за один год было прекращено 14,5 процента бракоразводных дел (Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983, с. 64). Выходит, правильно поступают суды, оттягивая решение о разводе.

Лишь в мире «большого бизнеса» кое-где смогли додуматься упростить бракоразводную процедуру до такой степени, что ее можно осуществить в любое время суток в течение всего года. В американском штате Невада, где предоставляется подобный сервис, бракоразводный конвейер пропускает через себя тысячи клиентов. Плата за развод здесь значительно ниже, чем в других штатах, но массовый потребитель все равно обеспечивает высокие прибыли. Такая, по существу, антигуманная практика естественна для буржуазного общества. Там же, где забота о человеке является высшим законом всей деятельности государства, упрощение развода закономерно обретает предел. Но и при нем разводиться стало у нас, согласимся, намного проще.

Точно определить влияние, которое облегченная процедура расторжения брака оказала на уровень разводи-

мости в стране, нелегко, ибо он складывается под воздействием и других обстоятельств. Но разве не о многом говорит нам следующий факт? В течение длительного времени число разводов на 1000 жителей увеличивалось у нас равномерно: 1940 год — 1,1, 1960-й — 1,3, 1965-й — 1,6 (Народное хозяйство СССР в 1980 году. М., 1981, с. 30). А вот показатель за 1970 год: 2,6 развода на 1000 человек населения страны. Заметим, показатель, отразивший сразу же после упрощения бракоразводной процедуры (1969 год) результаты реформы. Налицо увеличение показателя разводимости уже не на десятки доли, как ранее, а сразу на единицу. В Белоруссии показатель за 25 лет, с 1940 по 1965 год, увеличился с 0,7 до 1,1, то есть на четыре десятых, а затем за одно лишь пятилетие, с 1965 по 1970 год, — с 1,1 до 1,9, то есть на восемь десятых (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1981 г. Минск, 1982, с. 9).

Рост количества разводов может навести на мысль: не следовало ли бы в интересах укрепления семьи сделать расторжение брака менее доступным. Нет, такая мера, помимо того, что она отнюдь не увеличила бы число благополучных семей, была бы просто ошибочной при ее оценке с позиций социалистической демократии. Именно наша революция, указывал В. И. Ленин, является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 32). Наша идеология — самая гуманная в мире, поэтому наше законодательство стоит на страже свобод человека, в том числе свободы принимать решения относительно своей жизни в семье, где пребывание стало невыносимым и где развод становится единственным выходом из создавшейся ситуации.

Итак, растет число разводов. На первый взгляд представляется, что картину разводов более наглядную, чем при обозначении числа разводов на 1000 жителей, можно получить, если разводы сопоставить не с численностью населения, а с заключенными браками. Вот, например, данные за 1983 год: заключено браков 2,8 миллиона, расторгнуто около 1 миллиона (Народное хозяйство СССР в 1983 г., с. 5, 30).

С удивлением и чувством досады открываем для себя, что ныне, выходит, распадается у нас в стране каждый третий брак. Уточняем по справочникам, давно ли сложилась эта невеселая пропорция. Оказывается, давно,

с десятков лет назад, примерно с 1975 года, когда было зарегистрировано 3,1 развода на 1000 населения.

Но отметим следующее: даже если допустить, что действительно из трех образовавшихся семейных союзов сохраняется два, то и в этом случае, право же, нет основания драматизировать ситуацию. На два счастливых брака — один несчастливый. Два против одного. Так ли уж это плохо?

Но самое главное — в другом. Когда мы сопоставляем зарегистрированные в каком-то году браки и разводы, мы поступаем некорректно. Это легко обнаруживается при первой же попытке детальнее ознакомиться с хронологией браков и разводов, сведенных под рубрику данного года.

В самом деле, число зарегистрированных браков по времени проведения регистраций обозначено однозначно: оно ограничено рамками только данного года. А зарегистрированные разводы? Разве ими зафиксирован распад супружеских союзов, которые были образованы именно в данном году? Таких ведь совсем немного. Например, в 1981 году расторгнутые браки, длившиеся менее года, составили в общем числе разводов 3,6 процента. А 94,4 процента — это разводы супругов, которые вступили в брак в годы минувшие (Народонаселение стран мира/ Под ред. Б. Ц. Урланиса, В. А. Борисова. М., 1984, с. 106). Вот и получается, что вывод «один из трех» отражает пропорцию мнимую.

Реальное же представление о соотношении браков и разводов нам может дать сопоставление числа разводов за данный год с общим числом брачных пар в стране на начало данного года. К 1983 году в стране было приблизительно 67 миллионов супружеских пар. Миллион расторгнутых браков по отношению к 67. миллионам — это примерно 1,5 процента. Вот какова доля ежегодно регистрируемых разводов в действительности. 1,5 процента вместо первоначально предполагавшихся 30 процентов.

Разумеется, хорошо было бы не иметь и такой, пусть и сравнительно малой, доли несостоявшихся супружеских союзов. Потому что далеко не все расторгнувшие брак вновь создают семьи. Например, за 1979—1980 годы в стране развелось 17,4 миллиона женщин. Из них в повторный брак вступило 8,4 миллиона — менее половины. Среди зарегистрировавших повторный брак было 4,4 миллиона мужчин, 4 миллиона женщин (Бедный М. С. Упом. соч., с. 84). Женщины в особенности испытывают

затруднения при попытке оформить повторное замужество. И в первую очередь трудно это сделать женщинам с детьми. Дети малые заранее предполагают дополнительные серьезные заботы для потенциального супруга — их не каждый готов взять на себя. Дети подростки нередко становятся в оппозицию к новому отцу. Учтем к тому же общую для всех женщин, прошедших через развод, повышенную требовательность к возможному новому избраннику — он, понятно, должен быть намного лучше того, с кем женщина развелась.

Эта повышенная требовательность как нельзя лучше отражает новое положение женщины в обществе. В былые времена многие из лишившихся мужей готовы были идти за кого угодно — лишь бы «взял». Эмансипация женщины в корне изменила дело.

Эмансипация женщины — явление, показательное для всего цивилизованного человечества. Она — прямой результат научно-технического прогресса, приведшего к колоссальному росту городов, стремительному распространению городского уклада жизни, для которого показательно широкое участие населения, в том числе женщин, в общественном труде, широкий доступ населения, в том числе женского, к источникам информации, возможность для женщины благодаря созданию целой системы средств контрацепции не посвящать всю свою жизнь одному лишь рождению детей.

Хотя все это характерно для цивилизованного мира в целом, женская эмансипация имеет свои особенности в двух противоположных общественных системах. Эти особенности должны учитываться нами при рассмотрении объективных предпосылок для разводов.

РЕВАНШ ЗА ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОРАЖЕНИЕ

Когда установилась односторонняя моногамия, женщины развернули активную борьбу за равноправие в браке. Главное в этой борьбе заключалось и заключается в завоевании женщиной надежных социально-экономических позиций, которые способны обеспечить, а в социалистических странах уже обеспечили на деле, фактическое равенство полов во всех сферах бытия, включая семью.

В СССР женщины уже давно превзошли мужчин по численности среди рабочих и служащих: 51 процент —

таков был показатель в 1984-м и таким он был еще в 1970 году (Вестник статистики, 1985, № 1, с. 64). Как последовательно увеличивался этот показатель, хорошо видно на примере Белоруссии: 1965 год — 51 процент, 1970-й — 52, 1980-й — 53, 1983-й — 53 процента.

На первый взгляд превышение удельного веса занятости женщин объясняется большей их долей в общей численности населения страны (53 процента в 1983 году). Статистические данные по Белорусской ССР отчетливо показывают, что главное совсем не в этом. В 1959 году в БССР, где за годы войны против германского фашизма погиб каждый четвертый житель, и в основном мужчины, женщины составляли в общей численности населения 56 процентов. В 1970 году их доля снизилась до 54, а в 1983 году, как уже отмечалось, составляла 53 процента (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 г., с. 4, 131). Следовательно, женщин в общей численности населения становилось относительно меньше. Участие же их в производственной деятельности возрастало. Их занятость росла как результат роста потребности в кадрах работников в условиях стремительного развития экономики и культуры БССР, как и всех других союзных республик.

Спрос на работников из числа женщин не был бы столь велик, если бы они не имели необходимой общеобразовательной и профессиональной подготовки. Начиная с 1960 года женщины в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием составляли в целом по стране 59 процентов, а в 1983 году их доля достигла 60 процентов (Вестник статистики, 1985, № 1, с. 65). Ныне более двух третей медицинского персонала — женщины, их удельный вес среди учителей — свыше 70 процентов. Женщины в ряде социалистических стран составляют более половины общего числа студентов вузов. В 1983/84 учебном году их удельный вес был равен в СССР 53 процентам, в Болгарии в 1982/83 учебном году — 51,1, в Венгрии — 51,1, Польше — 50,6 процента в том же учебном году.

Показательно широкое применение труда женщин в производствах с высоким уровнем технической оснащенности. В СССР женщины составляют более 40 процентов от работающих на аппаратах с автоматическим управлением, 67 процентов от общего числа операторов на автоматических линиях, 90 процентов от всех работников, осуществляющих механизированный контроль за качест-

вом выпускаемой продукции. В машиностроении и радиопромышленности, где женщин, казалось бы, должна бы быть самая малость, поскольку работа там вроде бы «мужская», женщины в действительности составляют 67 процентов. Свыше полумиллиона женщин работают директорами фабрик и заводов, возглавляют стройки, научные организации или их подразделения. Более 26 тысяч женщин руководят колхозами и совхозами. Число женщин, занятых в сфере науки, за последние двадцать лет возросло в три раза. Сейчас женщины трудятся наравне с мужчинами в таких сложнейших научных областях, как космическая биология, математическая физика, генетика, радиоэлектроника.

Высокая профессиональная занятость женщин, будучи прямым результатом их общеобразовательно-квалификационной подготовки, в свою очередь определила высокую общественную активность женщин. Времена, когда их мир замыкался кухней, детьми и церковью, ушли в историю. Сейчас значительная часть жизни наших женщин проходит вне дома, в коллективе. Это расширяет круг их интересов. Ныне в нашей стране женщины составляют около одной трети среди депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, половину от общего числа депутатов краевых, областных и других местных Советов народных депутатов. Любопытен, между прочим, такой факт: среди систематически занимающихся физической культурой и спортом женщины составляют у нас около 40 процентов. А ведь в прошлом это было, можно сказать, монополией мужчин. Летом на прогулках за городом, зимой на лыжне, круглый год в театре, на концерте, на выставке только и мелькают, как можно было заметить, красочные женские наряды, а мужчин — лишь одиночки, у них, как правило, находятся дела «поважнее». Можно не сомневаться, что, если бы не «второй рабочий день» (занятость по дому), активность женщин во всех областях жизни была бы еще выше.

Словом, женщина в социалистическом обществе, обладая экономической самостоятельностью и пользуясь самой широкой поддержкой со стороны государства, сегодня, образно говоря, знает себе цену. И с момента, когда она убедилась, что мужчина, живущий с ней рядом, не устраивает ее как личность, существует серьезная предпосылка для разрыва. Она может и не привести к разводу, нередко женщина приносит себя в жертву детям; чтобы они не стали сиротами при живом отце. Од-

нако что женщины часто делают самым решительным образом, это расстаются с мужьями-пьяницами.

Показательно, что преимущественно женщины выступают ныне инициаторами разводов. В начале семидесятых годов в Ленинграде по просьбе женщин было возбуждено около двух третей бракоразводных дел. В Риге в 1977 году суды рассмотрели бракоразводные дела, инициатива по которым на 70 процентов исходила от женщин, а в возрасте до 25 лет — даже на 85 процентов (Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983, с. 64). Невольно при этом думается о слове, веками выражавшем горькую женскую долю: «Бросил!» В наши дни, как говорится, еще вопрос, кто кого «бросает».

Женщина как инициатор развода — это знаменует собой поворот в семейных отношениях столь значительный, что уже высказывается мнение, не пора ли из-за виновности главным образом мужчин в расстройстве семейной жизни пересмотреть знаменитую французскую поговорку, все сводящую к женщине. Теперь, видимо, следует говорить не «ищите женщину», а «ищите мужчину».

В отличие от социалистических стран в буржуазном обществе продолжается традиционная дискриминация женщины со стороны мужчины в области быта. И это ожесточает женщин: как и во всем развитом мире, они хотят достойного отношения к себе. А не отношения, в основе которого лежит принцип: все, что относится к связям с внешним миром, — дело мужа; все внутрисемейные дела — компетенция жены при верховной власти мужа. Это жесткое разделение обязанностей и прав между супругами резко снижает прочность семейных связей.

Со своим подчиненным положением в семье не могут мириться и домохозяйки, хотя их в экономически развитых капиталистических странах становится все меньше. К началу восьмидесятых годов во Франции и Великобритании в общественном производстве было занято около 40 процентов от общего числа женщин этих стран. Еще в 1975 году работало вне дома более половины женского населения Финляндии и Швеции. Несмотря на то что женщины здесь на равных с мужчинами обеспечивают свои семьи материально, мужчины отнюдь не на равных участвуют в домашних работах. Согласно данным западных социологов, в дополнение к тому, что выше говорилось о ФРГ, в Швеции мужья относятся к числу самых активных помощников своих жен. Как же велика эта помощь? Одно из обследований показало, что в стирке

белья и приготовлении пищи участвует каждый седьмой муж, а шесть, следовательно, уклоняются от этого хлопотного дела. В уборке квартиры и мытье посуды помогает один из пяти. В Норвегии женщины тратят в среднем около пяти часов ежедневно на домашний труд, в то время как мужчины — около часа.

Буржуазное государство поощряет эту социальную несправедливость. Поощряет ее официальным отношением профессий к мужским и женским. Первых в капиталистических странах числится около 300, вторых — около двух десятков. Трудящаяся женщина чаще делает пирожные, а не создает автомобили; подает кофе, а не строит корабли; чаще трудится в химчистке, чем в порту, — так пишут о своих соотечественницах английские журналистки Линдсей Мэки и Полли Патулло. Молодые женщины в Англии с трудом находят не то что работу по специальности, но хотя бы мало-мальски интересную работу. В этой стране, заключают журналистки, живуч предрассудок о якобы чисто «женском» труде, о работе какого-то третьего сорта, к тому же оплачиваемой хуже, чем труд мужчин (Советская женщина, 1983, № 11).

И это в стране, представители которой голосовали за Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, голосовали, в частности, за обеспечение одинаковых условий для ориентации при выборе профессии или специальности, для доступа к образованию и получению дипломов в учебных заведениях всех категорий как в сельских, так и в городских районах.

На словах равные права женщинам предоставлены в Японии. В конституции этой страны (статья 14) записано, что никто из людей не должен подвергаться «дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола». Но вот что имеет место в действительности: при поступлении на работу женщину вынуждают взять на себя обязательство, что она «освободит место» в случае выхода замуж или рождения ребенка. Свыше четырех миллионов японок занято неполный рабочий день, но этот «неполный», как правило, достигает восьми и более часов, без оплаты за переработку. Кроме того, работницы, которые значатся как «временно занятые», не могут рассчитывать на поддержку профсоюза, на получение пособия по безработице или по болезни, на предоставление им оплачиваемого отпуска. Казалось бы, в этой стране, где множатся

сверхприбыли фирм, производящих лучшие в мире компьютеры, видеомагнитофоны, телевизоры, транзисторные приемники и другую современную технику, можно было бы обеспечить приемлемые условия жизни тем, чьими руками создается все это богатство. Но положение работников в капиталистическом обществе, вопреки утверждениям буржуазных пропагандистов, отнюдь не улучшается пропорционально достижениям научно-технического прогресса. На первом плане всегда корыстные интересы предпринимателей. Они с еще большим рвением «делают деньги», используя для этого дешевый «женский труд».

Следует заметить, что, когда идет речь о положении женщины в капиталистическом обществе, как бы само собой напрашивается замечание принципиального характера, связанное с широким употреблением понятия «женский труд». В нашем обиходном языке «женский труд» воспринимается как равнозначный понятию «труд женщин». При этом, как правило, нам и в голову не приходит, что определением «женский» могут быть выражены какие-то биологические особенности работающих. Между тем употребление данного понятия на Западе имеет как раз такую окраску, подчеркивающую, что женщина может делать будто лишь то, что для нее предусмотрела природа. Говоря «женский труд», мы как бы присоединяемся к подтексту этого понятия. А виной тому — присутствие в нашем языке по сути неправомерного термина, появившегося из-за известной неточности, в свое время допущенной при переводе на русский язык «Капитала» К. Маркса, на что первой у нас обратила внимание пытливая исследовательница, доктор экономических наук З. М. Юк (см.: Юк З. М. Научно-технический прогресс и труд женщин. Мн., 1981, с. 17). И в самом деле, то, что на немецком представлено как «Weiber- und Kinderarbeit», на русский язык можно перевести словами «женский и детский труд». Такой перевод формально возможен, но правомерен и другой: труд женщин и детей. Если же руководствоваться смыслом, вложенным Марксом в данное понятие, то два варианта его перевода отнюдь не имеют равного права на существование и правомерным следует считать лишь второй: труд женщин и детей. Ибо именно это соответствует трактовке автором «Капитала» сущности использования на капиталистических предприятиях дешевой рабочей силы исходя из биологических и в более узком смысле возрастных, ко-

гда речь идет о детях, особенностей работников. Эти особенности также эксплуатируются, образуя для капиталиста дополнительный источник прибыли.

Дискриминация женщины как государственная политика в области занятости закрепляет ее дискриминацию в быту, семье. Одно из последствий этого — конфликты в семьях, нередко приводящие к разводу.

Такие конфликты ныне показательны не только для экономически развитых стран, но и для стран развивающихся. Процесс эмансипации женщин усиливается и здесь. Его непосредственный источник — урбанизация, рост и развитие городов, быстрое увеличение удельного веса городских жителей. Наиболее отчетливо это видно на примере Африки: за время с 1950 по 1980 год доля городского населения на этом континенте возросла с 14 до 29 процентов, а в 2000 году, согласно прогнозу, составит 42 процента. Городская жизнь способствует здесь, как и всюду в мире, обретению женщинами экономической самостоятельности. А с ней начинают рушиться стереотипы семейного быта.

Особенно бросаются в глаза те изменения, которые происходят во взглядах и в поведении женщин в странах ислама, где женское бесправие было доведено до крайней точки. Неудивительно, что страницы многих газет мира обошло сообщение о необыкновенном, с точки зрения местных традиций, случае, происшедшем в африканском городе Сегу, одном из городов исламского государства Мали. Некий многоженец Бубака Диолло одним разом лишился пяти из шести своих жен. Как потом выяснилось, их уход объяснялся желанием получить образование, чему препятствовало затворничество. Подобные же решительные действия приняли массовый характер в столице Мали, городе Бамако. За десять лет после 1972 года число разводов в этом городе увеличилось в три раза. При этом характерно: инициаторами разводов почти на семьдесят процентов являются женщины.

Эмансипация женщины, как об этом уже было сказано, дала мощный толчок росту разводов. Было бы нелепостью и попыткой явно реакционной в интересах сокращения разводов противостоять женской эмансипации. Точнее, тащить женщину назад в дом, к одним лишь кастрюлям, белью, другим домашним заботам, возложить все это лишь на «хозяйку дома». Ведь работающая женщина так или иначе не освобождена от этих забот.

Но в конце концов мало значит то, что думают о про-

фессиональной занятости женщин люди со стороны. Спрашивать об этом надо самих женщин, чтобы уяснить, является ли для них работа вне дома устойчивой внутренней потребностью. Женщины, как установлено социологическими обследованиями, относятся к профессиональной занятости следующим образом. Те, кто имеет интересную работу, категорически не согласны переходить на положение домохозяйки. Имеющие работу, в которой мало содержится «для души», — согласны. Но часть женщин готова бросить работу, думается, не потому, что они в принципе противники такой занятости, а вследствие того, что не оказалось пока работы, интересной для них.

Заработок жены заметно увеличивает семейный бюджет. Но характерно, что эта прибавка, как правило, не является для женщины главным побудительным мотивом при поступлении на работу. «Без работы женщина — не личность», — записала в качестве ответа на анкетный вопрос одна из сотрудниц Белорусского республиканского научно-производственного объединения порошковой металлургии (Советская Белоруссия, 1983, 18 дек.). Подробнее эту же мысль изложила жительница Свердловска Г. Чечнева. Она пишет, что с завистью смотрела в кухонное окно на людей, которые утром спешили на работу. А ей куда уж там: трое сыновей, муж вечно на службе. Когда заводила разговор о желании пойти работать, муж и слышать об этом не хотел: растут мальчишки, за ними нужен глаз да глаз.

Все же не выдержала. Однажды, когда муж был в отъезде, пошла и устроилась на завод. Новое дело освоила быстро, заслужила звание ударника. И вот положение в семье в корне изменилось. Домашние дела распределились на всех. Попробуй-ка отец не сделать что-то — дети с трех сторон налягут: «Мама велела!» Научились и полы мыть, и посуду каждый за собой приберет и в магазин ходит (Правда, 1983, 12 дек.). Словом, обретя интересную работу вне дома, женщина как бы заново родилась.

Стремление женщины к профессиональной деятельности как важнейшему условию осознания себя как личности подтверждается не только отдельными высказываниями, но и массовыми опросами женщин. Так, при обследовании, проведенном среди женщин-работниц в семидесятые годы в Костроме, было установлено, что работницы придают первостепенное значение отношениям,

возникающим в процессе трудовой деятельности. Они очень ценят «хороший рабочий коллектив» (Левин Б. М., Петрович М. В. Экономические функции семьи. М., 1984, с. 107).

Заслуживает внимания такая деталь, выявленная в ходе одного из обследований: женщины, как правило, равнодушны к возможности «сделать карьеру» — их привлекает интересная работа сама по себе, какой бы она с точки зрения «престижности» ни была. Это еще отчетливее характеризует профессиональную занятость женщин как потребность преимущественно социально-духовную.

Социологические обследования показали также, что женщина-мать, которая имеет вне дома интересную работу, пользуется более высоким уважением, авторитетом у своих детей, нежели мать, ограничивающая свою деятельность «домашним кругом».

В буржуазном обществе игнорируется растущая тяга женщин к профессиональной деятельности. Многие политики и ученые слепы по отношению к духовным благам, которые женщинам дает эта деятельность, они видят лишь такие ее последствия, как разводы и падение рождаемости. И вот, чтобы вернуть женщину к ее «естественному» состоянию, во Франции, например, отдельные политики вместе с деятелями католической церкви стали ратовать за отмену закона 1975 года, разрешающего аборт и свободную продажу контрацептивов. На это женщины-активистки с ядовитым юмором ответили вдохновителям нелепого предложения: «Мужчины ничему не научились, если все еще воображают, что могут путем принятия какого-то закона заставить женщин, как крольчих, рожать во славу Франции» (по: Развитые капиталистические страны: демографические процессы и экономическое развитие. М., 1984, с. 51). Как и во многих других подобных случаях, буржуазные деятели подменяют главное второстепенным. Добиться прогрессивных изменений в демографической области можно в капиталистическом обществе лишь при условии коренного изменения господствующих в нем общественных отношений. Иго капитала, гнет «священной частной собственности» — вот что, по словам В. И. Ленина, мешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на грязные и подлые законы, закрепившие неравенство женщин (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 368).

Отметим в качестве итога, что, поскольку эмансипация женщин является одной из объективных причин роста разводов, причем также и в наших, социалистических, условиях, налицо оказалось определенное противоречие — между эмансипацией и потребностью общества иметь по возможности меньше разводов. Хотя противоречие это свойственно миру в целом, неодинаковыми являются подходы к его разрешению. Различие состоит, в частности, в том, что при социализме эмансипация служит объективным стимулом для соответствующего «подтягивания» мужчин. Буржуазное же общество фактически ориентировано на сдерживание эмансипации, на увековечение положения подчиненности женщины мужчине.

Но процесс эмансипации необратим, его нельзя повернуть вспять.

ПЛОДЫ ПОСПЕШНОСТИ

Одна из серьезных причин разводов — плохое знание супругами особенностей друг друга, прежде всего личных, к моменту заключения брака. Это предопределяет возможность краха семьи уже вскоре после свадебных торжеств. Нам известен случай, когда развод нагрянул ровно через три месяца после свадьбы. Такое бывает не часто. Но как заключают социологи на основе проведенных ими обследований, среди молодых людей, вступивших в брак, разводы становятся явлением массовым уже в первые годы совместной жизни. Так, в 1981 году в общем количестве разводов по нашей стране расторгнутые браки, длившиеся от одного до двух лет, составили 16 процентов, длившиеся от трех до четырех лет — 18 процентов (Народонаселение стран мира, с. 106).

Иногда утверждают, что распад преимущественно молодых семей — дело естественное, ибо все молодое не прочно, хрупко. Дело не в молодости, а в том, что в ней заложено. Кому не доводилось восхищаться зелеными побегами, пробившими асфальт! Молодое может быть необычайно прочно, если крепка, здорова его основа. Такой здоровой основой для молодой семьи является взаимное знание друг друга.

Вот данные одного обследования по поводу обстоятельств знакомства будущих супругов. По месту совместной учебы и работы узнали друг друга 46 процентов вступивших в брак, в общежитии — 13,7, в библиотеке — 9,1 процента. Остальные знакомства распределяются

следующим образом: у соседей — 4,6 процента; на отдыхе — 6,5; случайно, на улице — 3,5; проживание в одном доме — 2,0; проживание на одной улице — 1,4; прочие места знакомства — 9,7 процента (Петраков А. А. Социология городской семьи. Ижевск, 1981, с. 70).

Нет нужды доказывать, что лучше всего изучить человека можно, наблюдая его в труде. Труд — мерило добросовестности, честности людей. Скажем, если молодой человек с рвением взялся за порученную ему работу, старается выполнить ее как можно лучше и быстрее, можно быть уверенным, что и работу по дому, когда обзаведется семьей, он будет выполнять как надо, и вообще будет хорошим семьянином. Умеет ли человек трудиться — это неплохо видно и в таком месте, как библиотека. Также здесь на виду степень трудолюбия и добросовестности. Неплохо будущие супруги могут изучить друг друга в общежитии, и это можно считать определенным дополнением к знакомству по месту работы.

А вот что можно сказать о других местах знакомства? Например, на улице? Автору этой книги в студенческие годы довелось услышать рассказ пожилой женщины-доцента, преподавателя латинского языка; о ее первом знакомстве с будущим мужем, впоследствии крупным ученым, академиком. Их обоих, одиноких прохожих, застиг на улице ливень, и девушка, видя, как попал в беду шедший неподалеку от нее молодой человек, не запасшийся зонтом, любезно пригласила бедолагу под свою «крышу». С той самой минуты они уже не расставались, прожили долгую и красивую жизнь. Бывает, следовательно, что и улица дарит счастье. Но это, согласимся, была случайная встреча людей, уже заранее настроенных «на волну» друг друга, помышлявших об одном и том же роде занятий, с примерно одинаковым кругом интересов.

Что можно сказать о знакомстве на отдыхе, например на турбазе — месте отдыха, где контингент отдыхающих, как правило, наиболее многочислен и потому возможности для знакомства наиболее обширны? С одной стороны, в условиях, когда с человека сняты многие из его обычных повседневных забот, полнее раскрываются отдельные положительные черты его характера, такие, как общительность, доброжелательность, любовь к знаниям, чувство юмора. Нередко случается, что здесь, на отдыхе, знакомством закладывается прочная основа

будущей семьи. С другой стороны, состояние отдыха не позволяет судить, как этот же человек повел бы себя в сложных жизненных ситуациях, способен ли мужественно преодолевать трудности. Последующий развод — таким нередко бывает финал одностороннего знакомства.

Нелишне напомнить, что брак есть ответственнейший акт в личной жизни человека и потому требует подготовки самой обстоятельной. Опыт многих поколений доказано, что, чем основательнее было добрачное знакомство, тем, как правило, прочнее семейный союз.

Во времена минувшие тут, как говорится, не было вопроса: ухаживание в течение, по крайней мере, нескольких лет бывало правилом. Оно продолжалось до момента, когда жених мог считать себя подготовленным к женитьбе материально — в соответствии со стандартом своей социальной группы. Ныне продолжительность ухаживания примерно в 55 процентах случаев составляет один — шесть месяцев. Примерно 40 процентов случаев — это знакомство длительностью от шести месяцев до года. Предбрачные отношения сроком до одного месяца составляют в общем итоге 7,2 процента (Петраков А. А. Упом. соч., с. 71). Таким образом, свыше 70 процентов брачных союзов заключается после ухаживания в течение года. А знакомство длительностью три года показательно для 30 процентов будущих супругов.

Если длительность знакомства столь важна, то как следует относиться к различным «службам знакомств»? Вопрос не простой. На первый взгляд представляется, что служба знакомств — дело весьма полезное и, следовательно, нужное. Потому хотя бы, что в любом деле, и тем более в таком важном, как вступление в брак, надо ведь с чего-то начинать. Потенциальные супруги нуждаются в том, чтобы их представили — и обществу, и друг другу. Нередко знакомство завязывается без посторонней помощи. Но сколько имеется и мужчин и, в особенности, женщин, которые предпочитают положиться в этом на посредника. Служба знакомств может успешно справиться с такой миссией.

Однако далее в отношении службы знакомств начинают сомнения. Пусть дело само по себе и стоящее, но беспокоит обстановка, в которой доброду делу предстоит осуществиться. Действительно, что значит прийти на встречу, специально предназначенную для демонстрации своих «бракоспособных» качеств? Это значит, как однажды остроумно заметил один наш коллега, явиться на

выставку-продажу, где чувства человека, его физические и нравственные достоинства приобретут смысл вещей и произойдет их обмен или просто выдача напрокат (Севостенок П. Предложение заманчиво, но... — Вечерний Минск, 1982, 15 июня). И возникает резонный вопрос: пойдет ли на такое знакомство человек, который дорожит своим достоинством и к тому же еще и скромный, никогда и нигде специально не выставлял себя напоказ? Не настораживает ли, например, то, что на встречи в клубы знакомств, создаваемые с благородными целями, временами норовят попасть люди с намерениями совсем иного порядка, пошляки и проходимцы? Представим себе в качестве их «объекта» привлекательную молодую женщину, умную и образованную, но пока одинокую и мечтающую о семье, о счастье. Невольно содрогнешься при мысли, что может обрушиться на ее чистую душу.

В этой связи заслуживают внимания проекты использования ЭВМ для изучения качеств знакомящихся. Электронная «сваха», как ее нарекли острословы, беспристрастно сопоставляет характеристики претендующих на брак и дает свое заключение о степени совместимости претендентов. Любопытно, что в Японии свыше 150 тысяч мужчин и женщин стали клиентами образованных для этой цели пяти специализированных агентств. Три тысячи человек, как сообщалось в печати, уже стали благодаря рекомендациям ЭВМ мужем и женой. И это несмотря на всю сложность процедуры для получения таких рекомендаций: нужно заполнить вопросник, содержащий ни много ни мало — 755 пунктов. Объем вводимой информации можно варьировать, но в любом случае он велик, поскольку требуется выявить совместимость претендующих на брак по таким сложнейшим параметрам, как черты характера и взгляды. Кроме того, в деталях исследуется социальное положение и оценивается материальный достаток. Последнему в капиталистической стране придается особое значение, и клиент поэтому обязан документально подтвердить величину своего дохода.

В наших, социалистических, условиях социальное и материальное положение при заключении брака решающей роли не играет, и, следовательно, ни к чему, наверное, загружать ЭВМ этими проблемами. Однако она может выдать ценные сведения о чертах характера и взглядах.

В показаниях ЭВМ зримо, на поверхности оказыва-

ются как положительные, так и отрицательные характеристики, и среди этих последних, быть может, — склонность к выпивкам, к лёгковесным поступкам или же обнаружится скрытое заболевание, опасное для потомства. Иной человек постесняется сказать правду в глаза, а ЭВМ выдаст все как есть. Она делает свое дело анонимно, без свидетелей. А насколько эта анонимность важна для претендующих на брак, свидетельствует существование, наряду с электронными посредниками, средств, ничем не примечательных в смысле техники. Таков, например, старый дуб в западногерманском городке Ойтине. В его дупле более ста лет назад торговец, часто находившийся в разъездах, оставлял письма своей возлюбленной. Через некоторое время они поженились. Поскольку церемония бракосочетания состоялась под этим же дубом, а сам брак оказался счастливым, дуб превратился в брачное агентство: здесь можно в соответствующей форме, анонимно сообщить о желании заключить брачный союз. И вот даже очереди образуются у дуба-посредника.

У нас в стране функции службы знакомств уже длительное время выполняет рижская вечерняя газета «Ригас Балс». Она регулярно публикует объявления о желающих устроить свою личную жизнь. Любопытны как содержание, так и форма этих объявлений. В одном из них женщина «любезно просит» откликнуться одинокого мужчину с уравновешенным характером, непьющего, доброго, ищущего подругу жизни. В другом сообщается, что высокая женщина, 29 лет, электросварщица, любящая свою профессию, музыку, спорт, имеющая дочку трех лет, хотела бы познакомиться с добрым, чутким (можно с детьми) человеком, который мог бы стать хорошим другом, отцом, который отрицательно относится к спиртному. В третьем объявлении выражено желание одинокого мужчины познакомиться «с целью брака» с женщиной, «чуткой, доброжелательной к людям, не лишённой чувства юмора». Нетрудно заметить, что авторы объявлений хотят на первый случай получить хотя бы самую общую информацию о возможном кандидате на брак, но информацию, строго согласованную со шкалой ценностей претендентов. Для мужчины на первом плане — доброта женщины, для женщины — чуткость мужчины и, что очень важно, отрицательное отношение к спиртному. Обнаружится кандидат с нужными качествами — можно считать успешным первый тур поисков. От-

борный тур. А дальше качества кандидата в избранники могут детализироваться в процессе знакомства. Все это, заметим, до поры до времени делается анонимно.

Не является ли рациональный выбор брачного партнера все тем же браком по расчету, который мы отвергаем? Уточним: наше осуждение направлено не против расчета вообще, а против расчета буржуазно-мещанского, выражающего собой морально нечистоплотную сделку. Расчет же, направленный на благо личности и общества, оправдан и должен поощряться.

При рассмотрении причин распада браков среди других причин требуют внимания конфликтные ситуации, которые возникают на сексуальной почве. Надо сказать, что эта деликатная область жизни в литературе для массового читателя освещается весьма скудно и, что заслуживает особого сожаления, нередко освещается не только с недооценкой, но и с переоценкой влияния, оказываемого ею на отношения между супругами.

Что касается первого случая (недооценка), то бывало, что при освещении функции семьи некоторые наши авторы о сексуальных отношениях супругов скромно умалчивали. В последние годы дело удалось в какой-то мере поправить, чего, как мы считаем, нельзя пока сказать о втором случае (переоценка). Тот, кому в свое время довелось ознакомиться с книгой В. Владиславского о проблемах продолжительности человеческой жизни (в целом интересной и полезной книгой), возможно, обратит внимание на одно, мы сказали бы, сенсационное заключение автора. На основе обобщенных им фактов он пришел к выводу, что от трети до половины всех разводов происходит в стране из-за сексуальной неудовлетворенности. И пусть, добавляет он, рядится эта причина во всевозможные одежды, пусть прикрывается она пресловутой формулой «не сошлись характерами» — факт остается фактом (Владиславский В. Сколько жить тебе, человек? Минск, 1981, с. 51).

Что действительно верно, это масса писем, которые получают медики с просьбами помочь в беде, возникшей на сексуальной почве. Но верно и то, что очень многим супругам такая помощь оказывается, и люди обретают счастье, в возможности которого было разуверились. Мы хотим этим подчеркнуть, что ныне довольно широко предотвращаются разводы по причине так называемой сексуальной несовместимости. Поэтому вывод о распаде по названной причине чуть ли не половины супружеских

союзов не выглядит убедительным. И что тут, подчеркнем, наиболее существенно — это невольное преувеличение значимости биологического компонента в супружестве в ущерб компоненту социальному, что не согласуется с нашей общей теоретической позицией по данной проблеме.

Сказанное совсем не имеет своей целью ослабить интерес к интимной стороне супружеской жизни. Здесь, как и во всем остальном в супружестве, должна быть гармония.

Но возникает вопрос: если супруги еще до заключения брака знали бы друг друга с интимной стороны, не помогло ли бы это предотвратить неудачные союзы? На этот тонкий вопрос наиболее убедительно отвечает сама жизнь. В ГДР, к примеру, существует институт помолвки, естественно предполагающий физическую близость между женихом и невестой. Единственное, что для них в эту пору находится под запретом, — это обзаводиться детьми. Если «характерами сошлись», то при условии, что все другие данные устраивают жениха и невесту, оформляется брак. А если нет — молодые люди расстаются. В результате меньше разводов, меньше неполных семей.

Не следует ли, опираясь на зарубежный опыт, возродить у нас в стране обычай помолвки, с годами как-то угасший сам по себе? Крупнейший советский исследователь проблем семьи профессор А. Г. Харчев говорил о целесообразности такого шага еще в шестидесятые годы (см.: Харчев А. Г. Быт, семья, досуг. М., 1969, с. 21). Реализацию этого предложения он оговорил условием: на здоровой моральной основе. Добавим от себя: и при подлинном чувстве взаимной любви.

Как сказано в популярной песенке, не могут короли жениться по любви. «Не короли», однако, могут и должны вступать в брак только по велению сердца.

Заметим, что такую постановку вопроса некоторые исследователи семьи считают заблуждением или даже утопией. Например, ленинградский социолог С. И. Голод в обстоятельной и интересной книге «Стабильность семьи. Социологический и демографический аспекты» (Ленинград, 1984) утверждает, что в научной литературе, как ни странно, утвердился стереотип, идеализирующий массовую распространенность брака по любви. Некоторые авторы монографий и статей, пишет он, выдают субъективно желаемое за реальность.

И ученый не голословен. Он подтверждает свой вывод данными социологического обследования, проведенного с его личным участием. Это обследование показало, что любовь как мотив вступления в брак признается 39,1 процента мужчин и 49,6 процента женщин (Голод С. И. Упом. соч., с. 26). То есть менее чем половиной опрошенных. Только и всего!

Убедительно? Даже очень. И тем не менее вывод о ложности представления о любви как основном мотиве вступления в брак, на наш взгляд, излишне категоричен. Потому что вначале стоило бы уточнить, какой смысл вкладывается в понятие любви. Далеко не для всех этот смысл одинаков.

Возможность неодинакового истолкования понятия связана в данном случае с тем, что гамма чувств, обобщаемых словом «любовь», необычайно широка. Вот почему существует множество вариантов понятия любви. И вот почему практически невозможно выделить среди них наиболее приемлемый.

Мы не разделяем пессимизм некоторых исследователей, которые склонны видеть безнадежность поиска для понятия любви формулировки наиболее подходящей. Если речь идет об индивидуальности, неповторимости любовного переживания, то тут, мы согласны, компетентно лишь искусство, лишь оно способно представить его во всей полноте. Но наряду с индивидуальным, на языке философии — единичным, есть общее. Оно, это общее, — хлеб науки. Пусть сегодня и не имеется вполне научного определения любви, завтра оно может появиться. Ибо в принципе непознаваемых вещей, явлений, как мы знаем, нет, есть пока еще не познанные.

Не претендуя на открытие, можно все же, как думается, предложить определенный подход к проблеме. На наш взгляд, при формировании научного понятия любви следовало бы в сложнейшем сооружении, именуемом любовью, выделить определенные уровни в зависимости от «насыщенности» чувства — это подсказано уже самим фактом существования в любовном переживании превеликого множества оттенков. И в этом случае почему бы не обозначить уровни в любви, скажем, так: 1) любовь-страсть и 2) любовь-привязанность.

О первой из названных разновидностей любви наговорено, написано, напето, наснято необычайно много. Пламенная, безумная, испепеляющая, одна на всю жизнь — как только не называют ее в мире искусств.

Вторая разновидность удостоена внимания гораздо меньшего. В итоге, когда речь заходит о любви, подразумевают, как правило, любовь-страсть. И именно так, надо полагать, истолковали любовь отвечавшие на вопрос о мотивах вступления в брак во время обследования, на которое ссылался С. И. Голод. Ситуация, как видим, проясняется.

Еще большую ясность в сложный вопрос вносят результаты другого социологического обследования. Опросив 15 тысяч мужчин и женщин — молодых кандидатов в мужья и жены, социологи установили, что треть из числа опрошенных считает любовь выдумкой поэтов. Иначе говоря, выявлено пять тысяч ниспровергателей любви лишь среди тех, кого смогли опросить социологи, и, следовательно, подобных ответов могло бы быть гораздо больше. Но что все-таки в этом обследовании выявилось как самое существенное? Оказывается, на дополнительный вопрос, намереваются ли молодые люди, хотя любовь и «выдумка поэтов», вступить в брак, ответ почти ото всех был получен утвердительный. Логично предположить, что, если вопрос о любви был бы расчленен по «уровням», скептиков оказалось бы куда меньше.

Разумеется, выделение в любви двух уровней в значительной мере условно. Часто эти уровни накладываются друг на друга, и в результате получается что-то третье.

Какими красками ни была бы окрашена любовь, ясно, что люди ныне не заключают брак без определенных чувств друг к другу. Ведь времена, когда девушку «выдавали» замуж, то есть устраивали ее жизнь так, как это считали нужным ее родители, или когда без особого труда осуществлялся замысел родителей о женитьбе сына на «выгодной» невесте, — эти времена у нас давно прошли. Минимальное условие для заключения брака — какие-то взаимные симпатии. Партнеров, если они не «пылают», должно по крайней мере «тянуть» друг к другу. Тут как раз и начинается то, что выше названо привязанностью. Она, заметим, по своему потенциалу вполне достаточна, чтобы скрепить супружеский союз на всю жизнь. При отсутствии привязанности (как минимального условия для супружеского союза) брак есть не более как простая сделка. И, увы, очень часто с печальным концом.

Разве не бывает так, что, например, девушка останавливает свой выбор на молодом человеке, прельщенная лишь некоторыми его внешними данными. Если и девуш-

ка при этом понравилась, быстро устраивается свадьба — к полной неожиданности и изумлению родителей молодоженов: ведь знакомство было слишком кратким. Пусть вначале все протекает хорошо и красиво: свадебное путешествие, приятное времяпрепровождение в компании друзей. Но вот увеселения закончились, и наступили будни со всеми их сложностями. Вот тут нередко и случается, что союз, заключенный без досконального знания друг друга, начинает разрушаться.

Вот взволнованное письмо молодого человека в редакцию местной газеты. Прожил с женой три с половиной года. Есть сын. И вдруг жена подала на развод. Причина: не любит мужа. Выходит, и не любила. Почему же раньше не обнаружила в себе отсутствие чувства привязанности к будущему мужу? Почему положила на беглое знакомство?

Иногда утверждают, что причиной разрушения супружеской любви стали связи одного из супругов «на стороне». В. Влдин и Д. Капустин в книге «Интимный мир семьи» (Мн., 1983) попытались даже в деталях показать, как это получается, процитировав тексты двух писем-исповедей. Авторы включили эти письма в главу под названием «К чему ведут внебрачные половые связи», что, как нам представляется, не оправдано. Конечно, краденая любовь не сахар, она, как правило, порождает глубокие переживания, вызывает стрессы, создает мрачные тупики. Но лишь в этом смысле и можно говорить о последствиях, которые имеют для супругов внебрачные половые связи. А по отношению к любви — сами они последствия. Результат легкомысленного подхода к браку, замужеству или женитьбы без серьезной проверки чувств. Это заранее не исключает ситуации, когда любовь приходит, но уже за пределами дома.

Выше говорилось, что ныне не те времена, когда можно кого-либо «выдать» замуж или «оженить». Эту деликатную проблему молодежь решает самостоятельно. И все же случается, что мужей и жен для своих детей пытаются «организовать» родители. В особенности активны по этой части бывают некоторые мамы. Они полностью берут на себя задачу подыскания для дочери подходящего жениха. Непременно с положением и пробивного. И уж во всяком случае не «простого рабочего».

«Простой рабочий». Разве для счастливого брака столь уж важна профессия? И вообще — разве профессия определяет у нас положение человека в обществе?

Это положение завоевывается добросовестным трудом. Немало значат для положения человека и его способности. Но без труда они, как известно, ничто. Вот почему по труду, как мы говорим, и честь. За образцовый труд высших почестей у нас устаиваются в равной мере академик и рабочий, государственный деятель и доярка. А если, скажем, рабочий, о котором в газетах не пишут, — что, он уж никак не может составить пару девушке «из хорошей семьи»? Наверное, всем запомнился рабочий-слесарь из кинофильма «Москва слезам не верит». Этот человек (в великолепном исполнении Алексея Баталова) подкупает всеми чертами своего характера: он и мастер на все руки (включая поварское дело), неисчерпаем в своей энергии и изобретательности, и смел, готов в любую минуту защитить человека от обидчика — короче, настоящий мужчина. За таким, говорят в народе, как за каменной стеной. И будет всю жизнь счастлива та, что выйдет за такого замуж.

В общем, пусть будет поменьше замужеств и женитьб, сотворяемых извне, хотя и близкими, любящими людьми. И тогда приумножится число семейных трагедий.

СЪЕСТЬ ПО ОРЕШКУ ИЗ КЕДРОВОЙ ШИШКИ

«Сейчас все разводятся», — это нередко можно сегодня услышать от молодых женщин, покончивших с неудачным браком. Так сказать, ничего особенного, обычные дела. Одна пара по случаю развода даже устроила прием для своих друзей. Посмотрите, мол, как красиво расстаемся. Стороны, из которых каждая уже обрела новую любовь, не имеют друг к другу никаких претензий. Дети? Им теперь будет еще лучше: у каждого по две мамы и по два отца. Скажем прямо, деланное веселье. Улыбки на поминках. Развод — это в любом случае несчастье. По меньшей мере — расплата за большую жизненную неудачу. И что уж без малейшего преувеличения — подлинное несчастье для детей.

А всегда ли развод по-настоящему оправдан? Не бывает ли он результатом бездумного накопления частичек пороха, любую из которых можно было легко обезвредить, не случается ли, что люди расходятся в конечном счете из-за пустяков? И не бывает ли тому виной отсутствие должной культуры отношений между супругами? Именно так. И об этом — наш дальнейший разговор.

У старожилов-сибиряков водятся «волшебные» кедровые шишки, которые принято дарить молодоженам: начнут ссориться, каждый съест орешек, подумает — и злость как рукой снимет. В здоровых семьях одной шишки хватит надолго — не так уж много там бывает поводов для раздоров. Но они бывают. Попробуем рассмотреть типичные.

С утверждением равноправия в семье закономерно возник вопрос о лидерстве в ней. Такого вопроса не было, пока женщина в семье экономически зависела от мужчины. Экономическая власть предопределяла подчиненность жены мужу по всем статьям — касалось ли дело интимных супружеских отношений или решения каких-то хозяйственных дел семьи. Все это осуществлялось по принципу «да убоится жена мужа своего».

Со времени, когда женщина обрела материальную самостоятельность, в традиционное главенство в семье стали вноситься закономерные коррективы. Теперь и женщины стали претендовать на лидерство. Дабы роли распределились по справедливости, нужно вникнуть в каждую из сфер семейного управления. Лишь после этого станет ясно, кому быть за штурвалом — мужу или жене.

Нередко между супругами возникают разногласия по поводу управления семейным бюджетом. Некоторые мужья крепко держат в своих руках семейный кошелек, опасаясь, как бы его содержимое не было пущено женой на ветер. Конечно, такое бывает. Но в целом можно ли отрицать, что женщины, поскольку им так или иначе приходится обстоятельнее, чем мужчинам, вникать в повседневные хозяйственные дела по дому, способны правильнее оценить, какую именно покупку надо совершить в данный момент.

Особенно важно решающее слово женщины в семье при покупке предметов одежды и украшений. Потому, во-первых, что они, будем искренни, лучше мужчин понимают, что хорошо и модно. В конце концов и костюмы мужьям, как правило, покупают жены. «Костюм для мужа» — это, можно сказать, устоявшееся понятие, и недаром один наш журнал использовал его в качестве заголовка к статье. Во-вторых, кто лучше женщины, считающей себя «ответственной» за весь уклад жизни в семье (на протяжении тысячелетий женщина была хранительницей домашнего очага, и, наверное, эта благородная миссия сохранится за ней навечно), определит

очередность и размеры затрат на одежду. Что касается украшений, то это тонкое дело тем более должно быть доверено женщине — какие добрые порывы ни проявляли бы при этом мужчины по отношению к своим женам и дочерям. Женщины лучше мужчин знают, что им «идет», — ведь с украшениями они имели дело, поди, еще во времена неандертальцев. Мужчины же часто делают подарки своим любимым неслучайно и к тому же с серьезным ущербом для семейного бюджета. Кому, если не женщине в семье, дано трезво оценить возможность и необходимость покупки, скажем, дорогого перстня для себя или золотых сережек для подрастающей дочери. Пусть решения исходят именно от женщин — тем больше шансов убедить женщин, что не в кольцах и серьгах их главное достоинство. Короче говоря, мужчине, право же, стоит полностью доверить все эти дела жене. И если когда по этой части возникает в семье размолвка, то как раз впору съест по кедровому орешку.

А чтобы пока приберечь остальные, нужно согласиться с мыслью, что в семье объектов для управления предостаточно, а потому пусть каждый из двух равноправных супругов управляет в той области семейной жизни, где он это может сделать лучше своей «половины». Вряд ли целесообразно, чтобы муж взял на себя лидерство, скажем, в домашней стирке белья — видимо, достаточно, если его участие при этом ограничится ролью подсобника. Все знают, что женщина со всеми тонкостями этой работы справится лучше, аккуратнее. Вместе с тем должна ли жена брать на себя руководство ремонтом квартиры или, например, строительством гаража? Боевые женщины и в таких делах не исключение, но нужно ли доказывать, что мужчина выполнит такую задачу лучше?

Особого разговора заслуживают ссоры между супругами, возникающие из-за нежелания мужей должным образом участвовать в повседневных (в отличие от эпизодических) «черновых» работах по дому и в воспитании детей. Еще весьма живучи представления об этой деятельности как якобы сугубо женской. Тяжесть «второго рабочего дня» женщины-матери разделяют далеко не все мужья. Статистика свидетельствует, что наши жены, матери отдают ныне домашним делам в два с половиной раза больше времени, чем отцы и мужья. Причем всегда ли мы отдаем себе отчет, какой тяжести труд выпадает на их долю? Подсчитано, что, выполняя различные поварские, снабженческие, санитарные, ремонтные и еще

бог весть какие операции, женщина ежедневно проделывает путь в 15—20 километров. Если оценить этот труд в рублях, то он, по заключению экономистов, должен оплачиваться суммой по меньшей мере в 90 рублей в месяц. Так что явно заблуждаются те, кто жену, не занятую на работе вне дома, временно или постоянно, аттестует как ничего не зарабатывающую. Она в любом случае вносит свою лепту, да еще какую весомую, в семейный бюджет. И надо ли доказывать, как несправедливо поступают те мужья, которые самоустраиваются от участия в уборке квартиры, приготовлении пищи, уходе за детьми под предлогом их большей якобы занятости, дающей им будто бы преимущественное право на отдых. И, следовательно, жены справедливо требуют от своих мужей, чтобы они часть хлопот по дому брали на себя. Даже при «неработающей» жене. И тем более, если она занята вне дома. Так должно бы оно быть всегда. Но старые традиции живучи, и многие мужчины по-прежнему не желают отягощать себя «женскими» делами.

Любопытно, что у некоторых мужчин позиция остается неизменной, несмотря на то что наш сегодняшний благоустроенный быт освободил их от многих традиционно «мужских» обязанностей по дому. Лишившись этих обязанностей и ничего не желая брать на себя из обязанностей «женских», они пытаются оправдать неувязку привычным положением «главы семьи». Ох как цепко держатся некоторые за это главенство! Е. Сермяжко, заведующий кафедрой педагогики Могилевского пединститута имени А. А. Кулешова, ярко и остроумно описал в «Советской Белоруссии» (1984, 14 июля) подобную ситуацию на примере знакомой ему семьи. В ней вот уже двадцать лет муж и отец воюет за «руководство» своими близкими, хотя участия в домашних делах, требующих его конкретного личного вклада, всячески избегает, считая это ниже своего мужского достоинства. Автор корреспонденции убедительно критикует такое поведение. В одном все же трудно с ним согласиться, а именно с его мнением, что при условии взятия на себя груза домашних забот мужчина может и должен быть главой семьи. Из семей, пишет он, где полновластной хозяйкой является женщина-мать, как правило, выходят «трудные» подростки, «трудные» девушки — они тоже, главным образом, из этих семей. Нам думается, что эти и другие беды своим подлинным источником имеют не «женское главенство», а мужское тунеядство в домаш-

нем быту, прикрытое «правом на власть». Что же касается лидерства как такового, то эту проблему, можно сказать, сняла сама жизнь, и ныне в хороших семьях каждый из ее членов лидирует в той области, где он наиболее компетентен и, следовательно, способен приносить наибольшую пользу семье.

А бывает и так, что вопрос об этом самом лидерстве не возникает вообще. Каждый в семье выполняет ту работу, которая в данный момент необходима. Нам, к примеру, известна семья, где муж и отец заменит, если нужно, водопроводный кран, настроит пианино и, если нужно, сварит обед. Дочь, если в том возникнет нужда, починит утюг. Жена и мать — она также мастер на все руки. Короче, в этой семье нет строгого распределения обязанностей — все строится на сознательности и инициативе. Какие прекрасные отношения между людьми, которые мы называем коммунистическими! Также в другой известной нам семье нет, как там выражаются, «никаких распределений». В таких семьях выигрывают все, потому что становится теплее домашний климат. А женщина, жена и мать, — что уж там говорить — ощущает с особой силой его благотворное влияние. Знали бы мужья, говорится в письме, которое прислала в редакцию одного из журналов жительница Новокузнецка Л. Сбоева, как приятно жене, придя с работы, увидеть, что ужин приготовлен и даже стол накрыт. Сразу захочется сделать что-то для мужа, и готова, кажется, горы перевернуть.

Но бывает и другое. Бывает, увидят друзья-приятели, как мужчина помогает жене, и примутся его высмеивать: вот-де «бабскими» делами занимается. В семьях таких «приятелей», мы уверены, постоянно раздоры. Их бы не было, если все мужья в свое время получили бы надлежащее воспитание, причем начиная с детских лет. В школе в лучшем случае приучат ребят мыть полы в коридорах и классах. А домоводство, как правило, проходит мимо них. И вырастают мужчины, беспомощные в домашних делах, даже о себе лично позаботиться не могут — пуговицу ли к костюму пришить или выстирать сорочку.

Особую важность приобретает обучение мужчин искусству ухода за детьми, тому, что выражено емким словом «отцовство». Это слово, надо сказать, не очень у нас в ходу. Не то что «материнство». Опять-таки дань одной из традиций прошлого, когда считалось, что заниматься

детьми — дело женское. Оно может и должно быть делом в одинаковой мере как мужским, так и женским, этому надо учить и учиться.

Хороший пример такой учебы дает стране Днепропетровск. В 1980 году решением исполкома городского Совета здесь в районах города были созданы на общественных началах советы по вопросам семьи и брака. В их состав были включены ответственные работники государственных органов, представители партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. При горисполкоме совет возглавляет заместитель председателя, при райсоветах — секретари исполкомов. В советах имеется ряд секций. Задача одной из них — пропаганда престижности брака, семьи, материнства и отцовства. В городе регулярно проводят занятия с многочисленными слушателями восемь народных университетов охраны материнства и детства. Около четырехсот студентов вузов Днепропетровска посещают межвузовский народный университет по проблемам семьи и брака. Функционирует специальная служба — телефон доверия. В стрессовых ситуациях она эффективно помогает людям обрести душевное равновесие. Особое внимание обращают на себя школы отцовства, которые успешно работают при женских консультациях. Будущие отцы охотно идут сюда на занятия, которые вооружают их знаниями и навыками по уходу за младенцем. Здесь же проводятся беседы по проблемам поведения мужчины в семье. Показательно, что в результате всей этой работы, проводившейся в Днепропетровске, количество разводов по городу стало уменьшаться.

Думается, что наряду со школами отцовства неплохо было бы повсеместно иметь «школы жен». Из-за упущений в семейном воспитании молодые жены нередко оказываются беспомощными при необходимости наладить самостоятельное домашнее хозяйство. Плохо, когда кулинарные навыки молодой жены исчерпываются умением приготовить яичницу, еще хуже, когда не знает, с чего начать уборку квартиры, и уже совсем худо, если не будет знать, с какой стороны подойти к своему новорожденному ребенку. Хорошая хозяйка — это всегда высоко ценилось и ценится в семейной жизни, а от плохой не избежать ущерба отношениям между супругами.

Распространенной причиной размолвок в семье является склонность одного из супругов к надуманным и потому несправедливым обобщениям. Стоит одному слегка

в чем-то ошибиться, как другой уже обобщает, выдавая неудачу за проявление некой закономерности, особенностей характера. Каждый по себе знает, насколько такие заявления способны ранить душу. Как перебороть в себе эту явно вредную склонность? Вот как: съесть кедровый орешек и затем спокойно поразмыслить над своим умением отделять главное от второстепенного, а выражаясь проще, не «делать из мухи слона».

Нередко между супругами возникают размолвки, связанные с проведением досуга. Известно, что вкусы, наклонности супругов не всегда лишены определенных различий и потому запросы при использовании свободного времени могут вызвать натянутость в отношениях. Чтобы этого избежать, требуется терпимое, а то и уважительное отношение к увлечениям другой стороны. Скажем, для мужа равнозначно жизненной трагедии пропустить футбольное состязание знаменитостей на городском стадионе, жена же готова в лучшем случае посмотреть несколько эпизодов этой игры по телевизору, а в общем выдавший свободный час посвятить чтению хорошей книги. Или, скажем, жена, увлекающаяся плаванием, хочет пойти в бассейн, а муж, любитель велоспорта, желает совершить велосипедную прогулку. Коль скоро увлечения не совпадают, нет надобности искусственно подстраиваться друг к другу, пусть каждый использует частичку своего свободного времени соответственно своему хобби.

Есть, однако, увлечения, реализация которых во избежание осложнений посерьезнее требует доброго согласия другой стороны. Например, у мужа давнишнее пристрастие к рыбалке. Жена же к этому увлечению равнодушна. Как быть? По крайней мере, не подаваться «на промысел», если на это не получено искреннее согласие жены. Видимо, ее можно вдохновить воображаемой горкой живого, трепещущего «серебра». Но пытаться задобрить жену таким способом можно лишь до момента, когда живой рыбе горки дома не оказалось.

Непростой бывает в семье проблема использования очередного отпуска. Поводом для разлада здесь может служить предполагаемое проведение отпуска вместе или врозь. Относительно правильности того или другого существуют неодинаковые мнения. Потому что, как и во многих других делах, каждый из двух вариантов отдыха супругов имеет свои положительные и отрицательные стороны. И все же, на наш взгляд, положительное перевешивает в первом варианте. Потому что в этих усло-

виях, свободных от будничных хлопот, возможно наиболее полно почувствовать полноту счастья супружества, все блага взаимной привязанности.

Совместный отдых становится еще более значимым для укрепления супружеских отношений, когда рядом с родителями на отдыхе находятся их дети. В СССР в 1972 году было для этого выделено несколько десятков домов отдыха и пансионатов с 25 тысячами мест для семейного отдыха. Ныне учреждений отдыха родителей с детьми имеется в нашей стране свыше 350 с числом мест более 150 тысяч. Комплексной программой развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы, одобренной Политбюро ЦК КПСС, предусмотрено при строительстве и реконструкции оздоровительных учреждений учитывать возрастающую потребность в отдыхе родителей с детьми.

Но, быть может, дети мешают родителям отдыхать, навязывают им свои желания? Ничего подобного. В таких учреждениях дети имеют все необходимое, чтобы обеспечить себе относительную самостоятельность: игровые комнаты, читальные залы, спортивные площадки, плавательные бассейны, а в зимнее время также катки, лыжные трассы, ледяные горки.

Так что было бы большим упущением со стороны родителей не воспользоваться новой формой отдыха. Благотворной не только для детей, их воспитания, но и для самих супругов, поскольку любовь к детям (в этих благоприятных условиях проявляемая наиболее полно) скрепляет, по мысли великого Гёте, супружескую любовь.

Раздоры между мужем и женой нередко возникают из-за того, что многие современные женщины, как свидетельствуют социологи и психологи, стремятся быть похожими на мужчин. Ладно еще, когда девушки, молодые женщины носят ту же одежду и ту же обувь, что и мужчины, — джинсы, кроссовки. Пусть носят, коль это практично и нравится. Но плохо, когда в подражание некоторым мужчинам женщины начинают употреблять не совсем изящную речь и, что хуже всего, усваивают вредные мужские привычки, например, курение, которое довольно широко распространилось среди женской молодежи. Мало того, что никотин крайне опасен для организма женщины и в особенности для ее будущего потомства, этот яд к тому же в глазах многих мужчин, их (курящих молодых особ) потенциальных или уже состоявшихся мужей, может поколебать представление

о женственности своих избранниц. Это представление размывается еще сильнее, когда женщина начинает проявлять властность, резкость в отношениях с домашними. Помимо того, что такой стандарт поведения в семье отнюдь не красит и мужчину, женщинам, видимо, стоило бы вообще отрешиться от желания абсолютно во всем уравнивать себя с мужчинами. Равные права на работе и в быту — это бесспорно. Но пусть женщины всегда будут женственны, а не мужеподобны. В свое время очень тонко выразил это пожелание Карл Маркс, написав в шуточной анкете, с которой к нему обратились дочери, что достоинство, больше всего ценимое им в мужчине, — это сила, а в женщине — слабость. Говоря о слабости, как черте женского характера, он подразумевал женственность, доброту, приветливость, нежность. Словом, если вышла в семье ссора из-за того, что жена одержима желанием верховодить, демонстрировать свою принципиальность там, где это вовсе не требуется, нужно съесть по кедровому орешку и вспомнить мудрые слова о достоинствах, выше всего ценимых в женщинах и мужчинах.

Съесть по орешку надо и в том случае, когда муж и жена не проявили разумной уступчивости друг другу. Как показало специальное обследование, проведенное сотрудниками Центра МГУ по изучению проблем народонаселения (этим обследованием было охвачено свыше 1000 замужних женщин в восьми районах Москвы), женщин, уступающих мужьям «очень часто», оказалось среди опрошенных 9,6 процента; уступающих «часто» — 47,6; «редко» — 19,6; «очень редко» — 7,3 процента. Остальные ответили, что затрудняются оценить свои действия. Обращает на себя внимание следующее: в целом уступают своим мужьям около половины опрошенных женщин. А другая половина, выходит, предпочитает «сражаться».

Между тем взаимная уступчивость — одно из важнейших условий супружеского долголетия. Вот, например, что установили ленинградские психологи, опросившие 100 супружеских пар, которые отметили свой серебряный юбилей. На вопрос, что больше всего цементирует взаимоотношения между супругами, три четверти отвечавших указали, что этим цементом в их совместной жизни является, наряду с готовностью прийти на помощь друг другу, быстрая отходчивость. А вот такие качества, как практицизм, экономность в расходовании средств, то есть качества, которые, казалось бы, очень высоко

ценятся в семейной жизни, оказались у подавляющего числа отвечающих на самом последнем месте.

Отходчивость, уступчивость — эти свойства характера не появляются как дар небес, они вырабатываются в процессе длительного «притирания» совместно проживающих людей. Если такое адаптирование не происходит, супружеский союз становится ненадежным.

Народная мудрость точно и образно представила путь к супружескому долголетию. На этом пути немало препон, и нужно их умело обходить. От года к году препятствий к супружескому долголетию будет у мудрых путников становиться все меньше, но супруги должны всегда знать о них и быть настороже. А для ориентировки предусмотрены вехи с обозначением первой и далее различных по срокам годовщин свадьбы. Первую годовщину брака нарекли свадьбой ситцевой. Это было во времена, когда ситец был тканью самой дешевой. «Ситцевый» стаж супругов — это лишь самое начало пути, ему цена пока еще невелика. Пятилетие супружеской жизни стали называть деревянной свадьбой. Дерево в наше время в цене, но в пору, когда складывались все эти названия, дерево было сравнительно дешево и доступно. В общем, супруги должны не очень уж хвастать, что прожили вместе «целых пять лет», — неизвестно, что еще впереди. Семь лет совместной жизни получили название свадьбы медной. Медь — это дороже дерева, довольно красивый и прочный металл. Семилетие в супружестве — это уже кое-что. Но до «золота» еще далеко. Десятилетие супружеской жизни именуют розовой свадьбой. Розовым цветом, которым обычно выражают оптимистические настроения, как бы подчеркнута вера в прочность данного супружеского союза. Пятнадцатую годовщину супружеской жизни в народе именуют стеклянной свадьбой, а двадцатую — фарфоровой. В этой своей фазе брачный союз нередко дает трещины. Вот о чем свидетельствует статистика: в среднем десять из ста разведенных пар — это супруги, прожившие вместе двадцать и более лет (Народонаселение стран мира. М., 1984, с. 106). Главная причина, возможно, в том, что с годами усугубляются отрицательные черты характера, которые супруги в свое время изживать не стали. В эти годы союз надо беречь особо — именно потому, что он хрупок. А удалось супругам благополучно подойти к двадцатипятилетию свадьбы — ожидает серебро, к тридцатилетию — жемчуг, сорокалетию — рубин. И вот, нако-

нец, заветное золото — наступила пятидесятая годовщина совместной жизни. Но еще в запасе платиновая и бриллиантовая свадьбы, венчающие шестидесятилетие и семидесятипятилетие супружеской жизни. Таковы награды, ценою, как видим, с каждым разом все выше, награды за разумное поведение, за покладистость в отношениях.

Мы говорили об уступчивости, отходчивости. Есть, однако, одна такая позиция в отношениях между супругами, где, наоборот, оправдана неуступчивость. Имеется в виду борьба жены против систематических выпивок мужа. Насколько эти выпивки отравляют жизнь семей, показывает, например, опрос 275 минских девятиклассников, который провел отдел проблем советской семьи Научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белгосуниверситета. Выявилось, что значительное число отцов потребляет спиртное даже по нескольку раз в неделю. В результате в 18 процентах семей — ссоры, скандалы. (Советская Белоруссия, 1984, 10 февр.). Вот как раз в таких случаях жене, матери следует проявлять твердость и бескомпромиссность.

Часто женщинам приходится горько сожалеть, что такой твердости им не хватило. Об этом, например, говорилось в опубликованном в «Правде» (1984, 2 февр.) письме одной жительницы города Кирова. Она писала, что более не согласна на «мирное сосуществование» с мужем-пьяницей. Двадцать четыре года она жила в обстановке уступок ему. Сейчас, когда дочь уже студентка, а здоровье вконец расшатано, она думает все чаще и чаще: а стоило ли терпеть? В молодости хватало сил раздеть пьяного мужа, уложить его в постель. Скрепя сердце мирилась и с тем, что и заработок его, как правило, не поступал семье: бывало, за год отдаст два аванса и две полочки. Пыталась подвергнуть его принудительному лечению от алкоголизма, но оказалось не так просто отправить мужа в лечебно-трудовой профилакторий. На улице пьяного сразу заберут куда надо, но редко когда пытаются образумить пьяницу дома. Он дебоширит, крушит мебель, несет нецензурщину, избивает своих близких. Где же выход? Развод? Но за спиной двадцать четыре года совместной, пусть и тяжелой, жизни. Вот и остается одно — умыться утром слезами и идти на работу.

Из поведенной грустной истории следует, что самого резкого осуждения заслуживают попытки некоторых

женщин задобрить мужей поощрением выпивок. Пусть они, мужья, иногда и становятся при этом общительнее, добрее. Уступки рано или поздно приведут к печальному концу. Ведь хронический алкоголик, если он не был подвергнут основательному лечению, потерянный человек — как для общества, так и для семьи. Рабочий, выпивший сто граммов водки («для поддержания здоровья», как он убеждает и себя, и окружающих), работает заметно хуже, чем до выпивки: установлено, что производительность труда снижается при этом примерно на 20 процентов. Да и в дни, когда он трезв, толку от него немного: то сердце «пошаливает» (среди систематически выпивающих заболевания сердечно-сосудистой системы встречаются в 22 раза чаще, чем среди непьющих), то от кашля житья нет (пьяницы страдают от болезней органов дыхания в 4 раза чаще), то постоянно с желудком не ладится (заболевания органов пищеварения встречаются у пьяниц в 18 раз чаще, чем у трезвенников).

А дома, в семье — какой из пьяницы отец и муж? Детей постоянно держит в страхе. Вечные скандалы с женой. Оставалась бы по крайней мере та ниточка, которая еще как-то способна удерживать супругов друг возле друга. Но и та чаще всего обрывается. Пьяница, как правило, «не мужчина». Согласно медицинским данным, у 43 процентов обследованных алкоголиков было установлено ослабление половой потенции. И что наиболее печально, около половины от общего числа неполноценных детей — это дети алкоголиков. И еще такая деталь: будучи не способны к нормальной супружеской жизни и не зная покоя от мысли, что такой аномалии нет у их жен, алкоголики склонны обвинять своих жен в измене.

Мы не хотим сказать, что развод с пьяницами абсолютно неизбежен. Разумные жены делают все возможное и невозможное, чтобы вылечить отца своих детей от пагубной болезни. Но делать это надо без послаблений и уступок.

Случаются размолвки в семье, которые возникают на сексуальной почве, точнее говоря, по причине сексуальной неприспособленности то ли одного, то ли обоих супругов. Нередки случаи, когда молодая женщина корит мужа за неудачу во время близости с ней. А ей, как учат сексологи, следовало бы твердо знать по крайней мере две вещи, а именно, что эпизодическая импотенция или не ко времени пришедшаяся повышенная половая активность, равноценная тому же бессилию, — явления, отнюдь не из ряда вон

выходящие, а, можно сказать, закономерные при экстремальном состоянии нервной системы мужчины (вызванном, скажем, необычайно высоким накалом чувств по отношению к любимой) и что, во-вторых, коря своего избранника за неудачу, она затрагивает самую тонкую струну его мужского самолюбия и, сама того не подозревая, вносит этим наибольшую лепту в приобретение супруга уже не с эпизодической, а с хронической, непреходящей импотенцией, что создает напряжение в супружеской жизни, нередко чреватое разводом.

Еще чаще нетактичность при интимной близости проявляется со стороны мужчин. Наиболее распространенная форма мужского неумелого поведения в этом тонком жизненном деле — пренебрежение душевным и физическим состоянием женщины, нежелание учитывать ее неготовность к близости в данный момент. Особенно это характерно для молодых мужей. Как отмечает известный советский сексолог, ленинградский профессор А. М. Свядощ, молодой муж иногда полагает, что его жена должна относиться к интимной жизни точно так же, как и он сам: раз они любят друг друга, то и в этом должно ведь быть полное совпадение. Однако, преданно любя своего избранника, молодая женщина чаще всего не испытывает сильного полового влечения, ей больше необходимы нежность, внимание, она дорожит горячим признанием, ласковым словом. И если молодому мужу после свадьбы кажется, что слова уже излишни, что все уже сказано, если он спешит приблизить то, что считает финалом любви, если становится грубым в своей настойчивости, он наносит ей не только психическую, а, бывает, даже физическую травму.

Размолвок бывает в жизни супругов, увы, превеликое множество. И вот при таких ссорах — нам хочется это подчеркнуть — больше ответственности возлагается на мужчину. Есть такие слова: женщина права уже тем, что она женщина. Хорошо сказано. Именно она, женщина, непосредственно обеспечивает непрерывность человеческого существования, давая жизнь новым поколениям людей. Именно она несет на себе основную тяжесть воспитания детей и организации семейного быта. По одной уж этой причине женщине должно многое прощаться. Но главное — все та же женская «слабость». С учетом этого свойства женской души мужчине в самый раз действовать по-мужски, быть рыцарем. Мужчина может и должен по-своему опекать женщину, с которой связал

свою жизнь, и тогда не будет возникать лишних поводов для ссор и тем более для разводов.

В пятидесятые годы устами одной из героинь литературного произведения была пущена в оборот фраза: «Жена — это профессия». В равной степени это справедливое заключение относится к мужьям. У профессии жены и мужа необычайно много сторон, множество разных умений. Этим умениям нужно учиться, нужно ими овладевать.

НАДО ЛИ СТРАХОВАТЬ ТЕЩУ?

Когда на деловом совещании в одной организации зашел однажды разговор о социальном страховании, один из присутствовавших в шутку объявил, что застраховал свою тещу. «А теперь ждешь и не дождешься, чтобы получить за нее страховку», — в тон заметил другой. Бедные тещи! Сколько шуток и анекдотов направлено в их адрес. А свекровей остроты как-то миновали, хотя жалоб на них вроде бы не меньше. Дело тут нехитрое: сочинять анекдоты — это, можно сказать, привилегия мужчин. Поэтому жертвами стали тещи, а не их собственные мамы. А выступали бы в роли авторов острот, сочинителей анекдотов женщины, наверняка досталось бы «на орехи» свекровям.

О родителях супругов мы ведем разговор в связи с разводами, и для этого имеется определенное основание. Дело в том, что к распаду семей, которые созданы их детьми, они, родители, часто имеют весьма близкое отношение. Типичны случаи, когда мать внушает одному из супругов, что они «не пара», что будто бы совершена ошибка, которую теперь, пока еще не поздно, нужно исправить, а что касается детей, то «уж как-нибудь». Такое вмешательство родителей в семейную жизнь своих детей — явление довольно распространенное.

Однако бывает и другое, когда родители являются добрыми помощниками и мудрыми советчиками для молодой семьи. Вот почему нельзя полностью согласиться с бытующим мнением, что молодые должны жить отдельно от родителей. Мы предпочли бы высказываться менее категорично и разрешили бы проблему так: пусть живут вместе все те, кому это нравится, кто считает, что так лучше для обеих сторон.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 года, немногим более 13 процентов супружеских пар жили с

семьями родителей или другими родственниками супругов, подавляющее большинство, следовательно, жило отдельно от них. Вроде бы подтверждается документально, что сторонников совместного проживания намного меньше, чем противников. На деле же приведенные данные не дают точного представления о позиции молодых супругов и их родителей по рассматриваемому вопросу. Ведь проживание отдельно от родителей может быть и вынужденным. Например, из-за того, что не нашлось пока подходящей квартиры для соединения семей. Равно как вынужденным может быть и совместное проживание с родителями. Например, из-за невозможности пока по-другому решить проблему присмотра за ребенком. Что, тем не менее, ясно — это преимущественная ориентация молодых семей на раздельное проживание.

Спросим себя: не есть ли это в известной мере следование мнению не своему, а чужому? Людям нередко свойственно стремление делать «как все». Раздельное проживание стало признаком хорошего тона в поведении молодых супругов, а совместное — свидетельством «отсталости». Между тем перед нами не благо, с одной стороны, и зло — с другой, а социальное явление, которое содержит в себе одновременно то и другое.

Конечно же, самостоятельное ведение домашнего хозяйства молодыми супругами, вне опеки родителей, — прекрасная школа жизни. Молодые супруги познают цену трудовым деньгам, приучают себя относиться одинаково ответственно ко всем домашним делам. В то же время не слишком ли велики бывают издержки такой самостоятельности? Мы имеем в виду, главным образом, издержки не материальные, хотя и это важно: совместное проживание более экономично по затратам на коммунальные услуги и на питание. Наиболее ощутимый ущерб — в другом. Для молодых супругов он выражен тем, что они при раздельном проживании лишают себя возможности в полной мере пользоваться жизненным опытом старших из числа самых близких им людей. Но, пожалуй, еще важнее то, что при раздельном проживании порою ослабевают эмоциональные контакты между родителями и их детьми и внуками. И что наиболее существенно — сводится на нет фактор воспитания ребенка, именуемый «бабушка в семье». В свое время обстоятельно рассмотрел эту проблему профессор Б. Ц. Урланис.

Надо сказать, что крупнейший представитель современной советской демографии Б. Ц. Урланис (1906—

1981 гг.) обладал счастливой способностью раскрывать перед общественностью важные проблемы нашей жизни там, где все по привычке казалось естественным, нормальным. Достаточно вспомнить его статью «Берегите мужчин!», опубликованную в «Литературной газете» в 1968 году. Вначале те, кому не довелось ознакомиться с самим текстом статьи, а судили о ней лишь по заголовку, отнеслись к выступлению ученого с недоумением или вообще отрицательно: как так, почему надо беречь мужчин, сильный пол, а не женщин, которые прежде всего и нуждаются в защите, внимании? Факты, приведенные в статье, послужили убедительным ответом на этот вопрос. Как показал ученый, в возрасте 15—19 лет юношей умирает вдвое больше, чем девушек этих же лет. С возрастом различие в уровнях смертности увеличивается, и у мужчин 25—29 лет уровень смертности в 2,5 раза выше, чем у их ровесниц. Дело здесь не столько в том, что женский организм от природы более жизнестоек, чем мужской, главное — в меньшем внимании, которое уделяется здоровью мужчин в сравнении с женщинами. Одно из доказательств: повсюду у нас имеются женские консультации, но почему-то нет консультаций для мужчин. Они бы выполняли важные профилактические функции, эффективно способствовали бы преодолению вредных бытовых привычек, распространяемых главным образом среди мужчин (см.: Урланис Б. Ц. Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976, с. 29—30). Статья вызвала широкий резонанс, породила горячие дискуссии и стала, можно сказать, легендой.

Не оставила читателей равнодушными и статья Б. Ц. Урланиса о роли бабушки в семье, также впервые напечатанная в «Литературной газете». В ее редакцию хлынул поток писем. Значит, проблема была поднята злободневная. Речь идет о возможности наиболее полного удовлетворения потребностей, интересов двух поколений. Если у молодой пары имеется потребность в заимствовании опыта старших, то у старших есть потребность в общении с молодыми и, в особенности, с внуками. Пожилые и старые люди, от которых основательно отделились молодые семьи, оказываются как бы обобранными в очень тонкой сфере человеческих отношений.

Вместе с тем могут ли современные бабушки полностью взять на себя заботу о внуках? И, кроме того, вести все другие дела большой, состоящей из трех поколений, семьи, как этого хотелось бы некоторым дочерям и не-

весткам? Ведь бабушками часто становятся совсем не старые женщины, которые, естественно, хотят жить полной, не ограниченной рамками своего нового положения, жизнью.

Где же выход? Решение проблемы — в добросовестном выполнении долга перед семьей представителями всех, именно всех поколений. Молодые не должны перекладывать на старших весь груз домашних дел. И дети — также они должны вносить свой посильный вклад в ведение общего домашнего хозяйства, то есть каждый член большой семьи добросовестно делает то, что требуется и что он в состоянии делать. Надо ли говорить, что это — одно из ярких проявлений тех отношений между людьми, к которым мы стремимся как к идеалу. С первичной ячейки общества, какой является семья, подобные взаимоотношения, мы знаем, распространяются и будут все шире распространяться на общество в целом.

СЕМЬЯ И ЕЕ ВТОРОЙ ДОМ

Комплекс факторов, которые эффективно способствуют укреплению семьи, в последнее время пополнился еще одним. Это садово-огороднические товарищества, где горожане трудятся на земле и отдыхают в тесном общении с природой.

Земельный участок с его сооружениями для жилья и хозяйствования, этот второй дом семьи, как его стали называть, — место, где дела хватят всем, где работа и работа: вскопать, посеять, прополоть, подкормить, полить, с колорадским вредителем расправиться. Мы не говорим уже о «доводке» садового домика — этого хватит для нескольких поколений. И вот все трудятся без усталости, самозабвенно. Какое уж там праздное времяпрепровождение! Например, для компаний «на троих» или азартных игр. Крепче становятся семьи. Они спаяны совместным трудом, едиными интересами.

Немаловажна и другая сторона социального эффекта от «садово-огородного движения», также связанная с семьей. Она выражена теми дополнительными воздействиями на личность, которые исходят от добавления к нашему городскому образу жизни некоторых характерных черт жизни сельской, благодаря чему появилась счастливая возможность оптимально разрешить проблему внепроизводственного человеческого общения.

Известно, что расселение по принципу «квартира — на

одну семью», будучи одним из величайших социальных благ, вместе с тем нанесло ущерб межличностному общению за пределами семьи в свободное от работы время. Мы, бывает, не знаем совершенно ничего даже о тех, кто живет у нас за стенкой в одном с нами подъезде. В садово-огородническом кооперативе семьи, сохраняя великие преимущества автономного расселения, в то же время невольно оказываются и на виду друг у друга. Не надо пояснять, как много это значит для воспитания трудолюбия, честности, товарищества и как эффективно складывающееся здесь общественное мнение может способствовать изжитию негативных явлений в жизни семей данного коллектива.

Рассматривая задачу укрепления семьи как одну из важнейших в нашей социальной политике, КПСС разрабатывает и осуществляет практические меры по упрочению основ этого малого сообщества. Широкая поддержка массовому развитию коллективного садоводства и огородничества рабочих и служащих — одна из таких мер. О внимании, которое уделяется новому социальному формированию со стороны руководящих партийных органов, свидетельствует то, что проблемы садово-огороднических товариществ дважды в 1985 году явились предметом рассмотрения и принятия решений на заседаниях Политбюро ЦК КПСС.

Таковы, следовательно, некоторые факты и суждения, позволяющие составить более или менее полную картину нынешнего состояния института семьи. Остается еще особо сказать о месте и роли, которые в проблематике семьи отводятся двумя противоположными идеологиями явление под названием «свободная любовь».

2. БЕСКРЫЛАЯ СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ

На первый взгляд определение «свободная» кажется для любви излишним. Любовь основана только на свободном выборе, она не может возникнуть под давлением преднамеренно созданных обстоятельств или по чьему-то прямому приказу. А «бескрылая» любовь — это вроде бы вообще нелепость. Ибо любовь всегда возвышенна, вдохновенна, крылата. Тем не менее есть основание согласиться с существованием и бескрылой свободной любви.

Опыт истории показывает, что, когда по тем или иным

причинам в обществе для определенных социальных слоев снижается накал духовной жизни, меркнут идеалы и радужные надежды сменяются тягостными разочарованиями, рождается особый интерес к проблемам пола и тайнства интимных отношений людей начинают рассматриваться как бы через увеличительное стекло. Так оно было в древности, на закате рабовладельческого строя. Подобное же не раз происходило в новейшее время. Например, в царской России после революционных выступлений 1905—1907 годов, жестоко подавленных самодержавием, умами отдельных групп интеллигентов завладели литературные произведения, в которых смаковались детали половой жизни, откровенно воспевалась похоть как якобы высшее выражение свободы личности. Самодержавию эти вульгарные книжонки были на руку: они отвлекали людей от политической активности, революционной борьбы. «Свободная» любовь как противоположность подлинной человеческой любви, крылатой, одухотворенной, любовь, сведенная к слепой животной страсти, возникла, таким образом, в определенных общественных условиях. Она явилась объективным выражением интересов реакционных сил.

Такую же роль «свободная любовь» выполняет ныне в буржуазном обществе, переживающем глубокий и всесторонний кризис. Неспособные вооружить массы конструктивными общественными идеями, духовные прислужники буржуазии стремятся переключить внимание людей, и в особенности молодежи, с социальных проблем (с такой острой, например, как безработица) на биологические проблемы пола, с социальной революции на «сексуальную революцию». Для этого, в частности, поставлен на поток выпуск порнографической (от греч. порнос — развратник + графо — пишу) продукции. Достаточно сказать, что ныне в США насчитывается более двухсот журналов, печатающих непристойные фотографии. В 1977 году в этой стране полицией было изъято 15 тысяч порнографических диапозитивов, предназначенных для мальчиков. В том же году в обращении находилось 4 тысячи пятнадцатиминутных кинолент, отображающих со всеми подробностями половой акт между детьми моложе десяти лет. Торговля этой «продукцией для детей» приносит бизнесменам чистый годовой доход в размере около полу-миллиарда долларов (Эксплуатация труда детей. Нью-Йорк, 1982, с. 21).

В 1976 году в Англии было распространено за год

свыше 8 миллионов копий эротических журналов. Пятую часть читателей этой литературы составили дети в возрасте до пятнадцати лет. Не дремлет и индустрия кино. В семидесятые годы демонстрировались десятки фильмов, среди которых были киноленты, воспевавшие гомосексуализм (Хис Г. Иллюзорная свобода. Интеллектуальные корни и социальные последствия «сексуальной революции». Лондон, 1978, с. 36, 37). Показателем следующего факта: в ответ на протесты общественности против этой омерзительной деятельности один консультант-психиатр стал защищать порнографические издания, заявив, что их просмотр «доставляет удовольствие миллионам людей». Комментарии, говорят в таких случаях, излишни.

Какую инерцию сумело развить в капиталистическом мире порнографическое производство, весьма наглядно демонстрирует следующий факт из будней современной Швеции. Здесь около двадцати лет назад ввели в школах курс сексуального воспитания. И вот сразу учуяли для себя выгодное дельце издатели порнографической литературы. Наряду с пособиями, плакатами по названному предмету (что делалось в соответствии с педагогически обоснованной методикой) хлынули в книжные магазины непристойные открытки. Под давлением прогрессивной общественности власти были вынуждены в срочном порядке уничтожить тиражи неприличного творчества.

Разумеется, разного рода пикантные картинки на сексуальную тему не получили бы в буржуазном обществе столь широкого распространения, если для этого не было бы определенной объективной основы. Как биологическому существу, хотя и возведенному в высшую социальную степень, человеку свойственно проявлять интерес, и немалый, к вопросам взаимоотношения полов, тех взаимоотношений, о которых не принято размышлять вслух. Поскольку у любого человека полным-полно разных забот, помимо чисто интимных, интерес к проблемам пола может оставаться в обычных человеческих рамках. Но он может быть и вытеснен за их пределы, если это кому-то выгодно. Буржуазные дельцы цинично спекулируют на естественном интересе людей к половым проблемам и всячески подогревают этот интерес, придавая ему уродливые формы. Отсюда, заметим, — массовые психические заболевания на почве секса, вставшие на Западе в один ряд с наркоманией и алкоголизмом.

С лозунгом «свободы любви» связаны на Западе попытки принизить духовную сторону любовного чувства.

Это мы видим, например, в одной из работ преподавателя философии университетского колледжа в Буффало (штат Нью-Йорк) Рассела Вэнноя. По утверждению автора, любовь — слово, которым пользуются лишь в определенных кругах для заключения брака. В обществе, где он живет, действительно немало примеров заключения брака лишь по расчету. Но после этого следует утверждение, будто для большинства людей на нашей планете понятие «любовь» не выражает ровно ничего. Все будто бы сводится к голому сексу. По словам Вэнноя, в мире имеются миллионы пар, вполне довольных двухминутным сношением, несмотря на то что акт нередко завершается лишь мужским оргазмом. Экспериментирование с новой сексуальной техникой или положением во время сношения для женщины ничего в конечном счете не меняет — она в любом случае скажет, что ей хорошо. И ни к чему всякие там разговоры о любви. Отсюда — «фундаментальный» вывод, который делает автор: эротическая любовь не является приемлемой концепцией. Короче говоря, лозунг этого буржуазного философа — долой любовь, да здравствует секс! (Вэнной Р. Секс без любви. Философское исследование. Нью-Йорк, 1980, с. 79, 212).

Следует особо сказать о пропаганде «свободы любви», получившей распространение у нас в стране в первые годы Советской власти. Сказать особо, поскольку социально-классовая направленность этой пропаганды в корне отличалась от целей воспевания свободы любовных связей буржуазными авторами. Лозунг «свободы любви» возник у нас как противовес лицемерию, лживости буржуазного брака. В те годы, вспомним из описанного в литературе, все связанное со старым строем беспощадно ниспровергалось. Даже шляпы и галстуки. Будто и они могли быть «контрреволюционными». Девичья честь — и та было подверглась «списанию» как все тот же мещанский пережиток. Классовый инстинкт, разбуженный пролетарской революцией, при недостатке грамотности, общего развития, что досталось массам в наследство от буржуазно-помещичьего строя, перекрывал собою, затемнял здравый смысл.

Хотя у нас в ту пору подход к проблемам любви, в отличие от буржуазного или обывательского подхода, возник не из духовной опустошенности, а, напротив, имел своим источником революционную энергию и непоколебимую веру в коммунистическое будущее человечества,

любовь, лишенная ее духовно-человеческой основы, также в этом случае сводилась на нет.

Вот, например, как это получалось в суждениях одного из наших социологов в конце двадцатых годов. Семья для него — не более как «чисто товарищеский, физиологически необходимый и исторически неизбежный союз рабочего-мужчины и работницы-женщины». Что касается детей, то они после рождения должны передаваться на коллективное воспитание и содержание. Мать рассматривается как «прежде всего работница, а не жена своего мужа». Другой социолог того времени призывал бороться с «разбуханием» любви. Надо, писал он, чтобы коллектив больше тянул к себе, чем любовный партнер.

Досадно, что эти бездумные покушения на великое чувство, на одну из главных вершин духовного мира человека, производились под флагом марксизма. Еще сравнительно задолго до этого, в 1920 году, В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин, выдающимся деятелем международного коммунистического и рабочего движения, заметил, что изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, «принципиально» и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической». Они искренне думают, что это так. Между тем суть «новой половой жизни» молодежи, по оценке Ленина, буржуазна, а внешне это новшество выглядит как разновидность буржуазного дома терпимости. Все это, подчеркивал Владимир Ильич, не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Ленин в этой связи подверг критике теорию, согласно которой в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же будто бы просто и незначительно, как выпить стакан воды.

В. И. Ленин в упомянутой беседе с Кларой Цеткин указал на сложность любовного чувства. В нем диалектически взаимодействуют два компонента — природный и социальный. Неправоммерно пренебрегать ни одним, ни другим. Коммунисты не аскеты, и никого не хотят они сделать глухим к зову природы. Но им отнюдь не безразлично, каким образом удовлетворяется духовная потребность. «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи?» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 5, с. 47). В. И. Ленин при этом обращает внимание на одно

обстоятельство, которое с особой яркостью высвечивает социальную сторону любовных отношений: «Питие воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу» (Упом. соч., с. 47).

Ленинская трактовка любви нашла горячий отклик в письме Александры Коллонтай, адресованном трудящейся молодежи. Профессиональная революционерка и государственный деятель, женщина большого ума и незаурядного литературного таланта, А. Коллонтай поделилась с читателями массового молодежного журнала, где письмо было опубликовано, своими мыслями об отношении к любви в новых, послереволюционных, условиях. Письмо имеет заглавие: «Дорогу крылатому Эросу!». Автор призывала дать «зеленую улицу» богу любви (Эросу, как величали его древние греки). Но не ползающему по земле, а с крыльями. Ему, напоминает автор письма, в годы гражданской войны и борьбы с разрухой пришлось пугливо исчезнуть из жизни. Господином положения на время оказался естественный голос природы — биологический инстинкт воспроизводства, влечение двух половых особей. Мужчина и женщина легко, много легче прежнего сходились и расходились. Сходились без больших душевных эмоций и расходились без слез и боли. Говоря по-другому, брачное общение возникало попутно, среди дела, для удовлетворения чисто биологической потребности. Теперь, когда революция в России одержала верх и укрепилась, когда атмосфера революционной схватки перестала поглощать человека целиком и без остатка, нежно-крылатый Эрос, загнанный временно в терновник пренебрежения, снова начинает предъявлять свои права. Женщина и мужчина начинают снова познавать все муки любви; «всю окрыленность счастья взаимного влюбления».

Оценивая любовь таким образом, А. Коллонтай вслед за В. И. Лениным настаивала на недопустимости игнорирования социального в любви. Пора, писала она, открыто признать, что любовь — не только властный фактор природы, биологическая сила, но и фактор социальный. Любовь — глубоко социальная по своей сути эмоция (Молодая гвардия. 1923, № 3, с. 113).

Единственное, что в публикации А. Коллонтай с позиций ленинского подхода к взаимоотношению полов не могло быть поддержано, — это ориентация на возмож-

ность не считаться с внешней формой, в которую выливается любовное общение полов. Для классовых задач рабочего класса, говорилось в письме, совершенно безразлично, принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза, или выражается в форме преходящей связи (Упом. журн., с. 122). Это было призывом к отказу от юридически оформленного брака и, главное, к отказу от моногамии, единобрачия. Что при этом наиболее существенно — это судьба детей, которые при подобной свободе любовных отношений оставались бы фактически без родителей, очень им нужных даже при идеальной заботе о детях со стороны государства. Впрочем, не будем строго судить автора высказанного предположения об отмирании «законного брака»: опыт новых межличностных отношений, возникших с победой нашей революции, был еще слишком невелик, чтобы можно было с уверенностью сказать, какими эти отношения, в частности в любви, должны быть и будут в относительно отдаленном будущем.

Итак, легкомысленное отношение к любви, выдававшееся в первые годы Советской власти кое-кем за «марксистское» и «революционное», в действительности было глубоко чуждо марксизму, коммунистическим идеалам. Ведь именно коммунизм призван максимально раскрепостить человека, обеспечить свободный выход его здоровым стремлениям и порывам — словом, сделать его счастливым во всех проявлениях жизни, в том числе жизни личной. Именно коммунизм ликвидирует антагонистическое, непримиримое противоречие между интересами личности и общества, неизбежное при эксплуататорских отношениях. И именно тогда возникнут самые благоприятные условия для расцвета любовных чувств. Мужчины и женщины, по словам выдающегося деятеля Советского государства, философа и литератора А. В. Луначарского, в будущем создадут огромную поэму любви (Луначарский А. Мораль с марксистской точки зрения. Харьков, 1925, с. 43).

В порядке заключения заметим, что игнорирование духовного компонента любви, независимо — подчеркнем это — от источника и классовой направленности такого подхода, отрицательно сказывалось и сказывается на семейных связях, умножало в прошлом и ныне умножает число разводов.

В ПОИСКАХ ЖАР-ПТИЦЫ

Главная страна капиталистического мира — США уже длительное время сохраняют за собой первенство по количеству расторгнутых браков. Согласно Демографическому ежегоднику ООН, опубликованному в 1983 году, в этой стране в 1977 году приходилось 5,03 развода на 1000 жителей страны, в 1981 году — 5,30. В сравнении с западноевропейскими странами в США расторгнутых браков в среднем почти в два раза больше.

Американские, а также английские социологи констатируют все более широкое распространение добрачных половых связей. Например, согласно данным Ш. А. Нусса, приведенным в одном из номеров американского журнала по социологии семьи (1980 г.), процент добрачных сожительствах среди студентов за двадцать лет увеличился в стране в три раза. Лишь 10—20 процентов таких связей завершается браком.

По данным Кристины Фарелл, сотрудницы отдела прикладных социологических исследований Лондонского политехнического института, анкетный опрос, проведенный среди студентов (им было охвачено 1500 юношей и девушек), показал, что 60 процентов мужчин и 37 процентов женщин относятся одобрительно к добрачным половым связям. Отношение женщин к добрачной половой жизни на первый взгляд, то есть, как это следует из их ответов в анкете, преимущественно отрицательное. Но далее, из ответов на другие вопросы анкеты, выявляется, что «не одобряют» добрачные половые связи лишь 10 процентов женщин, а 52 процента «испытывают смешанные чувства». Как отмечает автор, явление это сравнительно новое. В 1965 году, по ее же данным, студенты относились к добрачным связям более строго (Меняющиеся тенденции сексуального поведения. Лондон, 1980, с. 60—63).

В США получила распространение даже такая форма отношений между мужчинами и женщинами, как групповой брак. Таким видом супружества цивилизованные люди ядерного века возродили сексуальные отношения древнейших людей. Последних оправдывает история, но чем можно оправдать «деяния» современных участников коллективного секса?

Один из видов сексуальной разнузданности на Западе — однополое сожительство. Например, в американском штате Калифорния легален гомосексуальный брак.

Формально его законность, правда, нигде не зафиксирована. Однако и нигде в законодательстве этого штата не оговорено, что муж и жена должны быть разнополыми. Следовательно, заключают жители штата, возможны браки мужчины с мужчиной, женщины с женщиной.

А вот еще: брак по найму. Публикуется объявление о желании заключить брачную сделку на определенный срок с такой-то оплатой за «отработанные дни». Любопытно, что в одном из городов США на предложение выполнять обязанности жены за 500 долларов в месяц откликнулось 200 претенденток, и с одной из них был подписан «контракт о сожительстве», в котором предусматривались все условия сделки, включая количество «рабочих часов в неделю» (по: Королева Т. В. Семья и кризис моральных ценностей в буржуазном обществе. Минск, 1980, с. 87—88).

При такой «либерализации» половых отношений не удивительно, что на центральной улице Нью-Йорка — Бродвее, как свидетельствуют американские социологи, стали появляться обнаженные субъекты, демонстрирующие «различные стадии физической близости, вплоть до натурального полового акта» (Най Ф., Берардо Ф. Семья. Ее структура и функционирование. Нью-Йорк, 1973, с. 170). По оценке американского журнала «Тайм», эти уличные представления знаменуют собой появление «нового вида спорта» в США.

Внебрачные рождения ныне составляют около 20 процентов от общего числа рождений в США. При этом весьма существенно, что, по американским данным, распад браков с женщинами, имевшими добрачную беременность, вдвое выше остального числа разводов. Вот, следовательно, как сексуальная анархия влияет на семейные связи.

Показательно, как оценивают всю эту сексуальную вакханалию некоторые буржуазные ученые. Вот пример. Американский социолог Джеймс Рэми в книге «Интимная дружба» (Нью-Джерси, 1976), описывая жизнь студентов в «сексуальной коммуне», констатирует, что это есть «перспективная форма брака». Такой брак, поясняет автор, существовал и ранее, но, поскольку широко он не был распространен, о нем предпочитали умалчивать. Теперь же он достиг масштабов, которые позволяют говорить о нем уже открыто. И американский социолог заключает: чем больше разрастается цепь интимных связей, тем больше возникает возможностей для

индивидуального выбора (Рэми Дж. Упом. соч., с. 138). Как видим, все та же популяризация половой морали каменного века.

В отличие от буржуазного Запада у нас нет социальных сил, заинтересованных в поощрении сексуальной разнузданности. Попытки распространения непотребной литературы у нас караются законом. Поскольку же объективные условия для раздувания «свободы любви» давно ликвидированы нашей революцией, все нездоровое в этом плане связано с недоработками в деле привития молодежи подлинно коммунистических представлений об этике взаимоотношения полов.

И не только молодежи — всему взрослому населению. И, по-своему, также населению детскому. Этим было бы предотвращено немало семейных катастроф. Разводов в нашей стране заметно меньше, чем в США (в 1981 году в США — 5,30 на 1000 жителей, в СССР — 3,48). Их меньше на ту величину, которую дает сексуальная распушенность, и на ту, которая является результатом отрицательных влияний на семью со стороны буржуазного государства во всех других отношениях. Но не стоит доказывать, что наше меньшее в сравнении с США число разводов далеко еще от того, что могло бы быть в социалистических условиях.

Важно отметить, что сексуальная анархия вредит не только семье как социальному институту. У разбитого корыта оказываются сами искатели любовных приключений и тем более разные «сексуальные спортсмены». Как отмечают западные специалисты-сексологи, массовым бедствием в наше время становится мужская импотенция. Многие женщины, взбодренные веяниями «сексуальной революции», так же, как и мужчины, гоняются за жар-птицей и никак не ухватят ее за хвост. Если для мужчин реально обострилась проблема импотенции, то для женщин обрела искусственную напряженность проблема оргазма. Искусственную, надуманную напряженность, поскольку при нормальных, неискаженных сексуальных отношениях особой остроты в этой проблеме нет — все в ней в основном соответствует естественному порядку вещей.

Особого разговора заслуживают случаи беременности у девочек-подростков. Здесь беда заключается в том, что ни в физиологическом, ни в психологическом отношении эти юные существа к материнству никак не готовы. Специалисты-медики констатируют, что у девочек-

подростков беременность часто протекает при резком повышении артериального давления и это вызывает необходимость принятия экстренных лечебных мер. Что касается самих родов, то они бывают, как правило, или слишком стремительными, или, напротив, затяжными. И то и другое вызывает осложнения.

Распространено мнение, что немало трагедий можно было бы предотвратить с помощью противозачаточных средств, и в частности гормональных таблеток. Наши врачи, как, впрочем, и многие другие в мире, категорически против. Даже взрослым женщинам гормональными контрацептивами можно пользоваться лишь в исключительных случаях. Девочкам-подросткам, как предупреждает доктор медицинских наук В. В. Абраменко, пользование гормональными таблетками противопоказано абсолютно, поскольку их эндокринная система еще находится в стадии развития: искусственное воздействие на нее «может привести к серьезным и труднопоправимым расстройствам» (Здоровье, 1983, № 4, с. 14—15). Выход? Правильное половое воспитание и воспитание чувств.

БЫЛИ Б СЧАСТЛИВЫ ВСЕ ДЕТИ ЗЕМЛИ

Подрастающее поколение нуждается в особой заботе со стороны государства. Оно — счастье семьи и будущее страны, народа. Однако одно дело сознать необходимость заботы о детях, совсем другое — как забота выглядит в реальной действительности.

1. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ РЕБЕНКА

Великая победа прогрессивных сил, добытая во второй мировой войне ценою неисчислимых жертв и неимоверных усилий прежде всего народов первой страны социализма, породила великую надежду. Люди свято поверили в возможность жить на Земле в мире и согласии. Во имя мира и благополучия народов развернула свою деятельность Организация Объединенных Наций.

Эта организация была создана, как известно, еще до окончания второй мировой войны, в июне 1945 года. Спустя три с лишним года, в декабре 1948-го, торжественно

прозвучали слова принятой ООН Всеобщей декларации прав человека.

Права, зафиксированные в этом документе, относятся и к детям — в определенном, понятно, преломлении. Но никто, как мы знаем, сильнее, чем дети, не испытал на себе тяжесть нарушения этих прав на огромных пространствах земного шара. Вот почему понадобилось в интересах детей разработать и провозгласить специальный международный акт. Так в 1959 году появилась Декларация прав ребенка.

Это не первая декларация такого рода. Ее предшественницей был документ, принятый в Женеве в 1924 году Лигой Наций. Документ упоминается в специальной литературе под названием «Женевская декларация о правах детей». В ней говорилось, что детям должны быть созданы нормальные условия для физического и духовного развития. Истощенным от голода детям нужно обеспечить необходимое питание, больным — оказать нужную медицинскую помощь. Правительства стран должны взять под свою опеку сирот и детей, брошенных на произвол судьбы. Недопустимо какое-либо злоупотребление трудом малолетних.

Единственной страной, где на деле реализовывались положения Женевской декларации о детях, явилось наше социалистическое государство, а капиталистический мир фактически остался глух к этим призывам. К тому же вскоре после временной экономической стабилизации капиталистические страны были ввергнуты в очередной длительный экономический кризис, что еще пагубнее сказалось на судьбе миллионов детей. Развязанная фашистами война с ее системой концлагерей, душегубок, вивселиц, каторжных работ окончательно сдвинула в сторону, как несбыточную мечту, программу действий по защите детей. В послевоенное время все пришлось, по существу, начинать заново.

Основная мысль, пронизывающая Декларацию прав ребенка, принятую ООН в 1959 году, — предоставить всем детям планеты право на счастливое детство. Все они, независимо от происхождения, цвета кожи, национальности, вероисповедания, могут и должны рассчитывать на здоровое существование и развитие, на любовь и понимание. Одно из положений Декларации (4-е) уточняет границы заботы о детях в области охраны здоровья и обеспечения досуга: «Ребенку должно принадлежать право на надлежащее питание, жилище, развле-

чения и медицинское обслуживание». Другое положение (7-е) уточняет, в чем должна заключаться забота о детях в области образования: «Ребенок имеет право на получение образования, которое должно быть бесплатным и обязательным, по крайней мере на начальных стадиях». Специальное положение (9-е) посвящено проблеме труда детей: «Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации. Он не должен быть объектом торговли в какой бы то ни было форме». Ребенок не должен приниматься на работу до достижения надлежащего возрастного минимума. В Декларации имеется также положение (10-е), уточняющее направленность воспитательной деятельности среди детей: «Ребенок должен воспитываться в духе взаимопонимания, терпимости, дружбы между народами и всеобщего братства».

Что еще могло быть записано в международном документе, призванном защищать интересы детей? Любому человеку, стоящему на позициях материализма и умеющему мыслить диалектически, понятно, что права не возникают по одному лишь желанию хороших людей. Для того чтобы права осуществлялись на деле, нужны определенные материальные и политические условия. Как известно, такая именно гарантия прав человека стоит за Конституцией СССР и Основными законами других социалистических государств. Социализм, ликвидирующий, посредством обобществления средств производства, эксплуатацию труда, создает ту базу, на которой как раз и складываются условия для подлинно свободного развития личности. Декларация прав ребенка могла бы содержать положения, касающиеся экономических и политических гарантий претворения этих прав в жизнь. Но понятно, что это так или иначе вывело бы напоказ неспособность капиталистического строя создать детям надлежащие условия жизни. При существовании в мире двух противоположных систем включение тезиса с подобным выводом в документ ООН, просто говоря, нереально. Декларация прав ребенка тем не менее прогрессивна по своему духу, поскольку отражает, пусть и в самом общем виде, идеи гуманизма, направлена против насилия, произвола, настраивает на оказание всемерного внимания и помощи детям. Что же касается самой реализации прав ребенка, то об этом всего лучше могут сказать факты.

2. ИХ ИСКАЛЧЕННОЕ ДЕТСТВО

— Во всех странах капитала, включая самые развитые в экономическом отношении, а также в тех странах, которые длительное время находились или остаются по сей день в сфере империалистического влияния, права ребенка — не более как красивая фраза. Дети из трудящихся слоев населения здесь, как правило, ущемлены в праве учиться, получать медицинскую помощь, развлекаться. И что всего чудовищнее, они здесь фактически лишены права самого естественного — права на жизнь.

КОРОТКИЙ ДЕТСКИЙ ВЕК

Все люди смертны. В этой истине ничего не меняет тот факт, что теперь человек живет намного дольше, чем в минувшие времена. В самом деле, в дореволюционной России средняя продолжительность жизни была равна 32 годам; ныне в нашей стране человек живет в среднем 70 лет. Причем резервы дальнейшего удлинения жизни людей далеко еще не исчерпаны. Прогнозируется средняя продолжительность предстоящей жизни, близкая к 90 годам. Пусть жизнь человека длится даже 120 лет, что еще в далеком прошлом воспринималось как идеал. Пусть 150, о чем всерьез писали некоторые специалисты. Ясно, однако, что долгожительство может лишь изменить, сдвинуть вперед срок неизбежного ухода в «иной мир» — не более.

Физическое бессмертие не дано никому, людям свойственно дорожить каждым прожитым годом. Иногда спрашивают: зачем, с какой целью? Древнейшая, заметим, философская проблема — цель жизни. Представление об этой цели многообразно. Для одних она — в том, чтобы увидеть осуществленной выстраданную идею об усовершенствовании устройства общества. Высшая цель для других — достойным образом воспитать своих детей. Третьи могут видеть цель жизни в создании больших произведений искусства, которые смогли бы быть причислены к ценностям человеческой культуры. Чем бы цель жизни ни была выражена, ею все-таки является не что иное, как сама жизнь, которую надо прожить, как это полагается человеку, и которая ради этого должна быть, насколько возможно, долгой.

Может ли смириться разум с массовым уходом из жизни тех, кто только-только вступил в этот мир? Среди

них — дети в возрасте до одного года. Уровень смертности детей этого возраста (смертности младенческой, как ее именуют в статистике) благодаря успехам медицины и в результате совершенствования условий жизни в определенной части мира в среднем по земному шару в послевоенное время заметно снизился. Но коэффициенты младенческой смертности остаются намного выше того, что позволяет природа, и, по крайней мере, того, что в борьбе за жизнь младенцев достигнуто в современных развитых странах. Об этом можно судить по цифрам, указывающим на число умерших младенцев в расчете на 1000 новорожденных: Швеция (1981 год) — 7, Сьерра Леоне (1979 год) — 215. В промежутке между этими двумя крайними показателями — высокие показатели младенческой смертности в Боливии — 138,2 (1979 год), Пакистане — 131,2 (1979 год). Относительно низок средний показатель младенческой смертности в странах Западной Европы. Однако если, например, в ФРГ индекс в 1980 году был равен 13, то в другой западноевропейской стране — Португалии приблизительно в то же время умерло младенцев в два раза больше — 26 из 1000 новорожденных.

Одна из главных причин невыживания младенцев — плохое состояние здоровья матери в период вынашивания ребенка. В результате дети рождаются с пониженным весом — менее 2500 граммов. Младенцы с пониженным весом ныне составляют в развивающихся странах 10—15 процентов от общего числа рождающихся. Но умирающих среди новорожденных с пониженным весом в три раза больше, чем среди младенцев, родившихся с нормальным весом.

Эта печальная статистика непосредственно связана с продовольственной проблемой в развивающихся странах. Вес новорожденного в решающей степени зависит, как известно, от условий питания матери в месяцы беременности. Но матери, как правило, питаются здесь очень скудно. В настоящее время около полумиллиарда людей на нашей планете голодает и приблизительно миллиард страдает от постоянного недоедания. При этом обратим особое внимание на такой факт. Среди недоедающих около 80 процентов составляют женщины и дети.

Смерть уносит не только младенцев, но и детей постарше. Как отмечалось в ежегодном докладе ЮНИСЕФ (Детского фонда ООН) за 1982 год, в том году от недоедания и инфекционных болезней умерло 15 миллионов

детей. Каждый день стоил жизни 40 тысячам юных обитателей нашей планеты.

Никто не останется равнодушным и к такой статистике. В Латинской Америке каждые 30 секунд умирает от истощения ребенок. Умирает от недостатка пищи. В одной лишь Бразилии постоянно недоедает 17 миллионов детей в возрасте от двух до шести лет.

В чем, собственно, дело? Неужели при современном уровне агротехники нет возможности получить столько продовольствия, сколько необходимо, чтобы покончить с голодом? Такая возможность, конечно же, есть. Но все дело в том, что на огромных пространствах, где живет около трех четвертей населения нашей планеты, продолжается примитивное хозяйствование на земле. Причина тому — крупная земельная собственность. Владельцы гигантских плантаций, сотрудничая с иностранными монополиями, отнюдь не заинтересованы в развитии сельского хозяйства для нужд народа. Им выгодно наличие голодных ртов: чем их больше, тем больше желающих наняться в батраки. Кроме того, крупным землевладельцам выгодно производить, как правило, не то продовольствие, в котором нуждается местное население, а то, которое можно с огромной прибылью продать за границей. В этих условиях спасти людей от голода может ввоз продуктов питания извне. В одном из докладов ФАО (организации по вопросам продовольствия, осуществляющей свою деятельность под эгидой ООН) отмечается, что уровень питания на душу населения в развивающихся странах может повыситься с 2180 калорий в 1974—1976 годах до 2370 калорий к концу века. Однако это произошло бы лишь в том случае, если бы нашлись средства для увеличения импорта продовольствия. Господство крупного землевладения, эксплуататорского строя вообще, фактически сводит на нет такую возможность.

На Западе отдельные ученые пытаются доказать, что уровень детской смертности в мире можно было бы заметно снизить, если бы в развивающихся странах рождалось детей примерно столько же, сколько в странах развитых. Детей ныне приходится в среднем на семью: в Африке — 6,5; Латинской Америке — 4,4; Западной Европе — 1,9. Многодетные семьи, поясняют эти ученые, дают детям жизнь, но не в состоянии ее обеспечить. На первый взгляд возразить здесь нечему. Но это лишь при поверхностном подходе к проблеме. А при ее тщательном рассмотрении обнаруживается, что главная причина вы-

сокой смертности детей — не в том, что их много в бедных семьях, а в том, что бедность привела к многодетности: с ее помощью реализуются материальные интересы семьи — использование труда детей для пополнения скудного семейного достатка и наряду с этим дети как гарантия получения родителями определенной поддержки от них в будущем, после потери трудоспособности. Следовательно, для эффективного снижения уровня смертности детей необходимо в корне изменить условия, в которых живут семьи в развивающихся странах. А во все не сводить дело к мероприятиям по снижению рождаемости.

То, что голод, недоедание, другие бедствия, постигающие детей, меньше всего связаны с уровнем рождаемости; нагляднее всего видно на примере детей в индустриально развитых капиталистических странах, где уровень рождаемости ныне самый низкий в мире. Возьмем для примера современную Великобританию — могучую капиталистическую державу, накопившую немало богатств со времени, когда она первая прошла через промышленную революцию, была «мастерской мира» и «владычицей морей». По среднему числу детей в семье эта страна занимает в справочниках одну из низших строчек (что постоянно угрожает англичанам отрицательным приростом населения). А вот бедность среди значительной части ее жителей никогда эту страну не покидала. И, как всегда, от бедности страдают прежде всего дети. Ныне в Англии насчитывается около полумиллиона детей, живущих в семьях с уровнем доходов, которые ниже достатка, официально квалифицируемого как бедность. К этому числу надо прибавить детей в семьях трех миллионов английских безработных. А как складывается жизнь в таких семьях — об этом можно судить по письму, с которым английская женщина, жена безработного, обратилась в лондонское представительство так называемой группы действий по борьбе с детской бедностью. Она писала, что делает все возможное и невозможное, чтобы прокормить семью на деньги, получаемые в виде пособия по безработице. Насколько скудна эта сумма, можно судить хотя бы по тому, что семья вынуждена себе отказывать в покупке зубной пасты, шнурков для обуви, приобретении других необходимых мелочей. За обедом в этой семье на счете каждый кусочек хлеба — если сынишка съест лишний, сестренка его останется голодной до следующего дня.

А как в США, где благосостояние, по утверждению буржуазных пропагандистов, достигло «высших стандартов»? Детей на семью здесь ныне приходится лишь немногим больше, чем в Западной Европе. Если руководствоваться тезисом «меньше детей — больше богатства», как это делают некоторые теоретики, детей, живущих в бедности, в США должно было бы быть совсем немного. Но вот, например, в 1980 году только лишь пожертвования благотворительных организаций спасли от голодной смерти свыше пяти с половиной тысяч американских мальчиков и девочек. Как сообщалось в американской печати, в Детройте, индустриальном гиганте США, недоедание женщин в семьях безработных явилось причиной повышения смертности среди новорожденных до уровня, характерного для отсталой страны типа Гондураса (здесь, как и в других латиноамериканских государствах с диктаторскими режимами — Гватемале, Доминиканской республике, уровень младенческой смертности примерно в восемь — десять раз выше, чем в США и западноевропейских странах).

Как известно, администрация США постоянно сокращает расходы на социальные нужды. В результате, например, в штате Калифорния в 1982 году не хватило 300—400 миллионов долларов, чтобы обеспечить необходимое медицинское обслуживание женщин в дородовые и послеродовые месяцы. Такого обслуживания, по свидетельству официальных американских инстанций, были лишены свыше 100 тысяч жительниц штата. Итог таков, что коэффициент детской смертности возрос в штате на 2,7 процента (Детская смертность. Вашингтон, 1982, с. 17).

В стране «равных возможностей» смертность среди детей негритянского происхождения превышает детскую смертность среди белых. По данным американского Центра исследования проблем питания, за время с 1978 по 1982 год можно было бы предотвратить гибель 20 тысяч негритянских детей, если бы им была оказана та же медицинская помощь, что и белым детям. Цвет кожи заранее исключает это. Потому и среди взрослого населения США коэффициенты смертности сильно различаются в зависимости от того, негры это или белые. На 1000 жителей США приходится умерших: среди белых — около 10, среди цветных — примерно 19.

Показателен и такой факт. Студенты-медики произвели опрос четырехсот с лишним бедствующих американ-

цев в штате Нью-Йорк, получающих бесплатное питание в различных благотворительных организациях. О результатах опроса сообщил президент Ассоциации общественного здоровья этого штата Виктор Сайдел. Выявилось, что эти люди потребляют калорий значительно меньше нормы. Многие из них голодают, чтобы прокормить своих детей.

Насколько серьезна в США проблема голода среди детей, особенно хорошо видно из заявления преподавателя Гарвардского медицинского училища Джона Брауна. По его словам, педиатры, связанные с этим учебным заведением, отмечают увеличение числа детей, поступающих в больницы по причине истощения и отставания в развитии. Когда определенный сигнал об этом дошел до Белого дома, президентский чиновник не нашел ничего лучшего, как взвалить вину за дистрофию на самих же бедняков: пусть-де разумнее распоряжаются своим бюджетом.

Было бы чем распоряжаться! Вот, например, как, по описанию американского журналиста Элина Шёна, выглядел бюджет рядового жителя США (назвавшего себя Фрэнком), пока он работал механиком. Домой он приносил 824 доллара в месяц. Из них более 500 долларов в месяц «съедали» плата за квартиру, коммунальные услуги и медицинские счета. Питание, одежда — на это денег семье едва лишь хватало. Лишившись работы, он и его семья стали довольствоваться благотворительной помощью. И таких судеб, как эта, полным-полно в «процветающей стране». Армия безработных здесь уже 20-миллионная.

Дети разделяют участь своих родителей, выброшенных на улицу. Как свидетельствует одна из нью-йоркских газет, Полу Келли, командиру Армии спасения (благотворительной организации) в одном из городов штата Огайо, однажды довелось увидеть, как целая семья — муж, жена и их трое детей — ночует в старой автомашине прямо на дороге. Они искали работу и ночлег, но не нашли ни того, ни другого. Наступили холода. И вот вся семья мерзнет на улице.

Во все времена дети становились жертвами войн, а их за последние пятнадцать веков человечество пережило около четырнадцати тысяч. Пусть в большинстве своем это были в основном «малые войны», но для матерей, терявших в такие лихолетья своих еще не успевших встать на ноги ребят, разве было не все равно, какие это были

войны — малые или большие. Две мировые войны, связанные империалистическими державами, стоили человечеству многих миллионов детских жизней. И ведь гибель детей по причине империалистического произвола продолжается. Сколько их погибло в свое время от американских бомб во Вьетнаме, сколько детских жизней отняты бомбежки и погромы, учиняемые империалистическими агрессорами в Ливане, Никарагуа, других странах!

Все эти факты вскрывают безмерную лживость утверждений руководителей капиталистических стран об их приверженности принципам гуманизма. На деле буржуазное общество уже давно стоит перед судом истории «по обвинению в убийстве» — с такой именно формулировкой, принятой в практике по уголовным делам. Это общество несет ответственность за самое тяжкое из преступлений — лишение жизни тех, кому по воле природы жить бы и жить. Это общество должно сполна ответить за гибель на корню бесценной для человечества молодой людской поросли.

НИКАКИХ ШКОЛ — РАБОТА

Когда дети вместо учебников вынуждены держать в руках отбойные молотки, вместо бега на школьных уроках физкультуры выполнять бегом за гроши срочные поручения хозяев, вместо развлечений детства вечно пребывать в атмосфере напряжения и страха там, где корыстно используют их труд, честные люди, видя все это, не могут молчать. Вот почему в мире имеется довольно обширная литература о недозволенном использовании труда детей.

Обстоятельно, опираясь на множество фактов, эту сферу жизни западного мира, включая страны, где сохранилось капиталистическое влияние, осветил Патрик Браун, врач по профессии, работавший хирургом в одной из детских больниц в Париже. Возглавлявший в течение двадцати лет Международную организацию врачей, осуществляющую свою деятельность под эгидой ООН, Браун имел возможность бывать во многих странах мира и знакомиться на месте с условиями жизни детей. Свои наблюдения он изложил в интересной книге «Дети отчаяния», вышедшей в Париже в 1981 году. Главы этой книги вместе с многочисленными сообщениями, репортажами, публикуемыми в западной печати, раскрывают

перед нами ужасающую картину эксплуатации труда детей и растления детских душ.

Поражает, прежде всего, сама численность детей в мире, трудом зарабатывающих себе на жизнь. В 1978 году Международная организация труда (МОТ) определила численность детей в возрасте до 15 лет, чей труд эксплуатируется в той или иной форме, в 52 миллиона. Едва ли эта цифра с тех пор стала меньшей. К тому же следует учесть, что в названное число не входят дети, работающие вместе с родителями и одновременно продолжающие, с постоянными пропусками, учебу в школе. Согласно заключению одного из экспертов МОТ, эти мальчики и девочки образуют «невидимую часть айсберга». Следовательно, детей, эксплуатируемых капиталом, в действительности намного больше, чем значится по официальной статистике. Имеются оценки, согласно которым детей, занятых недозволенным трудом, в мире в настоящее время насчитывается около 150 миллионов.

Речь идет именно о недозволенном труде. В нашей стране трудовое воспитание было и остается основой воспитания подрастающего поколения. Но это должен быть труд, не только не причиняющий ребенку никакого ущерба, но, более того, эффективно содействующий развитию его физических и духовных сил. Как раз на такой труд ориентирована производственная деятельность, предусмотренная у нас школьной реформой. В сравнении с прошлым диапазон учебно-трудовой деятельности школьников значительно расширяется, становится многообразнее.

В странах социализма стоит задача достижения оптимального единства между производительным трудом и трудом по овладению основами современных наук. Причем получение научных знаний было и остается главным для школьника. Упор, который мы сейчас делаем на воспитание, усиленный для школьника производительным трудом, отмечалось на апрельском (1984 года) Пленуме ЦК КПСС, при всей принципиальной важности этого труда, не отменяет ту истину, что главный труд для детей — это, конечно же, учеба, прочное овладение основами наук (Правда, 1984, 11 апр.).

В странах, где эксплуатируется труд детей, фактически исключается возможность овладевать научными знаниями. Право на учебу в школе здесь превратилось, по существу, в пустую формальность.

Мозоли вместо учебников — это участь детей не толь-

ко в экономически малоразвитых бедных странах. Подобная судьба — не редкость для малолетних граждан самых богатых капиталистических государств, в том числе «страны миллионеров». В США ныне не учится около 2,5 миллиона детей школьного возраста.

А те, кто учится? Дает ли им школа необходимые знания и развитие? По данным, опубликованным в канадской газете «Санди стар», среди учащихся четырнадцатилетнего возраста девятнадцати стран мира американские школьники по своей общеобразовательной подготовке оказались на пятнадцатом месте. И удивительно ли, если, например, геометрию, эту древнейшую науку, позволяющую человеку точно ориентироваться в пространстве (что наряду с ориентацией во времени является неперемennым условием нашего сознательного взаимодействия с объективным миром), изучают здесь в течение одного лишь учебного года, тогда как необходимые знания по этой дисциплине, исходя из опыта нашей страны, может дать лишь пятилетняя программа. Химию американские школьники проходят в течение года — при четырехлетнем изучении в СССР. А о постановке преподавания математики в американских школах можно судить по такой цифре: 48 процентов должностей преподавателей математики в США вакантны или же заняты учителями без диплома. Не лучше с преподаванием географии. Согласно итогам проверки знаний учащихся 6-х классов, проведенной газетой «Даллас-тайм геральд», почти каждый пятый средний ученик школ Далласа не смог отыскать на карте сами Соединенные Штаты.

Речь шла о точных науках. Они имеют прямое отношение к процессу производства материальных благ, и капиталист, понятно, объективно заинтересован в развитии этих наук и в том, чтобы их основами были вооружены работники — в мере, определяемой интересами прибыли. Что же касается наук гуманитарных, тут, можно сказать, царит сплошное невежество, и капиталиста это устраивает: с древнейших времен эксплуататоры стремятся оградить человека от знаний, которые могут дать ему правильное представление о взаимоотношениях между людьми в процессе труда для поддержания жизнедеятельности и по-настоящему раскрыть глаза на понятие социальной справедливости. И вот характерные факты. Согласно данным обследования, проведенного в 1983 году в одном из университетов США, никто из сту-

дентов не смог назвать точные даты второй мировой войны (и не случайно, заметим, создатели широко известного документального фильма об этом событии мировой истории назвали свою киноленту — в ее американском варианте — «Неизвестная война»). Даже о гражданской войне в США, важнейшем событии национальной истории, — никакого представления. Согласно обследованию, проведенному в другом американском университете, студенты-географы не сумели показать на карте Лондон. А Фолклендские (Мальвинские) острова некоторые из будущих преподавателей географии искали не у берегов Южной Америки, а у берегов Великобритании.

Такие вот «знания» имеют многие студенты. В вузы они принесли то, что получили в школе. По свидетельству газеты «Вашингтон пост», многие американские вузы оказались вынуждены ввести для первокурсников специальные программы «ликвидации неграмотности», поскольку без такой предварительной подготовки обучение по программе вуза невозможно.

Почему столь невысок общий уровень грамотности в стране, которая кичится своей просвещенностью и пытается выдать ее за некий образец западной культуры? Ответ прост: образование фактически доступно здесь лишь тем, кто может платить за обучение в частных школах. А те, кому нечем платить, должны довольствоваться обыкновенными школами. Однако таких становится все меньше. По официальным данным, за время с середины семидесятых годов их число сократилось более чем на 3,5 тысячи. Это одно из проявлений сокращения администрации США расходов на социальные нужды. Согласно официальным данным, общая сумма сокращений по программам оказания помощи нуждающимся составила в США за время с 1981 по 1984 год 110,2 миллиарда долларов, в том числе по программам на нужды образования и сферы обслуживания — 18,5 миллиарда долларов. Характерно, что в это самое время, как на дрожжах, поднимаются вверх прибыли корпораций, производящих оружие по щедро оплачиваемым заказам Пентагона. Так, дельцы из «Дженерал электрик», производящей комплекты ракет и подводных лодок, в 1983 году положили в свои сейфы на 2 миллиарда долларов больше, чем в предыдущем году, а те, которые владеют главными капиталами фирмы «Дженерал дайнэмикс», составляющей военному ведомству подводные лодки «Трайидент» и крылатые ракеты «Томагавк», в 1983 году

отхватили куш, больший в сравнении с 1982 годом в два раза (Аргументы и факты, 1984, № 23, с. 7). Эти сверхприбыли получены за счет существенного сокращения ассигнований на социальные нужды. И надо ли после этого удивляться, что около миллиона американских детей почти не умеют читать. Общее количество неграмотных в США — свыше 30 миллионов.

Словом, многим миллионам жителей США не только не созданы непосредственные условия для получения образования, но им, просто говоря, вообще не до школы, поскольку прежде всего нужно зарабатывать на жизнь, чтобы просуществовать хоть как-нибудь. Подтверждение этому можно найти в американских газетах. Например, «Лос-Анджелес таймс», газета, освещающая жизнь одного из крупнейших американских городов, признает, что более 40 процентов учащихся средних школ города вынуждены бросать учебу и идти на заработки, чтобы помочь семье.

Обычным делом в США стало использование детей на сезонных, главным образом, сельскохозяйственных работах. Труд — не только изнурительный, но нередко и опасный для жизни, поскольку приходится иметь дело с довольно сложными машинами и механизмами, требующими особых мер предосторожности. В 1978 году, согласно докладу ООН, в США на сезонных работах находилось около 1 миллиона мексиканских детей. Зафиксированы случаи, когда на работу вместе с родителями, чтобы им помочь хоть чем-нибудь, отправлялись четырехлетние, и это происходило в то самое время, отмечает автор доклада, когда использование детей на такого рода работах здесь запрещено законом (Эксплуатация труда детей. Нью-Йорк, 1982, с. 3).

В печати сообщалось об участии иммигранта Фернандо Куэваса. Он в штате Огайо нанимался на полевые работы вместе с женой и девятью детьми, включая четырехлетнего малыша. В беседе с корреспондентом он говорил, что работать приходится обычно без какого-либо отдыха, всю неделю подряд. Плата же за эту тяжелую работу — самая низкая. К тому же продукты хозяева продают им по вздутым ценам. Нет нужды пояснять, что ждет детишек в этой семье. По крайней мере школа для них уже недоступна.

В другой экономически развитой стране Американского континента — Канаде более 4 миллионов человек, по свидетельству местной прессы, не умеют читать и пи-

сать даже на минимальном уровне, устанавливаемом в качестве критерия, грамотности. В первую очередь малограмотные люди и попадают в ряды безработных, кои в стране уже 1,5 миллиона. Эти люди оказались за бортом из-за невозможности в свое время получить необходимое образование. Заметим, что буржуазный орган печати, констатируя это, вместе с тем обходит молчанием факт более существенный, а именно объективную заинтересованность предпринимателей-капиталистов в том, чтобы определенная армия безработных имелась всегда, при любых обстоятельствах. Так что уровень грамотности — это в конечном счете не причина, а следствие. Но и оно показывает достаточно четко, чего на деле стоят разглагодствования защитников капитализма о равных возможностях, которые будто бы предоставляет всем гражданам буржуазная демократия.

Во Франции безграмотны, не умеют ни читать, ни писать 10 миллионов взрослых. Если эта цифра, приведенная западногерманской газетой «Франкфуртер альгемайне», верна хотя бы приблизительно, то выходит, что в этом государстве, в целом хорошо известном своими культурными традициями, ныне не владеет грамотой около одной трети взрослого населения. Газета отмечает, что 8 миллионов французов не в состоянии прочесть и переписать простейший текст на бытовую тему. Официальные органы внутри страны подобные факты стремятся не предавать публичной гласности. Последние опубликованные во Франции статистические данные о неграмотных относятся к 1946 году. Сведения такого рода регулярно получает министерство обороны, но эти сведения, понятно, не предназначены для широкой публики. Все же, как стало известно, в 1980 году из 400 тысяч французов, призванных на военную службу, 3,5 тысячи не умели ни читать, ни писать, 64 тысячи читали по слогам. Согласно одному из докладов министерства культуры Франции, свыше четверти населения страны за всю свою жизнь не прочитало ни одной книги или даже газеты. Понятно почему: не до чтения, не до просвещения и учебы вообще — нужно зарабатывать на жизнь.

Аналогично положение в Англии. За последнее время здесь резко возросло число детей, выполняющих различные тяжелые работы. И это несмотря на высокий уровень безработицы, при котором свободных рабочих рук среди взрослых сколько угодно. Из этого видно, что дети продают свою рабочую силу за бесценок — операция, весьма

выгодная для предпринимателя. Показательно: как только подростку-рабочему исполнится шестнадцать, его увольняют. Найдется ли более наглядная иллюстрация к выводу Карла Маркса в его бессмертном «Капитале» о зарплате рабочего на капиталистическом предприятии как выражении стоимости рабочей силы, определяемой затратами на ее воспроизводство, возобновление. Потребности у подростка более скромные, чем у взрослого рабочего, который для восстановления способности к труду должен не только больше потреблять сам, но и содержать семью, детей, призванных в условиях капиталистического строя пополнять армию эксплуатируемых. С позиций капиталистического класса в целом полагалось бы заботиться о подготовке для себя таких работников, для чего их нужно серьезно чему-то учить. Но капитал вслепую устремляется туда, где он может заработать с наибольшим эффектом, пусть и кратковременным.

В печати сообщалось, что на одном строительном предприятии в северной части Лондона корреспондент беседовал с десятью подростками. Сюда на работу они приходят после окончания уроков в школе и трудятся за гроши до полуночи. Один из подростков, четырнадцатилетний Мартин, сказал корреспонденту: «Я скоро вообще брошу школу. Даже если получу образование, вряд ли мне удастся найти работу». Стоявший рядом с Мартином его товарищ, тринадцатилетний, сказал, что работает в нескольких местах, и там никто даже не поинтересовался, сколько ему лет. Главное — сможет ли он таскать тяжести.

Обследование, проведенное в шести школах английской столицы, показало, что более одной трети (35 процентов) учеников работают после школы и в выходные дни. Многие трудятся по ночам — так предпринимателям легче избежать надзора со стороны властей за характером труда, который выполняют дети. За последние годы лишь двум предпринимателям были предъявлены обвинения в незаконном использовании труда детей. Причем отделались нарушители закона небольшим штрафом, всего-навсего. Когда несколько депутатов парламента потребовали провести расследование в связи с практикой незаконного привлечения детей к тяжелым работам, министр внутренних дел Великобритании Уильям Уайтлоу невозмутимо изрек: «Мы не намерены предпринимать какие-либо шаги в этом направлении».

Министр по-своему прав, ибо предпринять что-либо эффективное значило бы перестроить всю систему общественных отношений в стране. К этому ли стремятся здесь господствующие классы?

В целом в Англии ныне работает около четвертой части подростков в возрасте тринадцати — шестнадцати лет. И понятно, почему в этой стране так много неграмотных среди взрослых людей. Их, как засвидетельствовала лондонская «Таймс», два миллиона. Многие тысячи подростков здесь вынуждены ради заработка покидать школу.

Согласно данным МОТ, в настоящее время в странах Западной Европы работает наравне со взрослыми в общей сложности 700 тысяч детей. Но это опять-таки лишь видимая часть айсберга, потому что, по другим данным, в одной только Италии было выявлено более одного миллиона подростков, работающих по найму. С этой цифрой вполне согласуется промелькнувшее в зарубежной печати сообщение, что в Неаполе зарабатывают себе на жизнь 100 тысяч мальчиков и девочек в возрасте от восьми до пятнадцати лет, причем их рабочий день нередко достигает десяти часов. Как показало одно из обследований, свыше 60 процентов работающих детей в возрасте до десяти лет лишь изредка посещают школу, а около 6 процентов не учатся вовсе. На юге Италии классы из 32 учеников регулярно посещают не более 5—6 учащихся.

Поскольку труд малолетних официально запрещен, министерство труда в Италии, как и в других капиталистических странах, периодически проводит проверки на предприятиях с целью выявить возможные нарушения запрета. И что же? Рабочих-подростков хозяева прячут, например, в картонных ящиках, уверенно уповая на «плохое зрение» инспектирующих. И все остается по-старому.

Около полумиллиона подростков используется в Италии на работах в сельском хозяйстве, главным образом на итальянском Юге. Взрослые, которых эксплуатируют «законно», могут рассчитывать на какую-то защиту со стороны профсоюзов. Для подростков же, которые трудятся нелегально, профсоюз для защиты их прав от произвола хозяев не существует.

Капитал знает и видит лишь одно — прибыль. Человек интересуется предпринимателя-капиталиста лишь в меру его способности обеспечить прибыль собственнику.

Коль скоро человек этой способности лишился, он для буржуазного общества перестает существовать. Как бы в подтверждение этой истины западноберлинская газета «Дер тагесшпигель» привела сообщение о смерти одинокого пенсионера. Скончался он, как выяснилось, семь лет назад при пожаре в его квартире, возникшем от непотушенной сигареты. Поскольку пламя вскоре иссякло само по себе, пожар не был замечен другими, и пострадавший задохнулся во сне. Если бы не банк, который регулярно перечислял покойнику пенсию и с такой же аккуратностью изымал из этих денег плату за жилье, если бы не это учреждение, которое в конце концов заподозрило что-то неладное в отношениях со своим клиентом, продолжать бы покойнику «квартировать» на прежнем месте. Как, заметим, своеобразный памятник буржуазному «человеколюбию». И буржуазному обществу в целом, с его главным законом, по которому все должно венчаться прибылью. Прибылью, извлекаемой любым способом. Пусть даже на крови и костях людей. А потому прочь сантименты, всякие там представления о совести, сострадании, человечности. А как он напорист! Он, капитал, подобно природе, не терпит пустоты, как заметил Карл Маркс. Он сломя голову устремляется туда, где появляется даже самый малый шанс что-то урвать дополнительно, умножить прибыль, еще успешнее «делать деньги».

В этом отношении особенно вольготно капиталу в экономически слаборазвитых странах. Там рабочая сила намного дешевле и, следовательно, предпринимателям нет нужды особо тратить средства механизации. Рождаемость в этих странах высока, детей много — в возрасте до пятнадцати лет они составляют около 40 процентов в среднем от общей численности населения каждой из развивающихся стран, а потому предпринимателям необязательно брать на работу взрослых, можно использовать детей. Их превеликое множество, этих ребятишек, всегда голодных, а стало быть, готовых работать за любую плату и в любых условиях.

Работать, как, например, на шахтах в Колумбии, где трудятся детишки лишь чуть старше семи лет. Уголь добывают вручную. Вырубают киркой и наполняют им мешки. Норма — 30—35 мешков в день. Чтобы эту норму выполнить, нужно отработать 8—10 часов без перерыва. Плата за один мешок угля — 7—10 песо. Хозяин же выручает за мешок 200 песо. Норма эксплуатации, выражаясь языком Маркса, необычайно высока. Басно-

словно прибыль. За счет здоровья и жизни этих «детей-кротов», как их здесь прозвали.

Если в угольных шахтах дети трудятся рядом со взрослыми, то там, где добывают уран и магнезию, в ряде стран Азии работают исключительно дети. Причем при отборе кандидатов для этой работы предпочтение отдается самым маленьким, поскольку лишь они могут протиснуться в имеющиеся в шахтах узкие щели — так драгоценное сырье оказывается значительно дешевле. Когда ребенок подрастает, он становится не нужен шахте и его заменяют другим малышом, укладывающимся по росту в стандарт. Замена происходит почти автоматически — из-за высокой смертности малолетних шахтеров. Детишки, разумеется, знают, на что идут, но они «предпочитают смерть постоянному чувству голода» (Браун П. Упом. соч., с. 147).

Добротны, красивы ковры, которые поступают на мировой рынок из стран Среднего и Ближнего Востока. Но мало кто знает, сколько горя и слез воткано в их прекрасные узоры. Потому что создаются они, главным образом, детскими руками. В Иране, Тунисе, Марокко на ковровых фабриках работают семи-, восьмилетние девочки. В рабочих помещениях — густая пыль, душно, поскольку предприниматели не желают тратить на устройство вентиляции. Отлучиться же, хотя бы на мгновение, чтобы выпить воды или глотнуть свежего воздуха без страха быть наказанным, невозможно, ибо это нарушает ритм ручного конвейера.

В аналогичных условиях трудятся дети на острове Тайвань. Тысячи девочек в возрасте 12—15 лет работают с тончайшими нитями, что через какое-то время приводит к потере зрения.

В Гонконге среди изготовителей игрушек около одной трети составляют дети. Они производят игрушки, но лишены возможности воспользоваться хотя бы какими-то из них для игры. Дети подобной же судьбы, используемые в качестве рабочих в Турции, не так давно провели свою собственную демонстрацию. Она проходила под лозунгом «Верните нам детство!».

Пожалуй, всего чудовищнее то, что приходится испытывать детям, занятым на добыче асбеста в ЮАР. Этот продукт для его транспортировки необходимо крошить. И вот детей для такой работы помещают в большие полотняные мешки — там они асбест растирают ногами. Казалось бы, в наш век, когда во всех технических делах

с гораздо большим эффектом человека может заменить машина, такое варварское обращение с людьми, напоминающее мрачные времена рабства, немыслимо. Но, оказывается, рабство и сегодня существует. Долго ли живут маленькие рабы, стирающие в порошок асбест в своих полотняных темницах под окрики надсмотрщиков? Около года всего. А потом приходят сюда другие, такого же возраста.

Наряду с такой формой рабства есть в странах, подвластных капиталу, и другая, тоже напоминающая давно прошедшие времена, когда, как это было, например, в Древнем Риме, за доброго коня платили дорожке, чем за юношу или девушку, отобранных в качестве слуг. Ныне в ряде латиноамериканских стран богачи скупают по дешевке крошечных девочек-индианок, предназначая их в будущем на роль наложниц для взрослых сыновей. Они никогда не смогут выйти замуж. Если же у какой родится ребенок, он станет собственностью чужой семьи. Причем если ребенок — девочка, ее ждет участь своей матери.

Как отмечается в одном из отчетов Оксфордского комитета помощи голодающим при ООН, в крупные города Бразилии ежегодно поставляются более пятидесяти тысяч девочек для местных публичных домов. Возраст этих жертв — не более десяти лет. П. Браун в своей книге рассказывает о письме, которое прислала своим родителям девочка из числа этих обреченных на проституцию. После гостиницы, где не хватило денег, чтобы рассчитаться с хозяйкой за питание и ночлег, писала она, «здесь лучше». Много бывает иностранцев, и хозяйка хорошо платит за каждого клиента. Теперь девочка имеет возможность высылать родителям деньги, чтобы немного облегчить их положение.

Детская проституция широко распространена во многих странах Латинской Америки, но по ее масштабам особо выделяется Гаити, небольшое островное государство в Карибском море. При пяти миллионах жителей этой страны там более или менее открыто занимаются проституцией, как указывается в иностранных источниках, свыше 100 тысяч малолеток, что составляет около 5 процентов местного женского населения. Дело, разумеется, не в каких-то особых природных свойствах гаитянок, чем охотно готовы «объяснить» это грустное явление некоторые из западных лжеученых. Причина — в условиях жизни большинства местного населения. Если

бы было принято обозначать рекордсменов по части доведения жителей страны до нищенского состояния, то одним из первых может стать бывший глава гаитянского режима — американский ставленник Дювалье. Чего стоит одна лишь такая цифра: на 100 тысяч гаитян приходится 0,15 врача, тогда как в современных развитых странах в расчете на такое же количество жителей насчитывается врачей несколько сотен. В стране, расположенной в том же Карибском бассейне, что и Гаити, — на Кубе, где благодаря победе социалистической революции успешно преодолена отсталость, десятилетиями укоренявшаяся империалистическим господством, врачей на 100 тысяч жителей — свыше 200. Как всегда при диктаторском режиме, в самом бедственном положении на Гаити оказались дети. Свыше 70 процентов детей в возрасте до пяти лет не получают здесь нормального питания. Нет ни одной детской больницы. Лишь около четвертой части детей школьного возраста посещает школу, а оканчивают ее только пять из ста учеников. В сельской местности учится примерно лишь каждый десятый ребенок. Яркий, надо сказать, образец «заботы» о детях, которую проявляет современный, «народный» капитализм.

Этот строй калечит детские души не только на окраинах своего владычества, но и у себя дома. Согласно закону нельзя использовать детей на работах в ночных клубах, игорных домах, ночных барах, при постановке эротических фильмов или спектаклей. Но этот запрет сплошь и рядом нарушается в самых цивилизованных западных странах.

Иллюзорны, подчеркнем, абсолютно все законы, которые буржуазные правительства когда-либо пытались использовать в интересах детей. Они не смогли провести в жизнь даже закон об обязательном школьном обучении, хотя общеобразовательная подготовка есть то, в чем должен быть заинтересован буржуа, готовящийся получить новую смену рабочих для своего «дела» в условиях ужесточающейся конкуренции. С одной стороны, капиталист действительно заинтересован в этом, но с другой — куда уйти от соблазна поживиться за счет дешевой рабочей силы, которую, придавленные безработицей родители, готовы поставить дети, подростки. И лопаются, как мыльные пузыри, широковещательные уверения в готовности предоставить возможность всем детям учиться в школе.

А как долго и болезненно рождались на Западе акты

об обязательном школьном образовании. Около 150 лет назад власти в Германии запретили промышленникам использовать на своих предприятиях детей в возрасте до девяти лет. Не стоит доказывать, что детям при этом практически ничего не добавилось для получения образования. Во Франции власти оказались менее щедрыми: было запрещено брать на работу детей, не достигших возраста восьми лет. Законом от 1874 года возрастной ценз был повышен до двенадцати лет. Как ранее, так и теперь продолжительность рабочего дня для детей, работающих трудом на предприятии, не была оговорена. Лишь в 1892 году во Франции появился закон на этот счет: не более десяти часов для детей моложе шестнадцати лет. По закону, принятому в 1919 году, — не свыше восьми часов.

Эти ограничения, как показала жизнь, ничего не меняли и не меняют. Предприниматели-капиталисты без особого труда обходят законы. Запретить использование труда детей, добиться, чтобы все дети учились в школе, — то же, что при буржуазном строе пытаться декретом упразднить эксплуатацию и нищету. Эти явления неразрывно связаны с капиталистической общественной системой, выражают ее природу. Труд детей при капитализме — явление того же порядка.

ВРЕМЯ «НЕЗАКОННОРОЖДЕННОСТИ»

Во все времена существования института брака рождались внебрачные дети. Воспрепятствовать их появлению не смогло ни одно авторитетное предписание. Все, что в этой области смогли сделать правящие круги эксплуататорских классов, — это поставить в преимущественное положение в обществе детей, родившихся «законно». Тем самым автоматически оказались в дискриминационном положении дети, появившиеся на свет в «непредусмотренном» порядке.

Дети, понятно, никак не могли влиять на взаимоотношения их будущих родителей, поэтому нелепо упрекать их в «незаконности» рождения.

Как известно, мораль и право социалистических государств учитывает это обстоятельство в полной мере. Ребенок, родившийся вне брака, ровно ни в чем в наших условиях не ущемляется. Это видно уже на порядке установления отцовства. Оно производится на основании совместного заявления обоих родителей, матери и отца,

в органы загса. При отсутствии совместного заявления отцовство устанавливается в судебном порядке. При этом основанием для решения служит одно из следующих обстоятельств: совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка; совместное воспитание либо содержание ими ребенка; признание ответчиком отцовства, подтвержденное достоверными доказательствами; — как это предусмотрено, например, статьей 53 Кодекса о браке и семье БССР. После этого органы загса производят соответствующую запись об отце ребенка, что дает право при необходимости взыскивать с отца алименты. Существенно при этом следующее: запись об отце производится по фамилии матери, а имя и отчество отца ребенка записывается по ее указанию. Кстати, у автора этой книги когда-то был коллега по работе, по тогдашним меркам пожилой человек, который в документах значился только по имени, с припиской «без отчества». Этот ярлык достался ему по наследству от старого строя. Теперь у нас мать вправе официально закрепить за ребенком отчество. Акт, заметим, важный не только для психологического климата вокруг матери и ребенка, но и в материальном отношении: мать получает право на государственное пособие. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 года «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» с 1 декабря 1981 года размер государственного пособия одиноким матерям увеличен и выплачивается оно до достижения ребенком 16 лет, причем учащимся, не получающим стипендию, — до 18 лет. Согласно статье 20 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик одинокие матери, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, включаются в отдельные списки граждан, кому жилая площадь выделяется в первую очередь. Одинокая мать, наравне с другими матерями, получает больничный листок по уходу за больным ребенком. Одиноким матерям профкомы предприятий и других организаций предоставляют в числе первых места в детских яслях и садах, пионерских лагерях.

Словом, в социалистических странах предусмотрено все для того, чтобы ребенок не чувствовал себя ущемленным в правах и чтобы на нем не лежала печать жизненных неудач, постигших его родителей. Вместо «внебрачный ребенок» надо употреблять выражение «вне-

брачный отец» или «внебрачная мать», замечает Милан Босанац, уже упоминавшийся выше югославский ученый, и он совершенно прав. Буржуазный же порядок, вопреки всякой логике, по-прежнему сводит счеты с «незаконными детьми».

А их удельный вес в общем количестве рождающихся довольно велик. Согласно опубликованным данным, около 10 процентов детей рождается вне брака в США, около 8 процентов — в Англии, около 6 процентов — во Франции. Часть буржуазных исследователей видит причину этого явления в природной сфере, где властно действует половой инстинкт. В действительности же первопричина рождения детей вне брака — в сфере социальных отношений.

Другая часть буржуазных ученых, отвергая биологический подход, объясняет «незаконнорожденность» влиянием определенных социальных обстоятельств. Но это объяснение не выходит за рамки ограниченного буржуазного мышления. Например, некоторые социологи на Западе пытаются представить «незаконнорожденность» как продукт непросвещенности по части современных контрацептивов. Вот-де знали бы все женщины, какие имеются сегодня эффективные средства предупреждения беременности, и можно было бы успешно предотвращать появление нежеланных детей. Но, как уже отмечалось, предположение о контрацептивном невежестве жительниц современных развитых стран попросту наивно. А заключение о том, что дети при неоформленных отношениях родителей всегда нежеланные, безосновательно, надуманно. Их рождение, как правило, есть не что иное, как реализация человеческой потребности в детях (которая в данном случае, как, впрочем, и всегда, более ярко выражена у женщины).

Есть среди буржуазных социологов и такие, которые в своих исследованиях довольно близко подходят к истинным социальным корням «незаконнорожденности». Так, профессор Калифорнийского университета (США) Ширли Фостер Харли, сравнив коэффициенты внебрачных рождений у белых и негритянских женщин в США и отметив, что у последних они в несколько раз выше, указывает на фактическое неравноправие негритянского населения. Это неравенство перед законом проявляется, в частности, в том, что незамужним негритянским женщинам намного труднее, чем белым, получить необходимую медицинскую помощь в месяцы беременности.

Социальная несправедливость проявляется и в факте дискриминации внебрачной рождаемости вообще. В результате в США младенческая и детская смертность среди «незаконнорожденных» примерно на 70 процентов выше, чем среди рожденных в браке (Харли Ш. Ф. Незаконнорожденность. Калифорния, 1975, с. 8). Дав факту такую, социальную, оценку, автор, как это показательно для буржуазного исследователя, не пошел дальше и не вскрыл самую глубокую причину социальной несправедливости, какой является сам капитализм как общественная система. Тем не менее фактические данные, которые приведены этим автором, заслуживают внимания, и объективно они направлены на изобличение буржуазного строя.

Еще с большим основанием это можно сказать о данных, которые относительно положения внебрачных матерей в свое время привел в специальном докладе представитель Финляндии в ООН Виено Войто Саарио. Из этих данных видно, что даже в самой «демократичной» капиталистической стране — США положение одинокой матери крайне шатко. Если это школьница, замечает автор доклада, она может быть исключена из школы. Если она имеет работу, она, как мать «незаконного» ребенка, может ее лишиться, после чего окажется не так просто вновь где-нибудь устроиться, и именно в тот момент, когда она больше всего нуждается в материальной и моральной поддержке. Одинокая мать нередко вынуждена покидать родительский дом, чтобы избежать нападок или ненужного сочувствия со стороны близких и друзей. Встречаемая повсюду как женщина с «испорченным нравом», она лишена возможности достойно жить и тем более преуспеть в жизни.

В развивающихся странах, там, где господствует мораль эксплуататорского общества, положение одинокой матери вообще невыносимо. Например, в африканском государстве Того, как отмечается в упомянутом докладе, на незамужнюю женщину, родившую ребенка, смотрят как на особу, покрывшую позором всю семью, и нередко брат или отец убивает «преступницу». Мужчина же, отец ребенка, прямой виновник случившегося, отделывается легким порицанием. Автор доклада заключает, что общественное мнение в отношении внебрачной матери должно быть более гуманным (Саарио В. В. Положение женщины согласно закону и на деле. Нью-Йорк, 1971, с. 65, 66, 68).

Поскольку социальная несправедливость органически связана с капиталистическим строем, документ, на который мы здесь ссылались, несмотря на пятнадцать лет, прошедших после его опубликования, своей фактической стороной отражает правду сегодняшнего дня.

Если даже кто в буржуазном обществе и соглашается, что рождение «вне закона» не есть вина ребенка, то, во всяком случае, как его беда, роковая, неотвратимая, такое рождение воспринимается неизменно. Показательно в этом отношении судьба французского мальчика, существование которого, как «незаконного», любыми путями пыталась скрыть его мать. Мальчишку держали взаперти, в шкафу, без воздуха и света. Лишь по счастливой случайности оказался он на воле. Можно было бы предположить, что его мать, проявившая такую невероятную жестокость по отношению к собственному сыну, психически нездорова. Но медицинская экспертиза отвергла это предположение. Поступок матери, заметим, вполне нормален для общества, где право на личную жизнь, как и все прочие права человека, накрепко зажаты в клещи традиционной, противоречащей подлинной свободе буржуазной законности.

ПЕРЕД ВОРОТАМИ ТЮРЬМЫ

Одна из серьезных и сложнейших социальных проблем современности — детская (подростковая) преступность. Согласно данным, опубликованным в американской печати, за шестидесятые и семидесятые годы в США более чем в четыре раза возросло количество тяжких преступлений. Арифметика преступности, с которой страна — флагман капиталистического мира вступила в новое десятилетие, — мы приводим данные за 1981 год — выглядела вот как: каждые 48 секунд — вооруженное нападение, каждые 58 секунд — грабеж с применением насилия, каждые 6 минут — изнасилование, каждые 23 минуты — убийство. Следующий, 1982 год был не более благополучным: 22 тысячи убийств и разных ограблений на общую сумму 8,8 миллиарда долларов.

Какова доля подростков среди американцев, совершающих преступления? Частичный ответ на этот вопрос дало министерство юстиции США, указав в одном из своих докладов, что 23 процента особо опасных преступлений совершалось подростками в возрасте моложе

восемнадцати лет. А сколько ими совершено преступлений не «особо опасных»? На этот счет прямыми данными мы не располагаем, но об их большом числе можно судить по резервам, из которых обычно черпаются не только «особо», но и «не особо» опасные преступники. По данным доклада Национального института по борьбе с наркотиками, 15 процентов учащихся средних школ США страдает алкоголизмом, а 65 из 100 учеников регулярно потребляют наркотики. Около миллиона подростков в возрасте от 7 до 17 лет ежегодно покидает родительский дом, и, конечно же, далеко не все из этих скитальцев ведут себя добропорядочно в лабиринтах городских улиц.

Поражают данные о масштабах хулиганства в стенах американских школ. Согласно докладу Национального института просвещения в 1978 году ежемесячно подвергалось ограблению или избиению около 3 миллионов учеников, примерно 125 тысячам учителей угрожали насилием, а по крайней мере 1000 учителей становились жертвами нападений, после которых они бывали вынуждены обращаться за медицинской помощью. У многих из них наблюдаются те же симптомы, какие были у жертв контузий во время первой мировой войны, — так отзывались о последствиях этих преступлений один из американских врачей.

Насилие в школе — явление, распространенное в Англии. Как сообщалось в лондонской газете «Морнинг стар», в среднем каждые 19 секунд один из английских школьников подвергается физическому наказанию. Экзекуция может последовать даже за то, что ученик во время урока «почему-то» улыбался. В графстве Ластершир избиению «за неуместную улыбку» один из учеников подвергся 14 раз, другой — 18. Великобритания, отмечает газета, — одна из немногих стран, где узаконена порка в школе.

А вот статистика, отражающая жизнь детей в другой индустриально высокоразвитой стране — Японии. Согласно «Белой книге о преступности», изданной здесь органами полиции, в этой стране в 1981 году было привлечено к уголовной ответственности 185 тысяч молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет. Сколько было среди них несовершеннолетних? Половина. Причем были и такие, кому едва исполнилось десять лет, а свыше 46 процентов составили тринадцатилетние, пятнадцатилетние. Почти четвертая часть детских преступлений, отмечалось

в «Белой книге», была совершена с применением насилия.

США, Англия, Япония — страны, отличающиеся особой остротой внутренних и внешних противоречий, выраженной состязанием за приоритет в использовании новшеств науки и техники, милитаристскими приготовлениями или прямыми военными авантюрами (США), тяжкими экономическими кризисами и нескончаемой безработицей. Кроме того, все они были участницами второй мировой войны, а подобные события долго в той или иной форме хранят свой след в общественной жизни. На фоне этих обстоятельств не очень поражают масштабы преступности в названных трех случаях.

Но вот относительно спокойная страна — Норвегия. В одном из городских районов ее нефтяной столицы — Ставангера население стало формировать отряды самообороны для защиты от местных хулиганов — подростков, называющих себя «панки». Трое из этих несовершеннолетних молодчиков среди бела дня в центре города совершили изнасилование и пригрозили своей жертве смертью, если она обратится в полицию. Горожане все свои хозяйственные дела предпочитают делать рано утром, когда хулиганы отсыпаются, а позже из дома не выходят, напуганные возможностью попасть в руки бандитствующих юнцов.

Рост преступности в капиталистическом мире, и прежде всего в наиболее могущественных странах капитала, нередко на Западе объясняют особенностями потока информации, который обрушивается на подрастающее поколение в результате бурного развития телевидения, киноиндустрии, развлекательного бизнеса. Причастность этих идеологических институтов к росту преступности несомненна, хотя главная причина этого явления не в них.

По подсчетам американских социологов, дети в США тратят на просмотр телевизионных передач от 25 до 50 часов в неделю. За свои школьные годы ребенок успевает увидеть на экране без малого 20 тысяч разного рода убийств. Около половины детей в Великобритании в возрасте 7—16 лет смотрит, как показало социологическое обследование, записанные на видеокассеты так называемые «грязные фильмы». Около семи тысяч опрошенных детей заявили о сложившейся у них устойчивой привычке к просмотру фильмов с убийствами и порнографией.

Влияние современного буржуазного информационно-

пропагандистского сервиса на детские умы не было бы столь велико, если бы его омерзительная продукция не имела под собой надежной опоры. Точнее, преступность в капиталистическом мире не была бы столь высока и непреходяща, если бы она своими корнями не была прочно связана с самой природой капитализма. Если бы за ней не стояла в конечном счете все та же святыня буржуазного строя — прибыль. С ее главным орудием действия — насилием.

Насилие стояло у колыбели буржуазного строя. Первоначальное накопление капитала ничем не отличалось от действий разбойников с большой дороги. Впоследствии насилие стало более утонченным и даже обрело внешне респектабельный вид, получив название бизнеса.

«Бизнес», «сделка», «операция» — суть этих понятий одна: насилие, откровенное или скрытое. Когда в мире появилось первое социалистическое государство, а затем подобные же еще и еще, хранители основ буржуазного образа жизни сочли удобным перекинуть понятие насилия на сторону социалистических государств, и родился пресловутый вымысел о «насилии над личностью», о «нарушении прав человека» при социализме. А ведь истинный адрес насилия скрыть невозможно. Потому что насилием буквально пропитаны все сферы жизни буржуазного общества. Если взять экономику, то здесь насилие живет в виде извлечения наибольшей прибыли путем эксплуатации и банковского грабежа. В политике — принцип «большой дубинки». В идеологии — культ нации-лидера, якобы призванной устраивать жизнь других народов по своему образу и подобию. В области морально-этической — проповедь вседозволенности под лозунгом «свободы личности».

Насилие проникло и в семейные отношения: родители истязают и даже убивают собственных детей! По подсчетам одного из корреспондентов американского журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт», число случаев жестокого обращения с детьми, равное в США в 1976 году 413 тысячам, возросло в 1980 году до 789 тысяч, то есть почти удвоилось лишь за четыре года. Публиковались данные, согласно которым в США родители лишают жизни две тысячи детей в среднем за год. По мнению американских психологов, родители просто вымещают на детях свое отчаяние.

Уточним: отчаяние, вызванное нехваткой средств к жизни, порожденное беспросветными поисками работы,

остротой жилищной проблемы, нагнетаемым военным психозом. И в конечном счете не вызвано ли это отчаяние все тем же злым духом буржуазного общества — насилием? Зло порождает зло.

А не сплошным ли насилием является торговля наркотиками? Живописное представление о ней нам может дать американский городок Майами, известный не только своими пальмами и золотым пляжем, но и своими гангстерами. Майами — мировая перевалочная база торговли кокаином. Ежегодная прибыль контрабандистов от этого бизнеса — свыше тридцати миллиардов долларов. Как отмечает французский еженедельник «Пари матч», дороги, через которые переправляется запрещенный товар, бывают устланы трупами. По автострадам снуют «кокаиновые ковбои», чинящие зверские расправы над конкурентами. Своей жестокостью они напугали даже мафию.

Буржуазные политики и журналисты нередко позволяют себе публично говорить об отдельных теневых сторонах жизни людей в своих странах. Они могут назвать размеры безработицы, порассуждать о росте инфляции или еще о чем. Сам американский президент огласил годовую цифру совершенных в его отечестве убийств и обрисовал величину ущерба от грабежей. В другой раз он, выступая перед соотечественниками по телевидению, тряс в руке американские монеты и сокрушался, как мало они стали «весить». О таких вещах говорить там не возбраняется. Но лишь при условии, что разговор не выходит за известный предел, не переносится на устои капиталистического общества.

Статистика преступности и комментарии к ней весьма удобны для буржуазных политиков и журналистов при решении задач охраны указанной «запретной зоны». Можно взвалить на преступность большую часть вины за социальные бедствия в стране: вот не было бы убийств, грабежей — населению страны жилось бы намного лучше. Можно за социальные бедствия сделать ответственными учреждения образования, телевидения, кино, развлечений, поскольку они поощряют преступность. Положение якобы изменится, если усовершенствовать систему воспитания.

Эти суждения ставят вещи с ног на голову. Буржуазная система воспитания детей и юношества, хотя она немало способствует росту преступности, сама, как и преступность, является зависимой величиной, и обе они

определяются не чем иным, как природой буржуазного общественного строя. В «Тезисах о Фейербахе», написанных Карлом Марксом в 1845 году, показано, насколько ошибались философы, полагая, что обстоятельства и воспитание оказывают решающее влияние на людей. Обстоятельства, отмечает К. Маркс, изменяются людьми, а воспитателей также надо воспитывать. «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2). Этот вывод, зовущий к революционному преобразованию мира, сохраняет свою высокую актуальность. Применительно к теме начатого нами разговора это означает, что повернуть детей капиталистического мира назад от тюремных ворот может только ликвидация тех основ, на которых покоится буржуазный строй.

3. ЧЕМ КРАСНА ЗАБОТА

Капиталистические страны оказались неспособны воплотить в жизнь принципы, провозглашенные «Декларацией прав ребенка». Попытаемся воссоздать хотя бы самую скромную картину того, чего на деле добились в реализации положений этого документа страны социалистические, и прежде всего Советский Союз, на долю которого выпала нелегкая, но счастливая судьба первому в мире продемонстрировать подлинно гуманистическую, глубоко человеколюбивую сущность социалистических общественных отношений.

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО — ПОД ОПЕКОЙ ГОСУДАРСТВА

Значение, которое материнству и детству придается в социалистических странах, самым убедительным образом характеризуется наличием в их конституциях специальных статей на этот счет. Так, статья 35 Конституции СССР гарантирует правовую защиту, материальную и моральную поддержку материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих маленьких детей. Статьи аналогичного содержания имеются в

Основных законах других социалистических государств. Добавим к этому, что в составе Министерства здравоохранения СССР имеется специальное учреждение, призванное заниматься проблемами материнства и детства. Оно называется Главное управление лечебно-профилактической помощи детям и матерям.

Забота социалистического государства о матери и ребенке наглядно выражается в мероприятиях демографической политики. Но было бы большой ошибкой сводить все к этим мероприятиям. В действительности блага, которыми мать и ребенок пользуются в социалистической стране, гораздо шире пособий и льгот, предусматриваемых в рамках демографической политики. Эти пособия и льготы, употребим еще раз ходкое сравнение, лишь видимая часть айсберга, а скрытая и наиболее обширная его часть — осуществляемая государством социально-экономическая политика в целом. Чем интенсивнее подъем уровня жизни народа, тем более совершенными становятся условия для удовлетворения потребности в материнстве и для воспитания потомства.

Как известно, наиболее общим показателем увеличения богатства страны является объем получаемого национального дохода, под которым разумеют созданную трудом чистую прибавку к ранее произведенным благам. Эта прибавка далеко не всегда означает, что граждане данной страны станут жить лучше. Дело, как мы знаем, не только в величине совокупного дохода, но и в том, как он распределяется. В эксплуататорском обществе львиная доля национального дохода неизменно присваивается господствующим классом, поскольку в его руках находятся средства производства. В обществе социалистическом, где средства производства принадлежат самим производителям благ и где доход определяется трудом, его количеством и качеством, рост объема национального дохода закономерно ведет к увеличению доли каждого в общей прибавке.

Сказанное наглядно подтверждается изменениями уровней реальной заработной платы рабочих и служащих в странах социалистического содружества. Так, если уровни 1970 года принять за 100, то в 1960-м они составили в СССР 74, в 1982 году — 141, в Болгарии — соответственно 70 и 128, Венгрии — 77 и 122 (Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1983, с. 46). В СССР в середине 60-х годов реальные доходы в расчете на душу населения возросли

более чем в 2 раза, выплаты и льготы из общественных фондов потребления — в 2,6 раза.

Ныне 80 процентов городского населения живет в отдельных квартирах. А ведь совсем недавно «коммуналка», где нередко размещалось три, четыре и больше семей, была в стране массовым явлением. Резко возросла благоустроенность жилья. Если в недалеком прошлом квартирой «со всеми удобствами» считалось жилье с центральным отоплением, водопроводом, канализацией, ванной, то теперь подобная характеристика относится только к квартирам, где кроме перечисленных удобств имеются газ, горячая вода, телефон.

Известно, что благоустройство жилья на высшем уровне — явление, показательное в настоящее время не только для наших городов, но и для сельской местности. И все же примечательнее всего — само право на жилище, которое у нас не только провозглашено, но и гарантировано, как и другие права, зафиксированные в Конституции СССР. Между тем кому не известно, что на капиталистическом Западе малоимущие слои населения практически лишены возможности пользоваться благами современного жилья? Сколько в капиталистическом мире бездомных — по той причине, что нечем платить за проживание! Комфортного жилья там немало, в каждом городе имеются кварталы из фешенебельных особняков, но все это не для простого люда — для богатей.

Жилищная проблема у нас пока еще не решена окончательно, не так просто ликвидировать последствия тяжелейших, кровавых и опустошительных войн, пережитых нашей Родиной, но гигантские темпы возведения жилья, причем не лишь бы какого, а вполне современного, со всеми видами благоустройства, отчетливо показывают, что сложнейшая социальная проблема, которую не смогло решить ни одно буржуазное государство, будет у нас, как и в других социалистических странах, успешно решена. При этом весьма существенно, что плата за жилье покрывает лишь незначительную часть общих расходов государства на развитие и содержание жилищно-коммунального хозяйства. Например, в СССР квартирная плата, оставаясь неизменной на протяжении вот почти уже 60 лет (с 1928 года), составляет вместе с платой за коммунальные услуги в среднем 3 процента от доходов семей рабочих и служащих, тогда как в капиталистическом мире жилье поглощает от 30 до 50 процентов семейного бюджета,

х. Благоприятствует ли улучшение жилищных условий материнству? Задавая такой вопрос, мы вроде бы ломимся в открытую дверь: конечно же, благоприятствует, хочется ответить с ходу. Но связь тут отнюдь не простая; и ответ поэтому получится неубедительным. Ведь нам могут возразить: жилищные условия у нас непрерывно улучшаются, а уровень рождаемости при этом не очень-то растет. Что мы на это скажем нашему оппоненту? Скажем все то же: улучшенные жилищные условия на пользу и только на пользу материнству. Однако снабдим этот вывод комментарием. А именно: жилищные, как и все другие условия жизни, при их совершенствовании имеют до поры до времени своим следствием сокращение уровня рождаемости. До поры до времени — пока удовлетворяются и другие важнейшие человеческие потребности, помимо потребности в детях. Когда основные конкурирующие потребности удовлетворены по нормам времени, уровень рождаемости закономерно тянется к отметке, также соответствующей норме. Так что относительное уменьшение числа рождений при более полном удовлетворении потребности в жилье, как и всех других настоятельных потребностей, есть определенный рубеж на пути к улучшению демографической ситуации, некоторому повышению уровня рождаемости. Совершенствование жилищных условий — одна из позиций поощрения материнства, а заодно, разумеется, и детства.

Или взять постановку образования. Нет нужды подробно говорить о роли образования в формировании качественных особенностей населения. В частности, понятно, какое значение имеет образование родителей для воспитания детей. В СССР, как и в других социалистических странах, трудящиеся сполна осуществляют свое право на учебу, на получение знаний. Число граждан, имеющих среднее и высшее образование, резко возросло. Правда, и населения за это же время стало намного больше, что уже само собой в наших условиях означает увеличение числа людей с высоким уровнем образования. Но если численность населения СССР за время с 1939 по 1983 год возросла менее чем наполовину, число наших граждан со средним и высшим образованием за эти же годы возросло в десять раз. Ныне среднее и высшее образование имеет около 90 процентов занятых в народном хозяйстве, показатель 1939 года — 12 процентов. Учащихся в нашей стране сегодня более 100 миллионов, что составляет около 40 процентов населения.

Показательно, как развивается у нас в стране санаторно-курортное дело, как расширяется и совершенствуется сеть учреждений отдыха. Заметим, что Советскому государству от царской России досталось лишь несколько десятков курортов. Около 40 процентов от общего числа приезжавших туда на довольно длительный срок были дворяне, около 20 процентов — буржуа, около 10 — офицеры, около 25 процентов — представители высшего духовенства и чиновничества. Простым труженикам дорога туда была заказана. Им это было абсолютно не по карману. Недоступно в такой степени, что никто и не мечтал о такой роскоши. Тот, кто, случалось, бывал в Ливадии, наверное, слышал от экскурсовода, что, когда предложили группе крестьян отдохнуть в бывшем летнем дворце царя, преобразованном Советским государством в санаторий для трудящихся, крестьяне стали отмахиваться от этого «наваждения» — так было это для них необычно, невероятно.

В настоящее время ежегодно в нашей стране поправляет здоровье более 60 миллионов человек. В 1932 году число путевок для лечения и отдыха лишь немногим превышало 1 миллион. Таковы темпы развития сети санаторно-курортного лечения и, как мы теперь говорим, индустрии отдыха.

А теперь о непосредственных проявлениях заботы о матери и ребенке — мероприятиях демографической политики. Главное в системе этих мероприятий — стремление максимально ослабить противоречие между профессиональной занятостью женщин и их материнской функцией, создать женщине наиболее благоприятные условия для участия в общественном труде и для воспитания детей. Основами законодательства Союза ССР и союзных республик запрещено использовать труд женщин на тяжелых работах и на работах, вредных для здоровья с учетом особенностей женского организма. В частности, не разрешается привлекать женщин к работам, на которых им пришлось бы переносить или передвигать тяжести, превышающие предусмотренную законом норму. Как правило, исключается для женщин работа в ночное время, а для беременных она запрещена категорически. Более пяти тысяч инспекторов профсоюзных организаций страны и около трех миллионов общественных инспекторов из числа передовиков производства, представительниц женского актива, следят за неукоснительностью выполнения этих требований.

Весной 1978 года специальным постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по улучшению условий труда женщин, занятых в народном хозяйстве» был утвержден новый список производств, профессий, работ, на которых труд женщин не должен применяться.

Особая забота проявляется об условиях, связанных с беременностью и родами. По беременности женщина в СССР получает полностью оплачиваемый отпуск продолжительностью почти два месяца — 56 дней. После рождения ребенка она пользуется отпуском такой же величины. Если женщина родила двоих детей и больше, послеродовой отпуск увеличивается. Начиная с 1981 года женщина-мать пользуется правом получения дополнительного, частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. По необходимости отпуск может быть продлен еще на полгода. На эти шесть месяцев заработок не сохраняется, однако сохраняется место работы, не прерывается трудовой стаж — вот почему женщины охотно пользуются этой дополнительной льготой. Укажем для сравнения, что в большинстве стран Запада пособия по беременности и родам могут получать лишь те, кто вносят предварительные взносы в фонд социального страхования.

Общее представление о росте объемов упомянутых нами пособий и льгот дает следующий факт: различные пособия матерям, составлявшие в 1960 году немногим более 1 миллиарда рублей, в 1982 году уже были равны 3,3 миллиарда. На эти же цели колхозами, профсоюзными и другими общественными организациями в 1982 году было израсходовано свыше 3,7 миллиарда рублей.

Под строгой охраной советского закона постоянно находится здоровье матери и ребенка. Кормящие матери, женщины, имеющие детей в возрасте до одного года, ни при каких обстоятельствах не могут назначаться на работы в ночное время, на сверхурочные работы, не могут направляться в командировки администрацией без их согласия и в том случае, когда у женщины имеются дети в возрасте до восьми лет.

На страже здоровья матери и ребенка стоят многочисленные женские консультации и детские учреждения здравоохранения. В дореволюционной России на всей громадной территории страны было всего 9 консультаций, обслуживающих женщин и детей. В 1940 году в СССР насчитывалось 8,6 тысячи женских консультаций,

детских поликлиник и амбулаторий, а к концу 1983 года — почти 27 тысяч, или в три с лишним раза больше, чем в 1940 году. В 1911 году лишь 5,2 процента женщин получали медицинскую помощь при родах, в настоящее время практически все женщины при родах обеспечены медицинской помощью (Вестник статистики, 1985, № 2, с. 64).

Существенна такая деталь. В случаях, когда беременность осложнена, женщину госпитализируют, помещают в специальное отделение стационара. Согласно данным медицинской статистики, благодаря своевременному проведению курса стационарного лечения удается заметно уменьшить число неблагоприятных родов, в частности, снизить риск гибели новорожденного в восемь раз при таком частом у беременных осложнении, как токсикоз.

Медицинские работники неустанно следят за здоровьем новорожденных. На первом году жизни малыш подвергается медицинскому осмотру 13—14 раз, на втором детский врач осматривает его каждый квартал, на третьем году жизни педиатр осматривает ребенка не реже двух раз в год. А не о многом ли говорят такие цифры? Изучением проблем педиатрии заняты в СССР 26 научно-исследовательских институтов, 62 медицинских вуза и университета.

Детям в обязательном порядке делаются прививки от полиомиелита, коклюша, дифтерии, других опасных для жизни инфекционных заболеваний. Прививки, заметим, не сотням, не тысячам — миллионам детей. Ежегодно проводятся профилактические осмотры дошкольников, учащихся средних школ, профессионально-технических училищ. Цель этих осмотров — выявить возможные заболевания на их самых ранних стадиях и принять необходимые меры лечения. Для наблюдения за сельскими детьми, в особенности проживающими в мелких населенных пунктах, широко используются передвижные виды медицинской помощи: оборудованные на шасси автомобилей-вездеходов поликлинические кабинеты, диагностические лаборатории, рентгенологические, флюорографические, стоматологические установки. Дети, страдающие хроническими заболеваниями, имеют возможность лечиться в санаториях. Лишь в системе Министерства здравоохранения детских санаториев имеется более тысячи. Ежегодно они принимают более полумиллиона детей. Множество санаториев функционирует при профсоюзных организациях крупных предприятий. Уже в те-

чение многих лет существуют у нас в стране «лесные школы», специализированные детские сады и школы-интернаты. Здесь дети одновременно с лечением учатся по обычной школьной программе. В пионерских лагерях ежегодно отдыхает свыше 20 миллионов ребят.

Советское государство проявляет постоянную заботу об улучшении материального положения семей с детьми. Если совокупный доход в среднем на члена семьи не превышает 50 рублей в месяц, на каждого ребенка выплачивается пособие до достижения им восьмилетнего возраста. Специальным пособием поощряется рождение ребенка: первого — пятьюдесятью рублями, второго и третьего — ста рублями.

Одиноким матерям ежемесячно выплачивается денежное пособие на ребенка до достижения им 16-летнего возраста, а если он учится, выплата пособия продлевается до 18 лет.

В январе 1985 года введен новый вид пособий на детей — денежные выплаты в случаях уклонения родителя от уплаты алиментов. В период розыска нарушителя закона — сколько бы розыск ни длился до момента, когда нарушитель выплатит государству весь долг, а также дополнительно 10 процентов от этой суммы для покрытия различных издержек — мать получает от государства 20 рублей в месяц на одного ребенка, 30 — на двоих, 40 — на троих, 50 — на четверых и более детей.

В системе мероприятий, поощряющих материнство и детство, значительное место занимает помощь молодым семьям. Государство, в частности, помогает им в устройстве их быта. В соответствии с принятым в 1981 году постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» молодые семьи имеют право получать по месту работы беспроцентную ссуду в размере до 1500 рублей для обзаведения домашним хозяйством. Срок погашения ссуды — до 8 лет. Условия для получения такой ссуды — наличие в семье ребенка. Если в течение срока до 8 лет после получения ссуды в семье появится второй ребенок, размер выплат по ссуде сократится на 200 рублей, с рождением третьего ребенка — дополнительно на 300 рублей.

В ГДР подобная практика поощрения рождаемости существует уже на протяжении многих лет. Ссуда молодым в размере 5 тысяч марок, предоставляемая на 8 лет для строительства жилья, приобретения мебели

и т. д., погашается частично после рождения первого ребенка, а с появлением третьего погашается полностью.

Социалистическое государство берет на себя основную часть расходов по содержанию дошкольных учреждений. В СССР содержание одного ребенка в яслях обходится в сумму около 600 рублей в год, доля же родителей в ней составляет в среднем около 120 рублей, или 10 рублей в месяц. При доходе на одного члена семьи, не превышающем 60 рублей в месяц, и для семей, где имеется четверо и больше детей, содержание в яслях и садах — бесплатное.

Как при этом возрастают расходы государственных и общественных организаций на содержание дошкольных учреждений, можно судить по таким цифрам: в 1960 году в СССР детей в яслях-садах было 359 тысяч, в 1982 году их стало уже 12 миллионов. К ним добавим около 2 миллионов дошкольников, которые находились в 1982 году в сезонных дошкольных учреждениях и на детских площадках.

В других социалистических странах также быстро растет численность малышей, воспитывающихся в детских яслях и садах. В Болгарии в расчете на 100 детей было «организованных» в 1960 году 33, в 1981 году — 51,4, в Венгрии — соответственно 29,1 и 62, ГДР — 32 и 80, Польше — 10,3 и 25,8, Румынии — 14,5 и 43, Чехословакии — 23,3 и 52,3 (Аперьян В. Е. Социализм: население и экономика. М., 1983, с. 74).

В социалистических условиях расходы на содержание и воспитание дошкольников несет, как отмечалось, главным образом государство. Между тем в капиталистических странах эти расходы весьма чувствительны для бюджета большинства семей. И не потому ли в США в 1980 году из 7 миллионов малолетних детей, имевшихся у работающих матерей, около 5,5 миллиона оставались дома, часто без присмотра. В Англии услугами детских садов пользуется не более 1 процента работающих матерей. В Австрии устроено в яслях примерно лишь 2 процента малышей, в ФРГ — 1 процент, во Франции — 1,5 процента. Уже один этот факт указывает на глубоко разное отношение к материнству и детству в двух общественных системах. Для социализма это отношение характеризуется высокой гуманностью, глубоким уважением к потребностям, удовлетворение которых развивает, облагораживает личность. Для капиталистической системы — это отношение, которое, как и во всех других

случаях, отражает интересы самые узкие, эгоистические, диктуемые лишь потребностями капиталистической выгоды.

ОТ ЛУБЯНКИ ДО АЮДАГА

Беспризорность и счастливое детство — вот вехи, которыми хотелось бы обозначить путь, пройденный советской детворой за годы после Октября. Первую из этих вех пометим в нашем рассказе названием старинной московской улицы, где в большом доме на заре Советской власти осуществляла свою деятельность ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия во главе с легендарным Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

В январе 1921 года была образована Комиссия по улучшению жизни детей при высшем законодательном органе Советской России — ВЦИКе. По предложению В. И. Ленина эту комиссию возглавил Ф. Э. Дзержинский. Под его руководством была проделана огромная работа по борьбе с беспризорностью. Но забота чекистов об обездоленных детях началась не с даты образования специальной комиссии, а несколько ранее. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях непосредственный участник событий тех лет Н. П. Дубинин.

Как и многие тысячи его сверстников, голодных, оборванных, мальчик Коля Дубинин колесил по России в поисках куска хлеба и пристанища. Где попало прятался по ночам от холода. Утром выползал из своей норы, и начинались поиски пищи. Так, возможно, бродяжничал бы Коля еще долго, если бы не случай, приведший его с группой беспризорных ребят на Красную площадь. Это было 1 Мая 1919 года. В честь праздника был устроен парад, который принимал Ленин. Работники кино снимали парад на пленку, и Коля Дубинин, стоявший вместе с другими мальчиками возле автомобиля Ильича, попал в кинокадр, запечатлевший великого вождя в одну из памятных дат нашей истории. Николай Петрович Дубинин, ныне известный ученый-биолог, лауреат Ленинской премии, в тот весенний день еще не знал, с кем стоял рядом, но понял, что в машине «сидел человек, который оказался добрым», поскольку разрешил рядом с собой полюбоваться проходившими по площади праздничными колоннами.

Н. П. Дубинин рассказывает в своих мемуарах, что в тот день группа военных выудила его и других ребят

из их убежища и привела к большому дому на Лубянке. Тут их сумели убедить, что пора покончить с беспризорной жизнью и что нужно определиться в детский дом. Ребята согласились (Подписаны Лениным. Документы, письма, воспоминания. М., 1979, с. 112—113).

Война империалистическая, война гражданская, голод, эпидемии — много сирот породило это лихолетье. Всякие были среди беспризорных подростков. Были и такие, что врываются в частные дома и обирали его жильцов, нападали на прохожих, грабили вагоны на станциях. Требовалась строгая и в то же время добрая отеческая рука, чтобы навести порядок в этом ребячьем хаосе. И партия, Ленин возложили это необычайно ответственное дело на ЧК. Чекисты успешно справились с труднейшей задачей.

Важно отметить следующее. Хорошо проявлять заботу о ком-либо, когда для этого имеется все необходимое. Если же ради блага других в условиях, когда никто другой сегодня не сможет помочь, приходится буквально отрывать от себя, то цена такой заботы выше во много раз.

Вот пример. Надо было срочно оказать помощь голодающему населению Москвы и Петрограда. И прежде всего спасти от голодной смерти детей. Всем, кому было дорого дело революции и будущее страны, глубоко запали в душу ленинские слова: «Мы, взрослые, поголодаем, но последнюю щепотку муки, последний кусок сахара, последний кусочек масла мы отдадим детям...» (Подписаны Лениным, с. 64). Повсюду в стране активисты-ленинцы приступили к организации помощи красным столицам, как тогда в народе именовали Москву и Петроград. Одним из таких организаторов был народный судья г. Саратова С. А. Королев. По его предложению было созвано экстренное заседание Саратовского городского Совета. Королев выступил на заседании с простой, но волнующей речью. Не найдется, говорил он, ни одного настоящего рабочего, который не согласился бы поделиться последним с голодающими. Причем нужны не единовременные отчисления, а периодические отправки маршрутных поездов со съестными припасами, чтобы хоть сколько-нибудь помочь нуждающимся. Это будет не проявлением великодушия, а исполнением обязанности. Участники заседания постановили отчислять «по четверти фунта от каждого пайка» в течение недели со всех без исключения граждан города Саратова.

И вот результат. Первый поезд с продуктами, отправившийся из Саратова, имел в своем составе 13 вагонов пшеничной муки, 2 вагона манной крупы, 10 вагонов рыбы. Неимоверно труден и опасен был путь. Лишь к исходу тринадцатых суток груз доставили в Петроград. Чего только не случалось в дороге: и лес валили, чтобы дровами поддерживать огонь в топке паровоза; и ведрами сыпали в паровозный котел снег, поскольку редко удавалось заправиться водой; и, что бывало в ту пору не редкостью, отбивались от бандитов, грабителей. Хотя и с огромными трудностями, но задача была выполнена.

А затем мобилизация продуктов для голодающих детей развернулась среди саратовцев еще шире. В движение включились юные жители города. По их предложению была произведена оригинальная замена билетов в городской драмтеатр на спектакль «Золушка»: право на вход давали принесенные с собой сухари (в узлах, мешочках, корзиночках). Собранное поступало в фонд Саратовского совета защиты голодающих детей красных столиц. Помощь стала поступать и от жителей окрестных деревень. Почин был сделан крестьянами Шумейки Новоузенского уезда, где сельский сход решил: «Нужно немедленно прийти на помощь малюткам». За полтора месяца в Петроград и Москву волжане отправили около 60 вагонов с продуктами.

Огромной тяжести дела лежали в те грозные годы на плечах руководителей молодой Республики Советов, и прежде всего В. И. Ленина. Казалось бы, многие из этих дел можно было поручить работникам аппарата — людям надежным, имеющим богатый опыт революционной борьбы. Очень многое действительно целиком поручалось этим людям, но в организацию питания детей — в это сверхважное дело вникал, как правило, лично председатель Совнаркома.

Можно в качестве примера привести такие факты. В телефонограмме, поступившей на имя В. И. Ленина 22 февраля 1920 года от члена продовольственного отдела Моссовета А. Б. Халатова, сообщалось, что на станцию Москва Казанской железной дороги в адрес Предсовнаркома прибыл вагон проса и что требуется распоряжение о месте дальнейшей доставки груза. В. И. Ленин написал на тексте телефонограммы: «Халатову: если можно, прошу для детей. Ленин». В другой раз В. И. Ленин просил направить продовольственный груз, поступивший в Москву с Кавказа, «для распре-

ления среди детей и больных пролетариев голодающих центров». Речь шла о шести тысячах пудов паюсной черной икры, которые Азербайджанским совнархозом предназначались к вывозу за границу в порядке самостоятельного товарообмена. В. И. Ленин указал на нежелательность этой операции, исходя из общегосударственных интересов того времени. Вскоре два сотрудника из Баку доставили в Москву шесть вагонов икры. На записке, переданной в этой связи Ильичу из приемной, появилась резолюция: «В Компрод для детей». Слово «детей» было подчеркнуто тремя линиями (Подписаны Лениным, с. 81, 82, 83).

Особую тревогу вызывала у руководителя Советского правительства судьба детей в связи с разразившимся в 1921 году на территории ряда губерний голодом. В. И. Ленин 7 октября 1921 года обращается с подробным письмом к рыбакам, ведущим промысел в Аральском море. «Дорогие товарищи,— писал Владимир Ильич,— до вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде — о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья. Начиная от Астраханской губернии и кончая Татарской республикой и Пермской губернией, всюду засуха выжгла почти окончательно и хлеб и траву». Среди голодающих было семь миллионов детей. В. И. Ленин выразил надежду на помощь, которую аральские рыбаки окажут голодающим (Подписаны Лениным, с. 89—90).

Нелегко перечислить декреты, постановления, инструкции, указания СНК по вопросам детского питания — их было множество. Вот некоторые из них. В сентябре 1918 года СНК был издан декрет об усилении детского питания. Народному комиссариату просвещения поручалось немедленно организовать при всех школах столовые для обеспечения всех школьников горячей пищей, а для детей в возрасте от пяти до шестнадцати лет, которые не посещают школу, открыть пункты питания. Кормящим матерям и детям до пяти лет декретом предоставлялось право на получение дополнительного питания. Декрет обязывал продовольственные органы взять на учет все запасы шоколада и какао для их распределения в первую очередь среди детей от двух до шестнадцати лет, а также среди больных. Предусматривалось строжайшее распределение манной крупы. В мае 1919 года был издан декрет о бесплатном детском пита-

нии. Этим документом расширялось число районов, где за питание детей родители денег не вносили; возраст бесплатно обслуживаемых питанием детей был повышен до шестнадцати лет. Подписанной В. И. Лениным в августе 1919 года «Инструкцией СНК об управлении советскими хозяйствами» предусматривалось поступление излишков молока в первую очередь для нужд детей.

Обеспечение детского питания осуществлялось правительством молодой республики в тесной связи с другими мероприятиями по поддержанию жизни и здоровья подрастающего поколения. В апреле 1919 года декретом СНК было введено обязательное для всего населения привитие оспы. Тем самым создавалась гарантия предотвращения эпидемий страшной болезни, жертвами которой, как всегда, в первую очередь становились дети. Для детей, слабых здоровьем, открывались школы санаторного типа, «лесные школы», где учащиеся постоянно находились под наблюдением врачей и пользовались всеми благами, которые человеку может дать тесное общение с природой.

Еще в ноябре 1917 года был образован специальный отдел школьной медицины и гигиены при Государственной комиссии (впоследствии комиссариате) по народному просвещению. Одной из задач отдела была организация физического воспитания в школе. По предложению В. И. Ленина, в школьную программу были включены уроки физической культуры. На Московский институт физической культуры решением правительства была возложена разработка методики проведения таких занятий, для чего к нему была прикреплена опытная школа-интернат. В сентябре 1921 года вышло подписанное В. И. Лениным «Положение СНК об охране здоровья подростков и детей РСФСР», которым предусматривалось объединение усилий врачей и педагогов для воспитания физически закаленной, здоровой смены.

Непосредственно с охраной здоровья подрастающего поколения были связаны правовые меры по охране труда подростков. Всего лишь через четыре дня после победоносного штурма Зимнего дворца, 29 октября 1917 года, вышло правительственное постановление об ограничении труда подростков. Рабочий день для них сокращался до шести часов. Кодексом законов о труде запрещалось принимать на работу подростков моложе шестнадцати лет. Для всех работающих в возрасте до восемнадцати лет устанавливался шестичасовой рабочий день. Суро-

вые условия гражданской войны вынудили отступить от этого законоположения. Подросткам, начиная с четырнадцати лет, приходилось заменять ушедших на фронт отцов и братьев. Но их рабочий день при этом не должен был превышать четырех часов. И длилось такое положение сравнительно недолго. В Программе РКП(б), принятой в 1919 году VIII съездом партии, была поставлена задача — окончательно снять с работы малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков. Местные органы немедленно приступили к реализации этой задачи. Четырнадцатилетние направлялись в школу. Причем тем подросткам, для которых заработок на производстве был единственным источником существования, государство стало выплачивать пособия. Все подростки ежегодно проходили медицинский осмотр. Слабых здоровьем определяли на более легкую работу, давали возможность лечиться за государственный счет.

Не были обойдены вниманием подростки, состоявшие в найме у мелких частных предпринимателей или работавшие на ненационализированных предприятиях (такие еще существовали в первые годы Советской власти). Показателен в этой связи судебный процесс над 35 дельцами (владельцами чайных, сапожных мастерских, булочных), состоявшийся в Москве в декабре 1921 года: судили нарушителей Кодекса законов о труде за эксплуатацию малолетних подростков и женщин, за удлинение установленной законом продолжительности рабочего дня. Между прочим, сошлется ли кто на подобный суд в какой-либо капиталистической стране?

Здоровье — это лишь одна сторона заботы, которую с самого начала проявило о детях правительство молодого Советского государства. Другая ее сторона — вооружение подрастающего поколения необходимыми знаниями и навыками, воспитание у него высоких идейных и моральных качеств. Принятая 10 июня 1918 года на V Всероссийском съезде Советов Конституция РСФСР своей 17-й статьей провозгласила в качестве государственной задачи предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полного, всестороннего и бесплатного образования.

Уместно заметить, что в царской России расходы на просвещение составляли 80 копеек в год на человека. Возможность учиться имел в среднем лишь каждый пятый ребенок. Провозглашение всеобщего бесплатного образования — одно из величайших благ, которые дала

трудящемуся народу победившая Октябрьская революция. Уже к 1921 году, ко времени, когда заканчивалась гражданская война, в республике Советов функционировало около 31 тысячи школ. Расходы на образование рассматривались В. И. Лениным как одни из самых необходимых. По предложению Владимира Ильича по окончании гражданской войны были сокращены затраты на капитальный ремонт судов и сэкономленные деньги — два миллиона рублей золотом — были переданы Народному комиссариату просвещения.

Большое значение правительство молодой Советской республики придавало профессионально-технической подготовке учащихся школ. Был издан специальный декрет (июнь 1919 года) о мерах распространения профессионально-технических знаний. В этом документе подчеркивалось, что необходимым условием окончательной победы нашей революции является повышение производительности общественного труда и что наиболее быстрым и верным способом достижения этого является распространение в широких народных массах профессионально-технических знаний и умений. Эта установка непосредственно вытекала из положения, сформулированного В. И. Лениным еще в годы борьбы с народничеством. В статье «Перлы народнического прожектерства» (1898 год) Владимир Ильич высказал идею о необходимости добиться единства образования и производительного труда. Ни обучение и образование без производительного труда, писал Ленин, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 485). Ленинская идея была воплощена в жизнь политехнизацией школы. Ныне, по мере осуществления школьной реформы, политехнизация поднимается на новую, более высокую ступень.

В просвещении никогда у нас не упускалась такая важная его сторона, как эстетическое воспитание. Весьма примечателен случай, характеризующий отношение В. И. Ленина к развитию у подрастающего поколения чувства прекрасного, влечения к искусству. Как-то к Владимиру Ильичу обратились с просьбой о помощи профсоюзные активисты Путиловского завода в Петрограде; узнав, что в местном отделе народного образования задерживают реализацию принятого заводчанами решения

о создании при заводе детской художественной студии, и прочитав письмо путиловцев, Ленин, обращаясь к присутствующим в его кабинете, сказал: «Вы слышите, чего путиловцы хотят? Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: «Подождите годик!» Никаких промедлений, студию надо организовать!» (Подписаны Лениным, с. 19—20). Распоряжением председателя СНК под студию для детей рабочих Путиловского завода был отведен прекрасный особняк на Рижском проспекте. Своими силами рабочие привели в порядок здание, раздобыли рояли, струнные инструменты и даже ящик кастаньет. Так появилось одно из первых советских учреждений эстетического воспитания детей.

Важную составную часть просвещения составило в Советской республике с самых первых лет ее существования дошкольное воспитание. Д. А. Лазуркина, член партии с 1902 года, первая руководительница дошкольного отдела Наркомпроса РСФСР, вспоминает, с чего дошкольное дело начиналось. Когда Владимир Ильич предложил ей заняться организацией дошкольного воспитания, рассказывает Д. А. Лазуркина, она даже растерялась: ведь ни в России, ни где-либо за границей ничего подобного не было. К тому же время ли заниматься воспитанием малышей? В стране голод, разруха, война. Трудно это, очень трудно, подтвердил Ленин, но ведь все то, что мы делали до сих пор, делаем сейчас — революция, пролитая кровь, — ведь все это, в конце концов, для них, для наших детей. Им довершать начатое, им строить коммунизм... И тут же Ленин стал развертывать свою программу создания первых в стране детских садов и детских домов. Несколько позднее, узнав о трудностях с помещениями, которые встретились при создании дошкольных учреждений, Ленин сказал Лазуркиной, что даст указание Дзержинскому «лучшие особняки, отобранные у буржуазии, передать под детские сады и детские дома. Кровати, посуду — все отдать детям из экспроприированного у богатей имущества» (Подписаны Лениным, с. 120—121). Это было сказано в те дни, когда на Петроград наступал Юденич, когда Страна Советов была зажата в огненное кольцо фронтов. Даже в это тяжелейшее для революции время Владимир Ильич считал нужным заниматься таким, казалось бы, непервостепенным делом, как организация воспитания детей с первых лет их жизни.

Дети страны воспринимали, не могли не восприни-

мать, не могли не чувствовать всей душой ленинскую заботу о них. Вот содержание некоторых из детских писем Ленину. Ученик 1-го класса 5-й Петроградской гимназии Лев Миллер, девяти лет, просит «господина Председателя» прийти на помощь ему и его семилетней сестренке, поскольку они «очень бедны и не имеют ни сапог, ни галош, ни теплого пальто». Отец умер, мать тяжело больна, спасти ее может только выезд куда-нибудь из Петрограда. «Когда мы вырастем, — говорилось в конце письма, — я сделаюсь солдатом и буду Вас защищать». По поручению Председателя СНК семье Миллеров была оказана необходимая помощь.

Девочка Тюне Сильвентойнен просила в письме «доброе дядю Ленина» прислать ей к рождеству большую куклу с закрывающимися глазами, а для ее младшей сестры — мишку. «Мы здесь живем ничего. Только другой раз нечего кушать, и наш папа все худеет и все-таки работает». Девочке совестно, что она беспокоит дядю Ленина, у которого и без этого много забот, поскольку и многое другое надо выдавать детям бесплатно. Вскоре, это было в декабре 1919 года, из канцелярии СНК было направлено письмо в Горпродукт с просьбой по возможности выдать девочке игрушки из запасов, имеющихся на складе.

В ответ на заботу ребята писали Ленину о своих чувствах преданности делу революции, Советской власти. Пятнадцатилетний мальчик Ваня Иванов просил товарища Ленина издать постановление о мобилизации в армию его сверстников. Ему очень хочется защищать Советскую власть, но самовольно уйти из дома он не может — родители не пустят. Если постановление о мобилизации невозможно издать для всей России, то пусть товарищ Ленин делает это, по крайней мере, для Ливенского уезда Орловской губернии, где живет автор этого письма. Другой мальчик, Тихон Курков, в письме Ильичу сообщал, что, как честный мальчик, он состоит у себя в Пролей-Каши председателем культурно-просветительного кружка, является членом ревизионной комиссии и в это же время секретарем в сельском исполкоме (Подписаны Лениным, с. 149, 153, 151).

Прошли годы. Выросла и окрепла наша держава. Выстояв во всех испытаниях, стала могучей и богатой. И ее беспредельная щедрость по отношению к подрастающему поколению стала опираться уже на совсем иные, не сравнимые с масштабами прошлого, материаль-

ные возможности. Благоустроенные детские ясли и сады, прекрасные школы, роскошные дворцы, летние пионерские лагеря — все это ныне хранится в сознании наших детей в таком виде, словно это у нас имелось всегда, словно существует со дня рождения Советского государства. А ведь сколько за этим жертв, лишений, героизма народов, отстаивавших свое право на свободную и достойную жизнь.

Счастливое детство, которое принес социализм, лучше всего, как нам кажется, выражено словом, ныне хорошо известным всем детям и взрослым. Слово это — Артек. Всесоюзный пионерский лагерь, точнее, знаменитая международная пионерская здравница. Те, кому посчастливилось побывать там, имеют об Артеке самое, что называется, прямое представление, выразить которое из-за избытка восторга бывает нелегко. Те, кто там не бывал, воссоздают это чудо в своем сознании. Воссоздают нередко с определенной добавкой фантазии. Но в любом случае это представление отражает и высокий комфорт, который создан в знаменитой здравнице, и красочную романтику, с которой всегда неразлучна детская душа.

Раньше романтика для пионеров порою ограничивалась лагерными палатками и печеной картошкой, о которой в веселой пионерской песенке говорилось, что не знает наслажденья тот, кто такой картошки не едал. Ныне пионерская романтика ярче всего отражена серией названий, связанных с Артеком. Это, прежде всего, Аюдаг, у подножья которого раскинулись артековские сооружения.

С обликом таинственного Аюдага — Медвежьей горы — созвучны такие названия лагерей Артека, как «Морской», «Горный», «Воздушный», «Прибрежный», «Лазурный», «Кипарисный». Красками радуги озарены названия летних корпусов-дворцов: «Красный», «Синий», «Изумрудный», «Оранжевый». А от названий пионерских дружин как бы веет запахом родниковой воды и сочной хвои — «Речная», «Озерная», «Лесная», «Полевая», и как бы доносится отсвет загадочных пещер — «Янтарная», «Хрустальная», «Алмазная».

Лубянку — место, символизирующее начало борьбы с беспризорностью, — мы обозначили как первую веху на пути, пройденном детворой нашей страны. Аюдаг, олицетворяющий счастливое детство, — вторая веха на этом пути.

Туристы из капиталистических стран, которым во время путешествий случается заглянуть в Артек, никак не могут свыкнуться с мыслью, что государство способно проявлять такую заботу о детях. У них что-то похожее могут обеспечить лишь в частном порядке. Очень состоятельные родители могут организовать красивый, с позиций буржуазных представлений, отдых своим детям. Но чтобы организацию отдыха, о котором только можно мечтать, и, что очень важно, отдыха для многих тысяч ребят, взяло на себя государство — такое там исключено. Именно это, по существу, выразил американский космонавт Фрэнк Борман, побывавший в Артеке со своими сыновьями — мальчиками четырнадцати и шестнадцати лет. По свидетельству сотрудника лагеря, сопровождавшего гостя при знакомстве с Артеком, семьей Борманов владело чувство растерянности. «Я сожалею, — сказал старший Борман, — что моим сыновьям не довелось отдыхать в таком лагере, как Артек» (Пионер, 1975, № 6, с. 5).

Летом 1983 года в Артеке побывала вместе со своими родителями американская школьница Саманта Смит. Она, как мы помним, незадолго до этого обратилась с письмом к главе Советского государства. В этом письме Саманта сообщала о тревоге, которую люди в США испытывают в связи с резким ухудшением международной обстановки. Она хотела получить лично от главы нашей страны ответ об отношении СССР к ядерной войне, проблемам ее предотвращения. Ответ последовал в виде приглашения ей, ее матери и отцу приехать в Советский Союз и самим убедиться в миролюбии советского народа. После знакомства с Москвой гостя на второй день отправилась во Всесоюзный пионерский лагерь. Ее впечатления от этой поездки запечатлены в записи, которую она оставила в лагерной книге по окончании отдыха в Артеке: «Я очень полюбила ваш лагерь и хотела бы сюда вернуться. Ваши взрослые и дети — лучшие в мире».

По возвращении на родину Саманта Смит стала страстным пропагандистом дружбы между американским и советским народами, издала книгу о своей поездке в Советский Союз, неоднократно с рассказами о своем замечательном путешествии выступала по телевидению. И, наверное, долго еще продолжалась бы благородная деятельность юной американки, если бы не это трагическое событие — ее гибель в авиационной катастрофе в

сентябре 1985 года. Немного прожила на свете Саманта, но сделать успела многое: посеяла семена правды о делах и помыслах советских людей.

НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ — МИР

Счастье человека и война — понятия, исключаящие друг друга. Здравый смысл решительно отвергает всякое иное представление о них, когда они поставлены рядом. Это нелишне отметить, поскольку на Западе еще не перевелись теоретики, преподносящие несовместимые понятия в обертке «гармоничного единства». Война, утверждают они, обновляет силы общества, вливает в его организм свежую кровь. Бесстыдно умалчивают они о бесчисленных жертвах среди самой жизнеспособной части населения, о крушении судеб многих поколений людей.

Ни с чем не сравнимой катастрофой оборачивается война для семьи, для детей. Пятьдесят миллионов погибших в годы второй мировой войны, пятьдесят миллионов павших на фронтах, сожженных в печах концлагерей, умерших от голода и болезней — это далеко не все, чем люди заплатили за авантюризм гитлеровского фашизма и за преступные деяния тех, кто прямо или косвенно помог взрастить фашистского зверя. Цена жертв империалистической экспансии была намного выше. И именно на семье особенно сильно сказались ее последствия.

Никогда не будет забыто, как рушилось семейное благополучие, счастье семьи из-за гибели то ли отца, то ли матери, то ли детей — одного или всех сразу. В Жодино, городе знаменитых БелАЗов, есть памятник белорусской женщине, изображающий мать в горестную минуту расставания с сыновьями, уходящими на войну. Их пятеро, ее сыновей. Последний, самый младший, полубернувшись, словно говорит ей: жди возвращения с победой. Победа пришла. Но не пришли домой пятеро сыновей. В этом памятнике запечатлена судьба миллионов людей, чье семейное счастье так безжалостно, жестоко разбила война.

А семьи, которые вот-вот должны были сложиться. Не сосчитать женихов и невест, разлученных войной. Много их было, несыгранных свадеб, несостоявшихся рождений, несбывшихся радостей материнства и отцовства.

А участь детей, переживших все невзгоды и испытания войны, которые порой не под силу были и взрос-

лым? Их называли детьми войны, и этим все было сказано.

В течение многих лет после окончания войны ощущалось разрушительное воздействие, которое она оказала на состав населения по полу. Согласно переписи 1939 года, в то довоенное время в СССР было женщин на 7,2 миллиона больше, чем мужчин. В 1950 году женщин было на 21,7 миллиона больше: прямой результат потери мужского населения в военные годы. В 1982 году разрыв все еще составлял 17,4 миллиона — главным образом за счет возрастов старше 30 лет. В Белоруссии, где потери мужского населения в войну были особенно велики, структура населения по полу лишь в самые последние годы приблизилась к довоенной, выраженной в 1939 году 48 процентами мужчин и 52 процентами женщин. Надолго война перекосила половую структуру населения других стран, непосредственно участвовавших в военных действиях. Например, доля мужчин в общей численности населения ФРГ в 1980 году была равна 47,8 процента. Для сравнения отметим долю мужчин в Ирландии и Исландии в том же году: 50,1 и 50,6 процента соответственно (Народонаселение стран мира. М., 1984, с. 237—239).

Уроки второй мировой войны достаточны, чтобы представить себе, как пагубно повлиял бы на семью, ее судьбы новый мировой пожар. Да что там говорить о семье — под вопрос встала бы жизнь человеческого общества вообще. Американскому обывателю вдалбливают в голову, что в надежных индивидуальных убежищах (прекрасный бизнес для строительных фирм США) можно будет отсидеться, переждать ядерную войну. Но понятно, что глобальная война привела бы к необратимым катастрофическим изменениям во всей системе нашего земного обитания.

В 1984 году в Мехико состоялась Международная конференция по народонаселению. Важное место среди обсуждавшихся на ней проблем занял прогноз будущей численности населения мира. Отмечалось, что продолжающийся быстрый рост численности землян при отставании роста объема производимого продовольствия по-прежнему грозит миру голодом. Как и на подобной же конференции, состоявшейся десятью годами ранее в Бухаресте, многие ученые и политики из капиталистических стран пытались доказывать, будто предупредить грозящую катастрофу можно лишь с помощью дальнейших

энергичных мер по сокращению уровней рождаемости в развивающихся странах. Этой мальтузианской позиции был противопоставлен курс прогрессивных участников конференции на разрешение современных острых проблем народонаселения с помощью преобразований в экономике и социальной жизни. И главное, подчеркивали они, необходимо покончить с гонкой вооружений, пожирающей средства, которые могли бы быть обращены на благо народонаселения. По предложению участников конференции, представлявших страны социалистического содружества, в итоговый документ этого международного форума был включен раздел под названием «Мир, безопасность и народонаселение».

Народам нужен мир. Без него невозможно нормализовать демографическую обстановку на земном шаре. Невозможно предоставить людям тот минимум благ, при котором может идти речь о борьбе за счастье семьи, счастье детей.

Стремителен бег времени, и вот уже совсем близок от нас рубеж нового, XXI века. Лишь немногим поколениям за столетие доводится стать свидетелями смены веков. А пройти через смену тысячелетий — это выпадает на долю лишь нескольких из многих сотен человеческих поколений. Поколения ныне живущих людей относятся к их числу: менее чем через пятнадцать лет они шагнут в третье тысячелетие.

Каким будет он, этот знаменательный хронологический рубеж, что возвестит человечеству? Советская держава предложила другим великим державам мира ознаменовать вступление в новое тысячелетие свободными от ядерного оружия, поэтапно и последовательно осуществить и завершить процесс освобождения от него в течение ближайших пятнадцати лет. Предлагаемый нами комплекс новых внешнеполитических инициатив, говорится в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 15 января 1986 года, рассчитан на то, чтобы человечество встретило 2000 год под мирным небом и космосом, чтобы оно не знало страха перед ядерной, химической или любой другой угрозой уничтожения и было твердо уверено в собственном выживании и продолжении рода человеческого.

Организацией Объединенных Наций 1986 год объявлен Годом мира. Его цель — активизировать борьбу народов за мир, сообщить ей новый импульс. Всеобъемлющие советские мирные инициативы создали благоприят-

нейшие условия для успеха великой международной кампании, а дух Женевы, как мировая общественность назвала ситуацию, возникшую после недавней встречи руководителей СССР и США, породил у людей планеты надежду на возможность избежать ядерной катастрофы, предотвратить новую мировую войну.

Как, однако, реагируют на мирные советские предложения руководители империалистических держав? Через свои средства массовой информации они в лучшем случае делают вид, что будто так же, как и мы, заинтересованные в мире, они серьезно изучают наши предложения. Далее, как хорошо известно, следуют оговорки и увертки, призванные свести на нет усилия по радикальному разрешению в пользу народов мира острой проблемы современности. В конечном счете к советским мирным предложениям приклеивается ярлык: «Пропаганда».

Этот прием не нов. Во все годы существования Советской власти идеологи и политики империализма пытались перед мировой общественностью изобразить из нас людей, у которых будто бы слово — одно, а дело — другое, будто все провозглашаемое нами — это или утопия, или «коварный замысел», направленный якобы на насильственное распространение коммунизма в «свободном мире». Уже на другой день после победы Октября империалистические главари объявили нашу революцию «ошибкой» истории, бунтом, заговором и ринулись «исправлять ошибку» силами белогвардейцев и интервенционистских войск. Хорошо известно, чем закончился этот поход, имевший своей целью покончить с «красной опасностью».

Когда мир узнал о запланированном Страной Советов великом трудовом подвиге — о первой пятилетке, враги коммунизма ухмылялись, предвещая провал задуманного советскими коммунистами. Но план первой пятилетки был успешно реализован, и за ней, как все знают, последовало дальнейшее стремительное наращивание экономического могущества Советского государства.

А как широко раструбило геббельсовское пропагандистское ведомство неизбежную будто бы и быструю гибель «колосса на глиняных ногах», когда на Советскую страну обрушились фашистские орды. Фашистские писаки в листовках, которые сбрасывались с самолетов в первые дни войны, делали попытки расшатать у наших людей и у наших друзей за рубежом веру в разгром врага. Чем и как закончились прогнозы фашистских главарей и их покровителей, общеизвестно.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советского народа враги коммунизма твердили, будто пройдут десятилетия, прежде чем Страна Советов возродит из руин свою экономику. И этот «прогноз» был начисто опровергнут. История — самый беспристрастный судья, и она неопровержимо фиксирует согласованность или несогласованность слова и дела.

Слово и дело не расходятся, если они опираются на объективную действительность, выражают собой сущность, внутреннюю природу вещей. Наша приверженность миру выражает именно эту, объективную сторону бытия. Там, где главная забота общественного строя — благо людей, гармоничный образ их существования и развития, там тяга к миру, к избежанию военных столкновений генерируется сама собой, из глубин этого строя. И наоборот, там, где общественные отношения произрастают из хищнического, эксплуататорского интереса, там закономерно генерируются агрессия и политический авантюризм. В этой связи, как отмечено в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, можно сказать о целом комплексе побудительных мотивов: хищнических аппетитах фабрикантов оружия и влиятельных военно-бюрократических группировок, корыстной заинтересованности монополий в источниках сырья и рынках сбыта, страхе буржуазии перед происходящими переменами, наконец, попытках решить за счет социализма собственные обострившиеся проблемы.

Советский народ осуществил за послевоенные пятилетки гигантскую программу подъема жизненного уровня граждан страны. Это оказалось возможным лишь в условиях мира. Масштабы осуществленного могли бы быть намного большими, если бы не прямые и косвенные потери, понесенные нашей страной от агрессии и милитаристских угроз империализма.

Ныне на основе решений, принятых XXVII съездом КПСС, в нашей стране реализуется еще более грандиозная программа повышения благосостояния народа. Исходя из предусмотренного удвоения производственного потенциала страны за пятнадцать лет и его качественного преобразования, предполагается удвоить объем ресурсов, направляемых на улучшение условий жизни советских людей. А намечаемое повышение реальных доходов в 1,6—1,8 раза в расчете на душу населения позволит достаточно полно воспользоваться этим приростом соци-

альных благ. Партией поставлена задача — в самый короткий срок разрешить продовольственную проблему, для чего, как известно, разработана и реализуется специальная программа. Благодаря реализации другой комплексной целевой программы — развития производства товаров народного потребления и сферы услуг — предполагается обеспечить сбалансированность спроса и предложения в торговле и во всех видах социально-бытового обслуживания населения. В широких масштабах будет продолжено жилищное строительство, с тем чтобы к 2000 году каждая семья была обеспечена отдельной квартирой или домом. Начата реформа общеобразовательной и профессиональной школы. Выдвинута задача перестройки высшего и среднего специального образования. Как дело первостепенной важности КПСС рассматривает охрану и укрепление здоровья людей, для чего повсеместно и как можно быстрее должны быть удовлетворены потребности населения в высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощи. Огромные материальные затраты предусмотрены для мероприятий по охране природы и рациональному использованию ее ресурсов.

Словом, ныне Страна Советов, как никогда раньше, в лесах новостроек. Страна, поставившая перед собой задачу — всего лишь за пятнадцать лет удвоить свою производственную мощь, то есть за полтора десятилетия создать в области экономики то, что было создано до этого почти за семь десятилетий, причем на самой новой технической основе, — такая страна может иметь лишь мирные устремления, лишь они могут гарантировать успех планам созидания. Это говорится в напоминание тем, кто все еще поддается рассказам о неискренности советской внешней политики. Там, где сознание людей напичкано всякого рода измышлениями о жизни советских людей, их психологии, помыслах, где методически насаждается миф о «советской угрозе», «красной опасности», там все еще рассчитывают на успех попыток дискредитировать советскую политику мира, хотя ее природа — в мирном, созидательном труде, именно в нем ее корни.

Социализм и мир, говорим мы, неразделимы. Столь же неразделимы мир и счастье людей.

Выделяя в рассмотренных проблемах то, что представляется наиболее важным, прежде всего вновь отметим высочайшую жизнестойкость института семьи. Этот институт претерпел немало изменений. Причем не только за тысячелетия и века, в последнее время — даже за десятилетия. Однако семья как таковая сохранилась, она как была, так и остается основной социально-демографической ячейкой общества.

Едва ли можно предположить, что со временем человечество отыщет какую-нибудь замену семье, так чтобы она могла лучше, чем семья, выполнять функцию самого близкого человеческого общения и одновременно функцию воспроизводства поколений. Правда, кое-где в мире имеют место определенные отклонения от традиционных семейных отношений, в виде, например, вариантов «свободной любви». Но существенно, что эти отклонения — отнюдь не массового порядка. И потому нет серьезных оснований для вывода об исчезновении института семьи в перспективе. Напротив, имеются все основания считать, что по мере освобождения семейных отношений от пут эгоистического расчета семья как социальный институт будет становиться все крепче.

В качестве второго очень важного момента в нашем итоговом рассмотрении проблем семьи и детей укажем на «детность» семьи как преимущественное ее состояние. Существование известной доли бездетных семей можно в ряде случаев считать результатом нездоровья — то ли физического, врожденного или приобретенного, то ли социального, выраженного пренебрежением к общепринятым нормам поведения человека. Не приходится доказывать, что во втором случае нежеланием иметь детей, за которым нет, по существу, никаких веских причин, человек наносит определенный ущерб не только обществу, он в конечном счете обирает и самого себя.

Что касается малодетности, то в любом случае ее

нельзя считать свидетельством угасания потребности в детях. Эта потребность в своем существе не изменилась: дети по-прежнему являются для родителей источником тончайших и самых прочных эмоциональных контактов, объектом самых искренних забот, и прежде всего заботы об усвоении детьми положительного жизненного опыта, накопленного предшествующими поколениями. Если во многих других случаях потребность в эмоциональном общении и потребность заботиться о чем-то могут в ходе совершенствования уклада жизни заменяться другими объектами, более подходящими, чем те, которые имеются ныне, то для потребности в детях объект остается раз и навсегда один — сами дети.

Супруги, как правило, хотят иметь более чем одного ребенка. Если же они ограничиваются одним, то главная причина этому — условия, которые пока еще не позволяют иметь детей в большем количестве. Их станет больше, когда нужды и запросы человека, определяющие гармоничность его развития, нужды и запросы, «конкуренция» между которыми обусловила нынешнюю малодетность, будут удовлетворяться все полнее. Говоря по-другому, «конкуренция» потребностей будет развиваться до уровня, за которым должно начаться ее смягчение, а оно должно выразиться, в частности, в более полном удовлетворении потребности в детях.

Проблемы семьи и детей внешне воспринимаются как «домашние» проблемы. Это нередко служит поводом для преувеличения самостоятельности, автономности семьи как общественного института, что показательно для отдельных исследователей на Западе. Например, по утверждению английского социолога Фердинанда Моунта, семья является единственной организацией, продолжающей «производить подкопы» под государство, она — «непримиримый враг всякой иерархии, церкви, идеологии» (Моунт Ф. Семья-разрушитель. Лондон, 1982, с. 1). Это явное преувеличение. Семья как первичная общественная ячейка представляет общество во всех его главных чертах и теснейшим образом зависит от общества.

Вот почему в проблемах семьи и детей в современном мире — и это мы обозначим как третий, весьма важный момент в нашем заключении — должно строго разграничиваться то, что в них относится к человечеству в целом, и то, что является продуктом данного, именно данного общественного строя. Последнее требует особого внимания, ибо служит для современников аргументом в исто-

рическом споре между социализмом и капитализмом? Эксплуататорский строй по самой своей природе неспособен обеспечить реализацию возможностей, которые для счастья людей может дать семейная жизнь. Этот строй вредит семье, калечит детей. Социализм же обладает объективными предпосылками для всемерного упрочения семейных союзов. Он стоит на страже семьи, причем детям отдает все лучшее, что у него есть.

При всей правильности тезиса о зависимости семьи от общества нельзя не видеть и относительную автономность семейного института. Многие жизненные вопросы — это отметим как четвертый узловой момент в нашем заключении — решаются именно в семье, и только в ней (хотя косвенное влияние общества при этом бесспорно). Так обстоит дело, например, когда в семье решают: быть или не быть еще одному ребенку. Или, чего доброго, о разрыве неудачно сложившегося супружества. Отсюда — необходимость воспитания чувств, привития всему населению, взрослому и невзрослому, культуры семейных отношений.

Проблемам укрепления семьи уделил значительное внимание исторический XXVII съезд КПСС. Они представлены в новой редакции Программы КПСС, Основных направлениях экономического и социального развития СССР на двенадцатую пятилетку и на перспективу; о них довольно подробно говорилось в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев указал на сложность задач, связанных с формированием новой семьи. Количество разводов всё еще велико. Имеется немало неблагополучных семей. «Все это, — подчеркнул М. С. Горбачев, — отрицательно сказывается в первую очередь на воспитании детей, а также на моральном состоянии мужчин и женщин, их трудовой и общественной активности. Общество, разумеется, не может безучастно относиться к этим явлениям. Прочная семья — один из важнейших ее устоев».

В интервью политическому директору газеты французских коммунистов «Юманите» Р. Леруа Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, отвечая на вопрос о перспективах повышения благосостояния советских людей и при этом отметив, что они будут зависеть от того, как мы справимся с возникшими проблемами, указал на наличие у нас объективных трудностей. Как наиболее крупные из них М. С. Горбачев назвал неблагоприятную

демографическую ситуацию и навязываемую нам гонку вооружений (Правда, 1986, 8 февр.).

Неблагоприятная демографическая ситуация. Ее оздоровление во многом будет зависеть от того, насколько окажутся эффективными дополнительные мероприятия демографической политики для сокращения числа разводов, укрепления физического и духовного состояния детей и подростков, преодоления однодетности, появления в однодетных семьях вторых, третьих детей при надлежащем уходе за ними, воспитания соответственно требованиям времени.

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года определено, что именно будет у нас осуществлено за ближайшие пятилетия в области демографической политики. Будет продолжен курс на расширение помощи семьям, имеющим детей, на улучшение условий труда и быта женщин. В частности, ставится задача — осуществить поэтапно, по районам страны, увеличение продолжительности частично оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком. Предусматривается расширение сети профилакториев для беременных женщин. Молодым семьям будут расширены льготы и преимущества при вступлении в жилищно-строительные кооперативы и строительстве индивидуальных домов. Уже в ближайшие годы предполагается решить проблему обеспечения детей дошкольными учреждениями, для чего намечено построить детские сады и ясли примерно на три миллиона мест. Улучшатся условия содержания детей в дошкольных учреждениях. Больше станет школ или отдельных групп с продленным днем, что позволит, с одной стороны, усовершенствовать условия учебы и досуга школьников и, с другой, улучшить условия труда и отдыха их родителей. Расширится сеть пионерских лагерей, дворцов и домов пионеров и школьников, спортивных школ и других детских учреждений.

Таковы проявления заботы в социалистическом государстве о прочности и процветании семьи, ее счастье в настоящем и будущем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ	9
1. ЧЕГО НЕДОСТАВАЛО И ЧТО ВПОСЛЕДСТВИИ ПОЯВИ-	
ЛОСЬ В ЗНАНИЯХ О СЕМЬЕ	9
Древнее представление о семье и его опровержение	
наукой	10
С чего семья начиналась	13
2. ЕДИНОБРАЧИЕ: ОТ ПОЛОВИНЧАТОГО — К ПОЛНОМУ	20
3. КРИЗИС СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ?	23
Чем вызван «новейший стиль жизни»?	24
Жен больше, чем мужей	26
Конец старой семьи	27
Семья, брак, любовь	28
Нужны ли сегодня человеку дети?	35
Радость общения	55
Не погаснет семейный очаг	56
УДАЧИ И ПРОМАХИ ГИМЕНЕЙ	59
1. БРАКИ И РАЗВОДЫ: СООТНОШЕНИЕ МНИМОЕ И	
РЕАЛЬНОЕ	60
Реванш за древнейшее поражение	67
Плоды поспешности	76
Съесть по орешку из кедровой шишки	86
Надо ли страховать тещу?	99
Семья и ее второй дом	102
2. БЕСКРЫЛАЯ СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ	103
В поисках жар-птицы	110
БЫЛИ Б СЧАСТЛИВЫ ВСЕ ДЕТИ ЗЕМЛИ	114
1. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ РЕБЕНКА	114
2. ИХ ИСКАЛЕЧЕННОЕ ДЕТСТВО	117
Короткий детский век	117
Никаких школ — работа	123
Бремя «незаконнорожденности»	135
Перед воротами тюрьмы	139
3. ЧЕМ КРАСНА ЗАБОТА	144
Материнство и детство — под опекой государства	144
От Лубянки до Аюдага	153
Непременное условие — мир	164
Заключение	170

Яков Израилевич Рубин

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

Заведующий редакцией А. Е. Варин. Редактор А. А. Петраш-
кевич. Художник С. А. Степанов. Художественный редактор
В. А. Губарев. Технический редактор В. В. Хоревский. Кор-
ректоры И. А. Малиновская, И. Н. Пупко.

ИБ № 2411

Сдано в набор 18.11.85. Подп. в печ. 14.04.86. АТ 05038. Формат
84×108/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Высокая
печать. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,45. Уч.-изд. л. 9,73.
Тираж 93 000 экз. Зак. 1987. Цена 35 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Государ-
ственного комитета БССР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.
Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомби-
нат МППО им. Я. Коласа, 220005, Минск, Красная, 23.

Рубин Я. И.

Р 82 Право на счастье: О пробл. семьи и детей.— Мн.: Беларусь, 1986.— 174 с.

Популярная книга доктора экономических наук посвящена старым, но вечно актуальным проблемам любви и брака, взаимоотношений между супругами, родителями и детьми. В ней всесторонне рассматривается одна из важнейших задач советского общества — укрепление семьи, создание благоприятных условий для воспитания и гармоничного развития подрастающего поколения.

Адресуется массовому читателю, и прежде всего молодежи.

Р 0302050000—163
М301(05)—86 10—86

ББК 87.715

35 к